ПИЛСУДСКИЙ

ГК625
П 53b

1920 ГОД

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК

Ю. ПИЛСУДСКИЙ

1920 ГОД

ПЕРЕВОД
ПЕТРУСЕВИЧА
ПРЕДИСЛОВИЕ
ТРИАНДАФИЛЛОВА

С 8-Ю СХЕМАМИ

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
МОСКВА 1926

1-й экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
Предисловие.—Триандафиллов		3
Предисловие автора		8
Глава I	— Силы сторон	14
Глава II	— Театр военных действий. Группировка сил	21
Глава III	— Майское наступление	31
Глава IV	— Подготовка к июльскому наступлению	44
Глава V	— Действия сторон между 4 и 6 июля	51
Глава VI	— Действия сторон между 6 и 14 июля	80
Глава VII	— Ход событий после боев 11—14 июля	99
Глава VIII	— Варшавская операция и подготовка к ней	108
Глава IX	— Революция извне	151
Глава X	— Действия таранными массами	159

ГК 625
П 536 Р
Инстит... Ленина
при Ц. К. Р. К. П. (б.)
375
26
129423
129423
СФ
40844
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд

Ленинградский Гублит № 8.206. Заказ № 195. Тираж 4.000.

Военная Типография ГУРККА. (Пл. Урицкого 10).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию русского читателя книга Юзефа Пилсудского, бывшего главнокомандующего польской армией во время нашей войны с белополяками в 1920 г., не является ни историей, ни даже „воспоминаниями" наподобие, скажем, „воспоминаний" Людендорфа, Гинденбурга и др. Книга эта носит чисто полемический характер. Она написана по поводу брошюры тов. Тухачевского „Поход за Вислу". „Мною же,— пишет Пилсудский в своем предисловии,—было получено приглашение от польских издателей этой книжки дать для польского общества свою оценку этого небольшого произведения и *противопоставить мыслям и оценке обстановки в каждом отдельном случае, высказанным командующим одной из борющихся сторон,—мысли и такую же оценку командующего с нашей стороны* [1])".

Этим обстоятельством фактически определяется как содержание книги Пилсудского, так и метод ее изложения. На всем своем протяжении от начала до конца все изложение носит исключительно полемический характер. Автор старается доказать, что тов. Тухачевский не только как командующий фронтом во время войны с Польшей допустил целый ряд крупных ошибок, но что он эти ошибки повторил и в своих лекциях, читанных в военной академии об этой войне, что он в своем изложении или слишком пристрастен к своим действиям, или неверно освещает факты, или строит неверную теорию там, где на основании опыта этой войны пытается делать кое-какие обобщения. Идя по этому очень неблагодарному пути, Пилсудский слишком часто переводит вопрос на личную почву и кидает по адресу тов. Тухачевского разные эпитеты, которые не делают чести самому Пилсудскому. Впрочем, в оценке личности тов. Тухачевского Пилсудский очень колеблется. То он называет тов. Тухачевского человеком с „абстрактным мышлением", „доктринером", то указывает, что т. Тухачевский является командующим с сильной волей, с большой энергией, умением заразить своих подчиненных и этой энергией и настойчивостью, является командующим с признаками крупного полководца, способного на смелые планы и их энергичное выполнение. Наш советский

[1]) Курсив наш.

читатель может легко определить, чем вызывается то неприязненное отношение польского главнокомандующего к „советскому генералу“, которое местами пропитывает весь труд Пилсудского. Большего внимания заслуживает вопрос, насколько можно книгой Пилсудского пользоваться как историческим материалом.

Сам Пилсудский неоднократно пытается показать, что, не в пример „абстрактно мыслящему“ Тухачевскому, он дает „анализ“ событий, он пишет историю, а не агитационную брошюру. По существу же Пилсудский нигде не дает ни анализа обстановки, ни исторического освещения фактов. Анализа боевых действий у Пилсудского фактически мы нигде не находим. Он нигде не считает себя обязанным остановиться детально на *научном рассмотрении* той обстановки, в которой эти боевые действия протекали. Даже в подсчете сил, участвовавших в этой кампании, Пилсудский допускает большую небрежность: так, например, для него безразлично и не играет особенной роли, участвовало ли со стороны поляков в Варшавском сражении 120 или 180 тысяч человек.

Читатель сам видит, что между этими двумя цифрами „дистанция огромного размера“, что нельзя так легко отделываться от тяжелой обязанности историка, добросовестно анализировать исторические явления, и ограничиваться красивыми фразами.

Во многих местах Пилсудский ударяется в гадания и рассуждения о том, что было бы, если бы поступили не так, а иначе, и так как он не освещает как следует конкретной обстановки данного случая, то рассуждения его теряют всякую убедительность и становятся „гаданием на кофейной гуще“. Даже там, где Пилсудский пишет о вопросах, к которым он относится с особой любовью—например, о Варшавском сражении, он не в состоянии оторваться от фельетонного рассказа и стать на почву научного рассмотрения вопроса. Поэтому вся книга его полна многими „лирическими отступлениями“, рассуждениями на темы, не относящиеся к существу вопроса, но такими, которые могли бы выпятить фигуру этого злополучного „маршала“ на передний план, рассуждениями, которые могли бы показать польскому читателю, что спасителем „родины“ в такую критическую минуту явился он, маршал Пилсудский, который в настоящее время из-за разных политических интриг оказался не у дел и вынужден заниматься „историей“.

Еще слабее оказывается Пилсудский там, где он старается касаться политических вопросов. Здесь он совсем не далеко уходит от обыкновенного обывателя, который не способен видеть классового характера современного государства, и отделывается по этому поводу шуточками, стремясь

доказать, что Польское государство, это что-то особенное, на другие государства не похожее, что в нем могут волк и ягненок жить рядом и не чувствовать вражды друг к другу. Между тем сам Пилсудский в нескольких местах своего труда указывает на то, что под влиянием наших успехов, в Польше за внешним фронтом уже создавался „фронт внутренний", т.-е. осуществлялось как раз то, к чему стремилась летом 1920 г. Красная армия. Пилсудский в своей книге называет себя социалистом, он пишет о том, что социальными вопросами интересовался еще тогда, когда у его оппонента, Советского генерала Тухачевского, „молоко на губах не обсохло". Несмотря на столь давнее увлечение Пилсудского социальными вопросами, он в них разбирается очень слабо. Он не видит разницы между царской Россией и Россией Советской, он не видит разницы между взаимоотношениями Польши и Советской России в 1920 г. и отношением царской России к Польше до революции. Для него Россия является „казацкой" и в 1920 году. Он не видит, что после Октябрьской революции роли переменились, что после нее Россия стала *играть прогрессивную роль в истории*, а Польша, которая когда-то была прогрессивной силой, стала теперь консервативной, что она уже смотрела не вперед, а назад. Этого существа вопроса „социалист" Пилсудский, конечно, не в состоянии увидеть.

Книга Пилсудского встречена даже в самой Польше не особенно дружелюбно. По поводу нее есть отзывы [1]), показывающие, что даже польская общественность не склонна видеть исторические явления в том освещении, в котором их дает бывший начальник Польского государства. Польские авторы не согласны с Пилсудским ни относительно той роли, которую он себе приписывает, ни относительно той оценки, которую он дает двум фактам: пребыванию французкой миссии в Польше в 1920 г. и той волне добровольного вступления польской молодежи в ряды армии, которую мы наблюдали в период, когда пушки загрохотали непосредственно на подступах к Варшаве. Польские авторы считают, что перелом в настроении общественного мнения произвел именно факт присутствия генерала Вайгана, этого соратника маршала Фоша. в те тревожные дни в Варшаве, что перелом в настроении армии произвела именно эта волна добровольцев, хлынувших в ее ряды в августе 1920 г.

Не особенно лестно отзываются польские авторы и о самом труде бывшего своего главнокомандующего. В их оценке труд Пилсудского „1920 г." не далеко ушел от тех трудов, о которых сам Пилсудский в конце своего предисловия пишет, что „некоторые наши исторические издания—увы!—стоят

[1]) „Газета Варшавска" от 19, 21, 22 и 25 января 1925 г.

настолько низко, что не могут явиться ни хорошим источником, ни выдержать сравнения с работой в этой области наших бывших противников, а часто, чересчур часто,—создают впечатление работы школьника, который, зная, что провалился, кичливостью и притворным весельем старается обмануть сурового учителя—историю".

Несмотря на то, что Пилсудский очень часто в своем труде отзывается о Красной армии с пренебрежением, все же он вынужден местами останавливаться и на положительных сторонах ее работы. Так, мы из этой книги узнаем о том, что наша конница заставила поляков проникнуться должным уважением к себе. Первоначально Пилсудский относился к нашей конной армии с пренебрежением. „Мне казалось,—говорит он,—просто невозможным, чтобы мало-мальски хорошо вооруженная пехота с приданными ей пулеметами не смогла справиться с кавалерией при помощи своего огня.... Я просто пренебрегал этим новым противником". Только под конец июня Пилсудскому „стало ясно, что ему не удастся добиться быстрого успокоения на Южном фронте и что поэтому его проект, основанный на игнорировании ценности конницы, должен быть изменен"; в другом месте он пишет, что „4 июля я пришел к убеждению, что должен изменить свою точку зрения на стратегическое положение, которое создали успехи конницы Буденного на юге". Оказывается, что под влиянием успехов этой конницы, по словам Пилсудского, „*начинала разваливаться государственная работа, вспыхивала паника в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, начинал организовываться наиболее опасный для меня* (Пилсудского.—*В. Т.*) *фронт—внутренний*".

Довольно ярко у Пилсудского освещены и результаты нашего марша-маневра от Двины и Березины к Висле. Он совершенно открыто сознается, что как самый этот марш, так и его организация достойны восхищения. Этот марш даже на очень испытанных генералов „производил впечатление какого-то ужасного калейдоскопа, в котором каждый день является какое-то новое положение, с новыми названиями географических пунктов, перемешанных с номерами полков и дивизий, с новым распределением времени, с новым расчетом пространства. *Под влиянием этого марша колебались характеры, размякали сердца солдат, создавался за внешним фронтом фронт внутренний*".

Таким образом, несмотря на то, что Пилсудский старается на всем протяжении своего труда показать, что в Польше не было никаких предпосылок социальной революции, что наша война с поляками являлась войной чисто национальной, мы видим, что сам он вынужден во многих местах, сам того не сознавая, открывать нам ту истину, что победы Красной армии несколько раз приводили к возможности создания

внутри Польши второго фронта, „фронта внутреннего", т.-е. к революции. К сожалению, Пилсудский не хочет понять, что Красная армия как раз к этому и шла, что для этого она и наступала в глубь Польши, и если, несмотря на ее героизм, все же окончательной цели не достигла, то на это есть другие причины, лежащие за пределами намерений ее вождей. Эти причины и должен вскрывать серьезный исторический труд.

Интересно и то обстоятельство, что, вопреки распространенным у нас мнениям о нашем тыле в период Варшавского сражения, Пилсудский отзывается об этом тыле с восхищением. Для него совершенно непонятно, каким образом, при том быстром темпе наступления, которое вела Красная армия, к моменту нашего подхода к Висле польские железные дороги до меридиана Седлеца были большею частью уже перешиты на нашу колею и на ж.-д. станциях в этом районе можно было уже найти наши вагоны. Конечно, Пилсудский не знает о тех затруднениях, которые мы испытывали в паровозах и вагонах. При наличии подвижного состава мы во время этой войны имели бы совершенно удовлетворительный тыл.

Совершенно ясно, что в труде Пилсудского очень много исторических неточностей и еще больше тенденциозности. Читатель должен иметь в виду это обстоятельство при чтении этой книги. Было бы бесполезным делом в многочисленных примечаниях указывать, где Пилсудский неправильно освещает факты. Для тех читателей, которые захотели бы лично проверить, как действительно протекали те или иные события, о которых Пилсудский полемизирует с тов. Тухачевским, было бы полезно обратиться к нашим историческим исследованиям, — хотя бы к работе товарищей Какурина и Меликова „Война с белополяками".

В. Триандафиллов.

Предисловие автора

1920 год надолго останется памятным в истории по меньшей мере двух государств и народов. На обширной арене между Днепром, Березиной и Двиной, с одной стороны, и Вислой—с другой, путем вооруженной борьбы решались судьбы нашего государства и соседней с нами Советской России. Исход борьбы решил одновременно на известное время и судьбы миллионов человеческих существ, которые были тогда представлены сражавшимися на этом огромном пространстве армиями и их командующими. Я не хочу вдаваться в исследование вопроса, распростиралось ли значение веденных в этом году боев на значительно более широкие круги, нежели те, какие определялись границами обоих находившихся в вооруженной борьбе государств. Несомненно, однако, что напряжение нервов во всем цивилизованном мире было необычайно велико, и на нас, тогдашних солдат, было направлено много взоров, наполненных то тревогой, то надеждой, то слезами горечи, то улыбкой счастья. Поэтому-то нет ничего удивительного, что любопытство все еще требует выяснения загадок и сомнений, которые некогда удручали людей. Понятным также является и наше,—как главных действующих лиц тогдашних исторических событий,—любопытство в отношении действий, мыслей и даже всех подробностей работы тех, с которыми мы скрещивали тогда шпаги. Г-н Тухачевский (не могу подыскать иного выражения, ибо опасаюсь, как бы определением по рангу не задеть чем-нибудь своего бывшего противника) издал недавно брошюру под названием „Поход за Вислу“; мною же было получено приглашение от польских издателей этой книжки дать для польского общества свою оценку этого небольшого произведения и противопоставить мыслям и оценке обстановки в каждом отдельном случае, высказанным командующим одной из борющихся сторон,—мысли и такую же оценку командующего с нашей стороны. Считаю, что издатели подали в данном случае удачную мысль, ибо такое одновременное наблюдение, сделанное обеими борющимися сторонами, дает наибольшее приближение к действительной правде и может послужить очень хорошей основой для всякого серьезного исторического исследования. Безусловно, г-н Тухачевский имеет преимущество первенства, так

сказать преимущество инициативы, ибо начал первым. По этой-то причине, согласно с целями издательства, я заранее связан как построением труда г-на Тухачевского, так и его методом и конструкцией; в работе же литературной, равно как и в работе военной, такое первенство является немаловажным преимуществом. В силу того, однако, что и в нашей военной встрече судьба благоприятствовала не мне, а стороне противной, я охотно согласился на предложение издателей, ибо самый способ изложения г-на Тухачевского необычайно благоприятствует удовлетворению широко ощущаемой у нас потребности освещения многих явлений, так глубоко нами пережитых в решительный для нашей родины 1920 г.

А именно, г-н Тухаческий, издавая под вышеуказанным названием свои лекции, читанные им на дополнительном курсе военной академии в Москве, пошел по пути ограничения их содержания так далеко, что заполнил их, исключительно, как сам указывает во вступлении, „общим стратегическим обзором операций", а „рассмотрения стратегических деталей и тактических действий различных войсковых соединений" решил совершенно избегать. Ввиду этого небольшое произведение г-на Тухачевского становится доступным широким кругам читающей публики. Ибо стратегия, понимаемая в столь общих формах, без более тесной связи с ее деталями и с рассмотрением тактических действий войск, освобождает пишущего или говорящего от тяжело перевариваемого широкими кругами анализа военной обстановки, не требует трудных для уразумения средним читателем схем и карт и вместе с тем переносит читателя или слушателя в ту область, где зачастую начинают неотразимо господствовать неосязаемые для точного анализа чары военного искусства. В области же всякого искусства среднеразвитой человек ориентируется относительно свободно и, по крайней мере, свободно себя чувствует; когда мы имеем выставку картин, все не пишущие таковых совершенно свободно рассуждают о художниках и их методах, когда же перед нами выставка войны, — нет более широко обсуждаемой темы, как стратегические ошибки и мероприятия главных актеров войны, уделом которых собственно и является область стратегического военного искусства. Поэтому-то, когда наш Станьчик говорит, что в мире больше всего имеется врачей, дающих больным советы, я позволю себе возразить знаменитому соотечественнику, утверждая, что во время войны больше всего имеется мудрых „стратегов", свободно оперирующих в области стратегических операций. Ввиду того, что отзвуки минувшей войны еще носятся в воздухе, что неоднократно старые и молодые участники еще столь недавних поражений и побед болтают среди охотных слушателей о своих походах, я благодарен Тухачевскому, что он методом своей работы пробудил во мне желание скрестить

с ним еще раз шпаги, в данном случае невинно, на бумаге, в надежде, что таким путем мы оба будем способствовать более глубоким и более обоснованным рассуждениям среди любителей стратегии наших родин.

Говоря о скрещении шпаг и отмечая преимущество г-на Тухачевского,—ибо он имеет право их выбора,—спешу сразу же отметить, что я имею свои преимущества, коими не замедлю воспользоваться. Первым из них является тот факт, что исторические события поставили меня выше г-на Тухачевского. Правда, он командовал большей, но, однако, только частью советских войск, сражавшихся тогда с нами, в то время как я являлся главнокомандующим всей польской армии. Поэтому-то когда он, как подчиненный, неоднократно, в силу необходимости, был стесняем в своих намерениях приказом начальников и выделением ему средств для борьбы, которую он вел, я этого стеснения не испытывал. В силу этих причин вопросы самых общих стратегических действий я, по необходимости, должен был охватывать шире и применять и понимать военное искусство более широко, нежели это являлось уделом г-на Тухачевского. Утешаю себя тем, что это естественное преимущество совершенно отрицается самим г-ном Тухачевским, ибо он делает меня в своих суждениях также подчиненным—то генеральному штабу Антанты, то—капиталистам всего мира.

Остается рассмотреть еще другое мое преимущество, из-за которого я продолжительное время колебался, должен ли я вообще браться за работу, о выполнении которой меня просили.

Если г-н Тухачевский, как уже мною упоминалось, сознательно ограничив себя самым общим стратегическим обзором им же веденных операций, стал благодаря этому доступным относительно широкому кругу читающей публики, то одновременно тем же самым он нанес себе ущерб, ибо, читая лекции и издавая книжку о своей исторической деятельности по командованию большим количеством войск, он свел эту книжку к описанию одних только функций командующего, создавая этим зачастую впечатление ветряной мельницы, вращающейся в пустом пространстве. Я не хочу этим оскорблять или чем, либо умалять достоинства г-на Тухачевского, однако, чрезмерная, по моему мнению, абстрактность лекций отделяет г-на Тухачевского от войск, коими он командовал, столь далеким и до такой степени ничем не заполненным пространством, что только при условии большого усилия над собой я мог бы итти по его следам и приноровить свою работу к его методам и к его приемам изложения.

Поэтому-то я по нескольку раз перелистывал страницы его брошюры, колеблясь все время, выполнять ли взятую на себя работу, или же отказаться от нее совершенно, ибо я не мог решиться писать об исторических событиях и о вещах, ко-

торые реально совершались на войне, таким образом, как это сделал г-н Тухачевский.

Было бы еще понятным, и метод г-на Тухачевского имел бы оправдание, если бы вопрос шел об изложении курса общей стратегии или известной ее части и в качестве примеров, иллюстрирующих мысль лектора, были бы взяты те или иные исторические факты. Однако, ни само содержание изданной брошюры, ни способ трактования темы не дали мне возможности отнести труд г-на Тухачевского к такой именно категории. По существу здесь содержанием является история руководящей идеи командующего советских войск, стоявших против нас на фронте к северу от Припети во время неоспоримо красивой операции 1920 г. И едва лишь одну эту незначительную часть лекций г-на Тухачевского, а именно: его рассуждение о действиях таранными массами, можно было бы отнести к трудам теоретического характера, для коих понадобилась бы историческая иллюстрация. Но так как указанная часть во всей брошюре является кратким эпизодом, а остальное представляет собой историю в точном смысле этого слова, я, поскольку решился бы итти по следам г-на Тухачевского, не мог бы заставить себя отречься от прав действительного командования и отвергнуть права истории, тяготеющей всегда над командующими.

Несомненно, для всякой истории войны необходимейшим источником является история духовной работы каждого из командующих. Влияние, какое имеет эта работа на судьбы войны, является настолько большим, что история войны без нее делается непонятной, зачастую странной смесью крупных и мелких фактов, находящихся вне всякой системы, и поэтому нельзя охватить победы и поражения причинной связью, и висят эти явления в какой-то абстрактной пустоте, неизвестно для чего украшая лаврами головы одних и обливая краской стыда лица других.

Поэтому-то брошюра г-на Тухачевского является, несомненно, историческим источником: в ней г-н Тухачевский исповедывается в своих мыслях командующего и дает объяснение своей работы по командованию.

Но тогда эта необычайная абстрактность труда дает нам образ человека, который, как я уже говорил, перемалывает только свои собственные мысли, свои душевные переживания, отказываясь или не умея командовать войсками в их повседневных действиях, а между тем последние не только не всегда соответствуют мыслям и намерениям командующего, но неоднократно противоречат им и притом под давлением деятельности неприятельских войск.

Я не хочу этим сказать, что г-н Тухачевский именно так командовал, я не хочу в полной мере пользоваться даваемым мне таким образом преимуществом, но все же не могу

не поддаться впечатлению, что весьма много явлений в операциях 1920 г. объясняются не чем иным, как большой склонностью г-на Тухачевского командовать войсками именно таким абстрактным способом. Ввиду того, что в своем способе командования я никогда не находил этой склонности и о своей работе по командованию, когда вопрос идет об истории, не мог бы так писать и думать,—решившись в результате взяться за предложенную мне работу, я не отрекаюсь совершенно от этого естественного преимущества в нашей возобновленной на бумаге борьбе, преимущества, которое дает мне анализ, связывающий мои мысли и мою мозговую работу с работой войск и командиров, которые были мне тогда подчинены.

Если я так долго задержал читателя на вступлении, не переходя к содержанию, то сделал это для того, чтобы освободить себя от многих примечаний, которые я вынужден был бы делать, следуя при разборе операций 1920 г. шаг за шагом за г-ном Тухачевским.

Поскольку я сейчас уже занят устранением затруднений, встреченных мной в моей работе, мне хотелось бы устранить попутно еще несколько из них. Во-первых, я не хочу также итти по следам г-на Тухачевского в отношении стиля, в котором он написал свою работу. Несомненно, г-н Тухачевский издал книжку не для поляков и польских солдат, но своим, если можно так выразиться, сильно публицистическим стилем вовсе не украсил своей работы. В его стиле имеется, как будто, желание агитировать своих слушателей и читателей и постоянная попытка оскорбления своих противников. Не говоря уже о том, что лично я не имею никаких претензий к г-ну Тухачевскому за колоритные определения масс, боровшихся с ним в 1920 г., где явно сквозит желание предать нас общественному презрению,—в своем ответе я буду избегать даже такого обычного у нас определения, как „большевик", поскольку, несомненно, определение это получило у нас оттенок пренебрежения и оскорбительности. Это еще вовсе не исключает того, что в отношении социально-политических взглядов г-на Тухачевского я должен буду занять свою позицию; частично они разбросаны эпизодически в разных местах лекций, но главным образом сосредоточены в одной специальной главе, под названием „Революция извне". Противопоставление моих взглядов взглядам г-на Тухачевского мне кажется обязательным, ибо, несомненно, социально-политические факторы оказали весьма существенное влияние как на характер самой войны, так и, в дальнейшем, на суждения ее вождей.

Наконец, тут же во вступлении, отмечу, что, не найдя в лекциях г-на Тухачевского, как это я указывал уже выше, ответа относительно работы его, связанной с командованием

в целом,—я старался добыть иные источники, которые устранили бы этот недостаток и заполнили-бы пробелы. Нашел я их, правда, в недостаточном количестве, в ряде исторических работ, изданных нашими бывшими противниками. С истинным удовольствием констатирую, что как в отношении метода, так и в отношении изложения они могут выдержать сравнение с самыми выдающимися трудами мировой литературы этого рода. Истинным же перлом в этом отношении в этой литературе является книга г-на Сергеева под заглавием „От Двины к Висле", которая дает историю действий IV Советской армии, а также работы ее командующего,—автора книги.

Я пользовался усиленно этой книгой при всех моих попытках исторического анализа отдельных операций и обстановки кампании 1920 г., и—увы!—она дает возможность иллюстрировать ту истину о командовании г-на Тухачевского которую я высказал выше.

Закончу вступление сожалением, что некоторые наши исторические издания—увы!—стоят настолько низко, что не могут явиться ни хорошим источником, ни выдержать сравнения с работой в этой области наших бывших противников, а часто, чересчур часто, создают впечатление работы школьника, который, зная, что провинился, кичливостью и притворным весельем старается обмануть сурового учителя—историю.

Юзеф Пилсудский

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Силы сторон

Анализ труда г-на Тухачевского я должен начать не по плану его построения, а со специальной военной работы, которой он не выделил в особую главу, а привел в разных заметках в тексте или же в отдельных таблицах. Речь идет о численном подсчете своих и неприятельских сил, который должен вестись во время войны всеми командующими и штабами. Работа эта не является столь простой, как это зачастую многим кажется. В каждом штабе имеются специально для этого выделенные офицеры, которые не несут никакой иной работы, кроме постоянного подсчета и сопоставления сил, находящихся в распоряжении сторон для ведения боевых действий. Как доказательство, насколько сложными и запутанными бывают эти подсчеты, приведу тот факт, что военные историки, приступающие к своей работе с таким изобилием материалов, каким, наверно, никто не располагал во время войны, очень часто расходятся между собой в подсчетах при исследовании одного и того же боя или операции.

Г-н Тухачевский, производя подсчет наших сил и, очевидно, зная, что его легко можно упрекнуть в неточности, тут же наперед оправдывается, утверждая, что система нашего подсчета была неясной, так как за основу принимала число штыков и сабель. По странному стечению обстоятельств в исторической литературе, касающейся действия войск, коими командовал г-н Тухачевский, я встретил подсчеты, сделанные как раз таким же способом—на штыки и сабли. Г-н Сергеев, о котором я упоминал, таким именно способом подсчитывает свои силы. Одна из Советских дивизий (2-ая), описывая взятие ею в период этой же кампании Бреста, производит подсчет своих сил тем же самым методом. И если в подсчетах Советской армии обычным являлось исчисление не только по штыкам и саблям, но по количеству бойцов, то мы пробовали иным способом подсчитывать то, что являет сущность современных боев, а именно силу огня. Во всяком случае, мне показался странным тот факт, что г-н Тухачевский не захотел понимать нашего подсчета по штыкам и саблям, в то время как возглавляемые им войска не отличались в этом

отношении от нас. Когда же я постарался более обстоятельно проанализировать приведенные г-ном Тухачевским таблицы, у меня невольно возникло предположение, что затруднения, какие находил г-н Тухачевский при подсчете наших сил, были по меньшей мере преувеличены и, вероятно, преднамеренно, чтобы в конечном итоге получить цифры, выравнивающие численность его сил с нашими или же дающие даже численный перевес нам, а не ему. Это невольно бросается в глаза. Сознаюсь, что этот публицистический способ подсчета почти совершенно лишил меня охоты серьезного продумывания каждой цифры, приведенной г-ном Тухачевским.

Для примера, однако, хочу привести несколько первых попавшихся цифр из подсчета г-на Тухачевского, чтобы доказать этим, как он, если так можно сказать, играет с составными частями своих подсчетов. В первой таблице в подсчете Советских сил приведена 15 кав. дивизия, во второй таблице эта дивизия скрывается, чтобы затем вновь появиться в таблице третьей. В первой таблице, представляющей собой как бы приложение к описанию операции, которая велась в середине мая 1920 г., на нашей стороне указана 2-я Белорусско-Литовская дивизия численностью в 4.800 штыков, в то время как эта дивизия совершенно не принимала участия в указанной операции. Наиболее забавным, однако, является явно умышленное исчисление и выравнивание подсчетов в третьей таблице, дающей подсчет сил к 4 июля перед началом главной Советской операции, закончившейся под Варшавой. В самом низу таблицы прибавлена рубрика: „запасные батальоны и эскадроны действующих полков". Для нас они исчислены цифрой 27 000 штыков и 1 200 сабель, „готовых влиться в ряды". В то же время на русской стороне в этой рубрике для штыков и сабель мы находим три звездочки, не означающие никакой цифры, однако, указывающие, что эти батальоны и эскадроны уже учтены в составе дивизий. Таким путем замечательно подравнивается расчет наших и Советских сил, и получается даже сразу перевес на нашей стороне почти что в 30 000 штыков.

Комическое впечатление производят также мелкие ошибки при сопоставлении таблиц. Так, например, неизвестно по какой причине в первой таблице одни из наших пехотных дивизий облагодетельствованы конницей в 400 сабель (постоянно повторяющаяся цифра), в то время как другие дивизии этого благодеяния не получают. В другой же таблице, представляющей состояние нашей армии после 15 дней, проведенных преимущественно в боях, численность конницы внезапно возрастает, и вместо 400 фигурирует уже цифра в 500 сабель,— как будто во время боев численность штыков и сабель не уменьшается, а наоборот — увеличивается. Выше я упоминал об исчезновении во второй таблице целой кавалерийской ди-

визии; тот же самый способ совершенно спокойно был применен для тех же таблиц при выравнивании подсчета в отношении самой важной цифры, а именно: 29 дивизии пехоты, которая со своими почти-что 10 000 штыков и 600 сабель безвозвратно скрылась во всех остальных подсчетах.

Этот странный и испещренный поразительными ошибками подсчет наших и Советских сил мог бы явиться весьма прискорбным свидетельством работы Советских штабов, подчиненных г-ну Тухачевскому, если бы не обнаруживалась определенная тенденция в подсчетах, тенденция агитационно-публицистического характера, вовсе не увеличивающая достоинств произведений г-на Тухачевского. Тенденция эта выражается в том, чтобы в конечном подсчете в сумме, выведенной внизу столбца цифр, тенденциозно увеличить наши силы и наоборот — уменьшить свои. Г-н Тухачевский не связывает себя в этой работе тем обстоятельством, что в тексте, при описании своих действий, как вождя, он весьма часто противоречит цифрам, приведенным им же в таблицах. На стр. 14, при описании подготовительных к главной операции работ, г-н Тухачевский устанавливает, что „благодаря несокрушимой энергии красноармейских работников... пополнения тысячами потекли в наши дивизии". Благодаря этому был выполнен план удвоения боевого состава, однако в подсчетах, в приведенных таблицах, этого удвоения мы не замечаем. На стр. 29 г-н Тухачевский еще раз устанавливает, что во время похода от Березины и Двины к Висле более 30 000 вполне надежных людей было мобилизовано и влито в ряды командуемых им армий [1]). В подсчетах же и исчислениях состава армии мы опять-таки совершенно не замечаем следов нового пополнения. Поэтому естественно возникает вопрос, где собственно кроются преувеличения г-на Тухачевского,—в агитационном ли цифровом подсчете, приведенном в таблицах, или же в публицистической похвале красноармейским работникам и системе классового комплектования войск.

В силу всего этого не представляется возможным принять цифры Тухачевского и составленные им таблицы за исторический материал, и поэтому я решил во всех своих выводах и анализах пройти мимо них. Однако, не хочу обойти молчанием общих подсчетов, которые я составлял для себя во время кампании 1920 г.

Наши силы представляется возможным исчислить на основании периодических донесений о численном составе, представляемых командирами отдельных единиц. Предостерегаю, однако, каждого, кто бы захотел опираться единственно на эти данные. Прежде всего, как любитель исторических иссле-

---

[1]) Г-н Тухачевский прибавляет, что это есть „характерный и блестящий пример классового укомплектования".

дований, я должен подтвердить, что каждое донесение, независимо от его содержания, историк может принимать за верный источник только после критического анализа, ибо каждое донесение составляется для начальника и всегда имеет целью не только отчет, но и желание склонить начальника к тем или иным мыслям в отношении составляющего это донесение. Если это явление имеет место в армиях с долголетней традицией и продолжительным обучением, то что говорить о нашей армии, совершенно заново созданной и составленной в отношении командиров из людей, почти случайно собранных из самых разнообразнейших армий и школ. По этим именно причинам я никогда не относился чересчур серьезно к точности наших донесений о численном составе, а всегда вводил в эти донесения одну суммарную поправку, а именно: в нашей армии весьма распространена была система откомандирования множества людей из боевых линий в более близкие или далекие тылы для удобств войск и командиров и для разных хозяйственных работ. В донесениях же эти откомандированные люди никогда, или же почти никогда, не принимались во внимание, и для начальников указывались они, как постоянно пребывающие в полках. Снисходительность в этом отношении в нашей армии шла неимоверно далеко, и я почти не знаю случая, чтобы кто-либо из командиров применил в этой области более строгие дисциплинарные меры. Поэтому, всегда при получении периодического донесения о численном составе армии, в общий подсчет, составленный для меня, я вводил суммарную поправку, основанную на том, что, по меньшей мере, третья часть людей, дающих количество штыков и сабель, не должна быть мною учитываема, как боевая сила. Для некоторых дивизий эту поправку я значительно увеличивал, принимая во внимание только половину цифры, указанной в донесении.

Не хочу утверждать, что Советская армия не была знакома с подобными хозяйственными откомандированиями штыков и сабель. Я даже уверен в том, что это имело место. Однако, я вынужден обратить внимание на то обстоятельство, что дисциплина у противника неоднократно бывала так беспощадна, а предпринимаемые для ее удержания средства столь необыкновенными, что я сомневаюсь — нужно ли было командующему нашего тогдашнего противника прибегать к столь грустным исчислениям, какие делал я. Я с истинной завистью прочел в описании действий 27-й дивизии под Варшавой о том, что командир ее 10 августа на Ливце увеличил боевой состав своей дивизии путем влития в ее ряды тыловых команд и части красноармейцев обоза [1]). Могу уверить читателя, что подобного случая в нашей армии не знаю.

---

[1]) В. Путна—„Под Варшавой".

БИБЛИОТЕКА
ИМЕЛ
Спец. фонд

Мне хотелось бы также устранить из мыслей читателя преднамеренно, как я уже указывал, ошибочные подсчеты г-на Тухачевского относительно запасных батальонов и эскадронов. Согласно существовавшей тогда у нас организации, запасные батальоны и эскадроны служили не только для укомплектования состава армии, но имели также задачей охранение всего имущества полков, находящихся на фронте. Поэтому-то при отступлении, — а это было нашим уделом вплоть до Вислы,— все запасные батальоны и эскадроны не выполняли своей первой задачи—комплектования действующих полков, а были заняты работой по эвакуации всего этого имущества и оборудования. Таким образом, по отношению к ним может итти речь исключительно об организационной работе в глубоком тылу. При стремительном нашем отступлении, которое я проанализирую в дальнейшем, я формально запретил давать пополнение до тех пор, пока армия не отойдет к Бугу, ибо. о чем укажу ниже, после отхода с линии Вильно—Барановичи я совершенно не надеялся, чтобы командовавший этим фронтом ген. Шептицкий задержал где-либо неприятельское наступление. На Буг же и Нарев было выслано больше десятка батальонов пополнения, которые явились, таким образом, первой помощью, оказанной войскам, отступавшим от Двины и Березины.

Не имея в данный момент под рукой всех материалов даже о войсках. находившихся под моим командованием, я не хочу итти по следам г-на Тухачевского и противопоставлять приведенным им таблицам свои, которые не дали бы достаточной исторической гарантии. В отношении же неприятельских сил также не хочу приводить наши тогдашние подсчеты, по существу вещей еще более обманчивые.

Самой надежной в этой работе у нас считалась следующая система подсчета: на основе показаний пленных составлялся численный состав роты или эскадрона. и на основе этого прилагались старания сконструировать численный состав батальона, полков и дивизий. Система эта казалась наиболее соответствующей, ибо Советская армия отличалась, по нашим наблюдениям, чрезвычайной пестротой в отношении численного состава не только высших соединений, как дивизия и бригада, но даже полков одной и той же бригады и батальонов в одном и том же полку.

Приведу еще один суммарный способ, которым я неоднократно пользовался, желая ориентироваться в тех силах, какими собственно я мог бы располагать для боевых операций. За основу при этой системе мною принимались все те силы, какие находились в стране под оружием. Из этой общей цифры, возможно наиболее надежной, я старался на основе знакомства с военной работой суммарно определить процент, составляемый теми людьми, которыми можно было

располагать для боевых действий. Процент этот в разные периоды был разный и зависел от момента отправки на фронт пополнения. Согласно моих подсчетов, он у нас никогда не превышал цифры 12—15. Такое печальное состояние нашей военной организации являлось последствием чересчур поспешной и, следовательно, весьма не обстоятельной работы по созиданию армии, работы, которую мы начали только в 1918 г. почти что с круглого нуля. Одновременно с этим необычайное влияние имел тот факт, что громадное большинство нашей военной администрации попросту избегало, как какого-либо греха, применения более суровых дисциплинарных средств как внутри самой администрации, так и вне ее. Такое чрезвычайное попустительство в отношении работы тылов давало в результате факт, который я всегда характеризовал словами, что громаднейшая часть людского материала постоянно уплывала сквозь пальцы администрации. Я всегда шутил, что мы не можем перестать быть добровольческой армией, ибо у нас дерется только тот, кто хочет или кто глуп.

Судя по собственным словам г-на Тухачевского и зная дисциплинарную систему нашего противника, доведенную до чрезвычайной беспощадности, я не допускаю мысли, чтобы в этой области наш враг находился в столь же скверном положении, как это было у нас. Поэтому-то разрешаю себе вышеприведенный в отношении нас процент увеличить для г-на Тухачевского, по меньшей мере, на 10 %, доведя таким образом процент боевых сил в отношении к общему составу армии до 25 %. Полагаю даже, что это чересчур мало, ибо наш процент исчислен от общего количества людей, находящихся под оружием во всем государстве, в то время как в отношении г-на Тухачевского я исчисляю его от цифры, связанной только с силами его фронта.

К счастью, изучая нашего противника, я наткнулся на цифру, определяющую списочный численный состав людей и лошадей на август месяц 1920 года. Цифра эта для войск, находившихся под командованием г-на Тухачевского, составляет 794 645 людей и 150 572 лошадей [1].

Следовательно, если применим наш суммарный подсчет, то окажется, что боевая сила, какой располагал г-н Тухачевский в начале августа, и приблизительно такой же и в июле, достигала 200 000 человек.

Беру на себя смелость решительно утверждать, что у нас в течение всей нашей войны цифра эта никогда не достигала 200 000 не только на той части фронта, которая была противопоставлена г-ну Тухачевскому, но даже на всем фронте. Поэтому полагаю, что с момента, когда против нас развернулись в июле 1920 года все советские силы, в боевой линии численный

[1]) Фролов. „Снабжение Красной армии на Запфронте".

перевес был постоянно у противника. Пишу об этом не для того, чтобы этим особенно хвастаться; наоборот. я считаю эти факты печальным явлением, плохо свидетельствующим о нас. Замечание это тем более окажется справедливым, если добавить, что общий характер войны 1918 — 20 г.г. не выявлялся в кровавых боях, требующих геройства в тесном смысле этого слова, ибо кровавые потери, которые наша армия понесла в этой войне, были ничтожно малы в сравнении с процентом потерь в так называемой мировой войне.

Заканчивая главу, приведу свой—увы!—весьма общий подсчет, который я в свое время производил, но на котором не хочу даже настаивать. Боевую численность противника, возглавляемого г-ном Тухачевским, в начале операции 4 июля 1920 г. я исчислял в 200 000—220 000 человек. Г-н Тухачевский в приводимой им таблице определяет эту численность в сумме 160 188 человек. Боевые силы ген. Шептицкого, который командовал фронтом против г-на Тухачевского, исчисляю самое большое в 110 000—120 000 человек.

При последнем эпизоде войны на Висле боевые силы г-на Тухачевского я исчислял в 130 000—150 000. Наши же силы, принимая во внимание единственно только те из них, которые могли быть использованы в так называемой битве под Варшавой, мною исчислялись в 120 000—180 000 человек. Если последние цифры даны мною с такими колебаниями, то это об'ясняется тем, что у нас тогда царствовал весьма большой организационный хаос и что в те времена нельзя было и думать о введении в бой всего того, что было вооружено и готово к походу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Театр военных действий. Группировка сил

Как это обычно бывает перед началом операций более крупного значения, г-н Тухачевский, а одновременно и его начальники останавливались на рассмотрении значения территории предстоящих операций, а также группировки своих и неприятельских сил. В соответствии с этим и в своей книжке г-н Тухачевский посвящает II и III главы этим двум темам. Не стану задерживаться на описательной части местности, которая в полной мере соответствует действительности и относится к области почти что чистой географии. Остановлюсь несколько дольше только на некоторых моментах географических рассуждений г-на Тухачевского, ибо по всему тому, что он написал о своей работе по командованию, сужу, что они сыграли выдающуюся роль при принятии решений военного характера. Это является для меня тем более приятным, что одно из определений, повторяемое г-ном Тухачевским как бы с известной любовью, является определением польским, и по этой причине я как бы имею право на применение этого определения в том смысле, как оно создалось, а не в том, признаться, довольно странном, в каком его употребляет г-н Тухачевский, а именно: г-н Тухачевский утверждает, что, предпринимая операцию с далеко поставленной целью, он имел для выбора два основные направления для своих главных сил. Одно из этих направлений он называет Игуменским, ведущим прямо к Минску, другое, — как определяет сам— „поляки называют Смоленскими воротами". Г-н Тухачевский для своих операций избрал это второе направление.

Как я уже отметил, наше определение означает совершенно иной, более приближенный к самому названию, участок местности. В самом деле, две главные реки в существовавшей некогда между Польской республикой и государством царей приграничной полосе, — Двина и Днепр, — образуют своим верхним течением сравнительно узкий коридор, закрытый у своего выхода к востоку крупнейшим в данной местности городом—Смоленском. Поэтому-то все набеги и походы, будь то с польской или русской стороны, по необходимости натыкались на Смоленск. Он был как бы воротами, в которые

прежде всего приходилось стучаться, когда дело касалось операций более крупных размеров. Смоленск в течение веков в каждом случае, когда дело шло о более крупных войнах, захватывался той или другой стороной. В наши времена, во время похода Наполеона на Москву, опять-таки одно из крупных сражений произошло за обладание этими действительными воротами. Поэтому-то Смоленск до сего времени носит на себе весьма выразительные следы своего значения, прекрасно сохранив, что редко бывает в иных местах, свои стены и валы. Г-н Тухачевский, однако, переносит это наименование на совершенно иной район, не имеющий, по моему мнению, никакой связи ни со Смоленском, ни с одной из рек, характеризующих эти ворота,—с Днепром. Более того, как бы для уменьшения крупного исторического значения Смоленска он переносит все его значение на мелкое местечко Ореховно. Сознаюсь, что это неожиданно появившееся название неимоверно меня поразило. Как главнокомандующий польской армии, я в течение двух лет обсуждал много разнообразнейших возможностей, принимал во внимание много разнообразнейших движений, как со своей, так и неприятельской стороны, однако, ни разу у меня не возникало мысли, что в течение известного времени я обладал столь важным стратегическим пунктом, которого к тому же с моего согласия мы лишились при окончательном установлении границы во время Рижского трактата. Я готов даже подозревать, что еврейское население этого мелкого местечка преднамеренно старалось о принадлежности своей к государству Советов, ибо собственно по причинам его настояний мы сделали эту опасную уступку.

Исходя из изложения и рассуждений г-на Тухачевского, поскольку уж он весь этот район называет Смоленскими воротами, я позволил бы себе предложить местечко Ореховно, расположенное у самой нашей границы, назвать уже не воротами, а калиткой, смоленской калиточкой. Но шутки в сторону,—Ореховно, как оно изображено в труде г-на Тухачевского, сыграло, однако, крупную роль.

Командующий советскими войсками полагал, что именно в районе Ореховно он должен изменить свою операционную линию, заходя, как пишет, правым плечом на 90°, т.-е. изменяя ее под прямым углом. По этой-то причине, несмотря на то, что он потерпел поражение при первой своей попытке, которую называет „майским наступлением“,—он утешает себя тем, что „Смоленские ворота остались в наших руках до момента, когда мы предприняли второе, главное наступление“ [1]).

---

[1]) У тов. Тухачевского говорится следующее: „Наконец, наиболее важным для нас результатом было—занятие Смоленских ворот. Это позволило нам с гораздо большей легкостью организовать дальнейшее наступление и сразу ставило наши войска на железную дорогу Молодечно—Полоцк“.

Примеч. перевод.

Если во вступлении я говорил о чрезмерно абстрактной трактовке г-ном Тухачевским предмета. то, воистину, трудно найти лучшее доказательство тому. что эта абстрактность мысли г-на Тухачевского существует реально, если он с такой легкостью может связывать свое дело командования со столь незначительными до комизма пунктами на карте.

Если для него был важен столь действительно сложный и отнимающий много времени маневр захождения под прямым углом тем или иным плечом более крупного количества войск, то нельзя было связывать этого с какими-то незначительными пунктами, хотя бы и лежащими на главных путях. Одинаково хорошо можно было этот трудный маневр выполнить и вне таких пунктов, на которых вообще не следует никогда упорствовать. География и геометрия! Сколько засад кроется в них для командующих!

Военная история знает не один такой пример. Задерживая в конце мая наше контр-наступление, я не подозревал, что г-н Тухачевский ломал перед этим „Смоленские ворота" и под конец операции, боролся за удержание в своих руках, по крайней мере, их суррогата—„калитки в Ореховно". Напоминает это мне весьма хорошо известный и неоднократно мною штудированный большой январский бой в 1905 году между армиями Куропаткина и Оямы. Русские, атаковавшие японцев, называют этот бой „боем под Сан-де-пу". Называют его так потому. что одинаково как генерал Куропаткин, так и командующий 2 армией Гриппенберг развитие всей операции ставили в зависимость от успеха при взятии этого Ореховно того театра войны. Это так тесно связывалось с их мыслями, с их планами действий, с их тревогами и надеждами, что этот воображаемый узел дал свое название крупной операции. Японцы же, перешедшие в контр-атаку, назвали этот бой совершенно иным именем. Бой этот они называют „битвой под Хей-кау-гай" — именем другого Ореховно, которое их больше поразило и где, имея дело с отборными войсками, они пережили больше всего хлопот, тревог и выявили наибольшие усилия. В своих лекциях я всегда любил цитировать этот пример, называя его комедией ошибок и примером комичного недоразумения. Поэтому я всегда предостерегал своих слушателей, чтобы в военных операциях. как малых, так и больших, они старательно избегали засад, скрытых в географии и геометрии. Пусть извинит меня мой уважаемый противник в войне 1920 года, если теперь на-ряду с Сан-де-пу я буду приводить и пример Ореховно. Когда я перейду к анализу военных действий, полагаю, что мне удастся доказать, что подобное топтание мысли командующих вокруг подобных воображаемых узлов, почти неизбежно ведет всегда к такому же топтанию земли, но уже войсками, с потерей времени и усилий.

Я так долго задержал внимание читателя на этой части рассуждений г-на Тухачевского потому, что собственно сам г-н Тухачевский не дал при разборе своих основных планов ничего иного, кроме маневра поворачивания главной массы своих сил под прямым углом с момента овладения, как он утверждает, „Смоленскими воротами". Является очевидным, что планы г-на Тухачевского были сильно связаны с этим намерением. Маневр этот он выполнил два раза: один раз во время майского наступления, второй раз в июле, при проведении главной операции закончившейся под Варшавой. Это связывалось с желанием использовать железную дорогу Полоцк—Молодечно, как коммуникационную линию, наиболее отвечающую всем потребностям главной массы сил г-на Тухачевского.

Мысль — простая и понятная, но овладение и прикрытие главной операционной линии совершенно не требует фактического, если можно так выразиться, вытаптывания ее массой собранных сил и прикрепления их к географическим пунктам, лежащим на ней. Такое мысленное связывание себя географическими названиями и геометрическими фигурами, повторяю, в результате всегда дает загадку, основанную не на чем ином, как на удалении разбора главного препятствия, каковым на войне являются силы неприятеля и их работа, на второй план. Эти же последние не обязательно связывают свою деятельность именно с теми самыми географическими пунктами и геометрическими фигурами и чаще всего имеют свои Ореховно, не совпадающие с Ореховно противника. Буду иметь случай припомнить эти выводы в дальнейшем изложении при анализе действий г-на Тухачевского.

Когда г-н Тухачевский разбирает стратегическое распределение своих и неприятельских сил, то разбор этот очень сжат, когда он говорит о себе, и значительно обширнее, когда говорит о нас. О себе он говорит немного, — в этом отношении он выступает как подчиненный, связанный решениями своего главнокомандующего. Последний выбрал для него район главного сосредоточения войск и определил то их количество, которое должно итти в бой под командованием г-на Тухачевского. Над этими интересными в историческом отношении подробностями г-н Тухачевский почти-что не останавливается. Он только устанавливает, что сферой его действия был район сосредоточения, ограниченный Витебском — Оршой и Толочиным и что под его командованием решено было сосредоточить до 21 дивизии.

И действительно, когда мы подсчитаем число дивизий (вместе с двумя кавалерийскими), с которыми г-н Тухачевский начал свою главную операцию в июле, получим именно это, заранее определенное количество выделенных в его распоряжение войск. Однако, первая попытка проведения опе-

рации, начатая в мае, проводилась только 13 дивизиями; следовательно, недоставало более одной трети сил, намеченных для этой операции.

Принцип группировки своих сил г-н Тухачевский устанавливал путем изучения группировки сил противника. В общих чертах мнение его о нашей группировке сводится к следующему: поляки растянулись в более или менее равномерную линию, в кордон. Сильно сожалею, что некоторую часть своих стратегических размышлений, представляющих украшение всей его книжечки, г-н Тухачевский поместил в совершенно ином месте, а именно—при обсуждении главной, июльской операции. Возможно, что причиной этого было нежелание задерживаться дольше над неудавшимся майским наступлением, однако, я должен сознаться, что, со своей стороны, я с известным усилием согласился на сконструирование и моего труда столь нелогичным способом. Я сомневаюсь, чтобы г-н Тухачевский, который свою майскую попытку задумывал так же широко, как и июльскую, не имел тогда в виду тех самых принципов действия тараном, которые он так красноречиво развивает только впоследствии. Для меня это было бы гораздо выгоднее, ибо несправедливой, по моему мнению, критикой нашей стратегической группировки, а также и моих личных по этому вопросу приказов, он значительно затруднил мне возможность высказать пару слов относительно себя самого.

Итак, характеризуя наш кордон, г-н Тухачевский утверждает, что эта равномерность кордона не позволяла нам, несмотря на усилия, „сосредоточить в любом направлении главные массы войск. Наше наступление непременно сталкивалось бы лишь с незначительной частью польской армии и после этого последовательно встречало бы контр-атаки резервов“ (стр. 6). Основываясь на этом, г-н Тухачевский предполагал, что он сможет поставить дело так, чтобы „наши войсковые массы давили и в полном смысле слова упраздняли в районе удара части передовой польской линии. После этого последовательные контр-удары резервов уже становились не страшны“... (стр. 7).

Когда я читал и вторично перечитывал эти рассуждения г-на Тухачевского, мне вспоминались мои же рассуждения по этому самому вопросу. Если определения и разные мотивы не были похожи на те, которые приводит г-н Тухачевский, то выводы, к которым я всегда приходил, были совершенно аналогичны и нашли в сжатом виде выражение в окончательном моем решении, принятом мною еще в конце 1919 года. Я полагал, что в нашей войне, которую мы вели с Советами, тот, кто энергично наступает, всегда будет иметь успех и пробьет в выбранном им пункте кордон или линию. Поэтому-то я всегда искал выхода, — как говорил в те вре-

мена,—в маневре, хотя бы это был обратный маневр, связанный с отступлением армии. Признаюсь, что именно поэтому меня до известной степени задело суждение г-на Тухачевского, что польское „командование" противопоставило ему весной 1920 года ничтожный кордон, с которым он так легко полагал справиться.

Прежде всего, г-н Тухачевский забывает об основной разнице ролей, какие были возложены на него и на его непосредственного противника. В то время как ему приказано было удерживать в своих руках инициативу и атаковать противника, польские войска на северном фронте, противопоставленные г-ну Тухачевскому, наоборот, имели приказ об обороне. При обороне же первая, ближайшая к противнику, составная часть построения никогда не может иметь иного характера, как именно кордона, именно тонкой неглубокой линии. Даже чисто позиционная война, дающая как бы за основу линию чистейшего вида, в своем развитии привела к необходимости выдвижения вперед слабого по силе, легко сокрушимого передового кордона, выставленного единственно для целей наблюдения и прикрытия. Кордон или линия при обороне являются обязательными, в противном случае невозможно выяснить ни сил наступающего противника, ни его действительных намерений, ни направления его ударов. Это первое, что должно было притти на мысль г-ну Тухачевскому, если бы он пожелал глубже вникнуть в положение своего противника. Поэтому кордон был, и в кордоне, что я и утверждаю, стояло тогда на всем фронте против г-на Тухачевского 6 дивизий пехоты и 2 бригады конницы (8 дивизия. 1 Литовско-Белорусская, большая часть 3 дивизии легионеров, 2 дивизия легионеров, 14 и 9 дивизии).

Можно было бы спорить о том, следовало ли выделять 6 дивизий для столь неблагодарной службы, и, наоборот, можно было бы утверждать, как это и делали мои подчиненные, что при столь значительном протяжении фронта силы эти абсолютно недостаточны даже для тщательного наблюдения,—но факт остается фактом, и если вопрос идет о кордоне, то он был уделом только этой части польских войск. Наконец, да будет мне позволено отметить, что в сентябре того же года, когда я перешел в наступление против того же г-на Тухачевского, я нашел его растянутого кордоном за прикрытием р.р. Немана и Щары. Он находился в состоянии обороны, а это последнее, несмотря на то, что он был горячим критиком всяких кордонов и линий, принудило его принять столь же нерассудительную группировку, какую он приписывал нам в мае.

Перехожу к вопросу о резервах и сразу же отмечу, что эти последние своей группировкой отрицали какой бы то ни было принцип кордона.

Начиная в апреле месяце наступление на южном фронте на Украине, я старательно рассчитывал, каким образом смогу оказать помощь северному фронту в случае, если бы он был атакован. На этом вопросе—возможности контр-атаки со стороны противника—я останавливался неоднократно, при чем мое мнение расходилось с мнением моих ближайших сотрудников. А именно: ген. Галлер, тогдашний мой начальник штаба, полагал, что контр-наступление должно произойти в том же самом районе, где мы переходили в наступление. По его мнению, именно на юге тогда были сконцентрированы крупнейшие силы противника, которые ликвидировали Деникинский фронт, где нарастала новая опасность в виде Крымской попытки Врангеля. Поэтому ему казалось вполне логичным, чтобы оттуда ожидать и контр-удара, в неизбежности которого мы вообще не сомневались. Что же касается меня лично, то я склонялся к тому мнению, что контр-наступления следует ожидать на том фронте, где концентрация наших войск слабее. Если бы я избрал для весеннего наступления северный фронт,—контр-атаки ожидал бы на юге; избравши же юг, я больше считался с ударом противника на севере. Поэтому тем более я должен был старательно рассчитать, чем буду парировать удар противника.

В силу этого в резерве на северном фронте были оставлены: в районе Осиповичи — 6 пех. дивизия, как резерв 4 армии; в Полесье, в состав той же 4 армии, направлялась 16 дивизия; обе эти дивизии были переданы в полное распоряжение командующего 4 армией ген. Шептицкого. Далеко в тылу, в Лиде, была расположена 17 дивизия, которую я оставил в своем непосредственном подчинении.

Рядом с этим на наблюдательном фронте против Литвы, где не было никаких боев, в нашей 7 армии я имел две дивизии, из состава которых постоянно находилось в резерве более, чем половина дивизии; силы эти были пригодны для использования их в любой момент в каком-либо ином направлении. Таким образом, на одном только северном фронте я мог рассчитывать, как на резерв, на три с половиной дивизии. Если же исключить 16 дивизию, которая немедленно была втянута в развивавшиеся в Полесьи бои, то останется две с половиной дивизии.

Составляло это почти половину сил, растянутых в оборонительном кордоне, противопоставленном г-ну Тухачевскому; находились же эти дивизии настолько далеко, что не могли оказаться в первые дни наступления г-на Тухачевского под его ударом и были, вопреки его мнению, пригодны для переброски их в направлении, совершенно свободно выбранном его противником.

Еще в большей мере это относится к резервам, более удаленным и более глубоким.

Значительно дальше, в глубоком тылу, я имел 11 дивизию, которая находилась в стадии реорганизации, а также формирующуюся так называемую 7 резервную бригаду трехполкового состава. Таким образом, в глубоком резерве, недоступном для г-на Тухачевского, мы имеем уже около 5 дивизий, т.-е. силы, почти-что равные тем, которые находились в кордоне.

Мало этого; при разработке плана наступления на Украину мною было приказано стягивать, начиная уже с третьего дня операции, в мой непосредственный резерв 4 дивизию в Коростень. а с четвертого дня операций—15 див. в Казатин и Бердичев. Что же касается еще одной дивизии, которую я хотел иметь готовой для отправки на место ожидавшегося контр-удара, а именно—5. то я ставил это в зависимость от степени реорганизации 18 див., которая в первые дни операции была отведена в резерв, ибо реорганизация ее являлась необходимой. А именно: в равной степени как 11, так и 18 див., формировавшиеся в Италии и Франции, были укомплектованы пленными старых возрастов. Это столь отрицательно отражалось на моральном состоянии этих двух дивизий, что без проведения реорганизации они были непригодны для боя.

Подчеркиваю, что действительно для парирования майского наступления г-на Тухачевского 4, 15 и половина 5 дивизии прибыли своевременно.

Итак, резервы, на которые я рассчитывал, ожидая контр-наступления, мною исчислялись к началу наступления на Украину в количестве 8 дивизий. Из них две могли быть использованы для усиления угрожаемого фронта и для попыток задержать противника, а шесть или пять можно было использовать для формирования ударной группы, которая могла бы действовать в любом пункте или направлении.

Поэтому-то мне и кажется несправедливой сделанная г-ном Тухачевским оценка нашей стратегической группировки. Я склонен допускать, что эта ложная оценка вытекает из сравнительно узкого поля наблюдения г-на Тухачевского, который выводы относительно всего польско-советского фронта предоставлял делать своему начальнику — главнокомандующему. Оправдание это в моих глазах, однако, недостаточно, ибо сам г-н Тухачевский пишет, что главная роль в войне с Польшей планом главнокомандующего отводилась ему и находившимся под его командованием войскам. А в этом случае обязанностью г-на Тухачевского было более широко охватить как свою задачу, так и те расчеты, которые он должен был производить. Майское наступление г-на Тухачевского не увенчалось успехом и совершенно было парировано не посредством чего-либо другого, а именно посредством сосредоточения из глубоких резервов всех указан-

ных мною сил [1]), что прямо-таки идет в разрез с рассуждениями г-на Тухачевского.

Вопрос о кордоне и линейном расположении войск заслуживает, по моему мнению, дальнейшего его рассмотрения,— мы еще встретимся с ним и при дальнейшем анализе операций 1920 года. В течение прошлой войны я, как и г-н Тухачевский, был принципиальным противником кордона. Выхода из всякой обстановки я всегда искал посредством маневра, иногда, как это утверждают, что и сам я признаю, весьма смело сконструированного и требующего как со стороны командующего, так и со стороны войск большого напряжения моральных и физических сил. По моему мнению, именно благодаря применению маневра я привел нашу двухлетнюю войну к счастливым для нас результатам. Я не хочу, однако, утверждать, что наблюдения г-на Тухачевского относительно нас не имеют известного обоснования, когда он свои планы и предположения в значительной степени выводит из нашей склонности к кордонам и линиям. Вопрос заключается в том, что все польские командиры, не исключая и меня, начиная войну с Советами, находились под впечатлением и влиянием продолжительной позиционной войны, являющейся подтверждением победы линейной стратегии над престарелой, казалось, стратегией живого движения и маневра. Если мы посмотрим множество оперативных приказов, изданных нашими командирами в течение 1919 года и, наверное, даже в 1920 году, то увидим, что эти приказы пестрят от множества линий рек, речек, озер и даже ручейков, как основ стратегического мышления. Неоднократно при просмотре представляемых мне донесений, при чтений копий разных приказов и, наконец, при разговорах, которые мне приходилось иметь с подчиненными об обстановке, вспоминались мне веселые анекдоты тех времен, когда я командовал еще бригадой легионеров. Мы часто смеялись тогда, сидя в окопах, над всякими опасениями и тревогами наших соседей австрийцев по поводу ста- или двухсотметровых удобных для прорывов мест, которых не захотел укрепить ленивый легионер.

Знаю также хорошо, что подобные опасения и тревоги овладевали многими из наших командиров, когда отсутствовала уверенность, что в каком-либо направлении, хотя бы и наименее правдоподобном, противник не встретит хоть какого-нибудь, хотя бы самого малого, сопротивления.

---

[1]) По какому-то странному стечению обстоятельств критика г-ном Тухачевским нашей стратегической группировки почти совершенно совпадает со многими поверхностными, но зато очень публицистическими критическими выводами относительно моего командования, сделанными польскими стратегическими зоилами, которые никогда ничем не командовали, или же теми, которые командовали, но скверно. Мысль эта неоднократно появлялась у меня при чтении труда г-на Тухачевского.

По этой-то причине карты подробного расположения войск выглядели всегда чрезвычайно богато снабженными разными „заставами“ и „постами“, неуклонно растягивающими войска в ничтожные кордоны. Если же мы возьмем громадное, тысячекилометровое протяжение фронта и сопоставим его с количеством войск, которое на этом пространстве можно было выставить,—легко будет понять, сколько удобных для прорывов мест, уже не ста- и не двухсотметровых, но значительно больших,—должно было будить тревогу и убеждение в своем бессилии среди командиров, не способных отрешиться от линейных понятий. Вследствие этого-то в донесениях и рапортах чаще всего повторяющейся фразой, обращенной ко мне, как к главнокомандующему, была просьба о предоставлении помощи для устранения тревог и опасений. Вследствие этого-то возникали беспрестанные советы, которые я выслушивал в течение войны: „faites une ligne forte“ [1]), как выводы наиболее знающего и наиболее опытного знатока войны.

Эти привычки мысли, эти тревоги, я уверен, не могли не отразиться и на деталях расположения войск, которые наблюдал г-н Тухачевский. Повторяю, однако, что когда в конце апреля он задумал обосновать свой план действия на такой именно кордонной болезни, он совершил ошибку, которая отмстила ему неудачей широко задуманного наступления. К анализу именно этого наступления я и перехожу теперь.

---

[1]) Образуйте укрепленную линию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Майское наступление

На майской наступательной операции г-н Тухачевский, как я уже указывал, останавливается весьма недолго. Он дает только ее общую обрисовку, уклоняясь от всяких подробностей, как будто бы они не имели большого значения. Однако, тут он противоречит сам себе, так как говорит, что план операции предусматривал прорыв через „Смоленские ворота", поражение левого фланга польской армии и оттеснение остатка ее сил на Пинские болота. Итак, план предусматривал широкую операцию и намечал полное уничтожение нашего фронта и устранение его из дальнейшей игры почти до Припети. Следовательно, это была операция не малого значения.

В истории нашей войны эта операция сыграла, действительно, свою выдающуюся роль. Прежде всего она перетянула большую часть наших сил (до четырех дивизий) на Северный фронт, что, естественно, отозвалось на всем дальнейшем ходе войны. Затем, являясь как бы репетицией большого июльского наступления Советов, она дала много знаний и опыта войскам обеих сторон, и мне неприятно отмечать, что опыт этот был использован нашими противниками с бо́льшим умением, чем нашими войсками. Наконец, в отношении нашего противника она оказала то влияние, что на нее была израсходована значительная часть его физических и моральных сил, что́ не трудно нам будет усмотреть при анализе первого периода июльского наступления. Поэтому-то я хотел бы несколько задержаться на естественно возникающем вопросе, который я не раз задавал себе как во время войны, так и после нее,—из каких собственно соображений было предпринято это первое, как бы пробное наступление. Этот вопрос является тем более естественным, что, как мы знаем, начата она была до окончания намеченной концентрации сил, так что, согласно произведенному мною подсчету, противнику недоставало более чем одной трети сил, предназначенных для главной боевой операции.

Я хорошо помню тот момент, когда были получены первые сообщения об ожидавшейся мною контр-атаке на северном фронте. Телеграмму об этом я получил в Житомире

перед самым от'ездом в Варшаву; факт этот. как я уже говорил, почти что заранее был мною учтен. Более того, еще за неделю до этого я вызвал в Калинковичи генерала Шептицкого и там обсудил с ним мой план расширения и на север нашего удачного южного наступления. Я думал тогда о нанесении удара из Полесья с одной стороны на Речицу (что в то время фактически и выполнялось) и одновременно в направлении на Жлобин и Могилев. Я полагал, что, имея 4-ю дивизию в резерве на юге и значительный перевес сил в Полесье (9, 16, 14 див.), можно попробовать ликвидацию концентрации, начинавшейся в направлении, которое г-ном Тухачевским названо Игуменским и на которое обращал мое внимание ген. Шептицкий. На южном фронте было тогда затишье, так как обе оперировавшие там советские армии были сильно нами разбиты, а приближавшейся к нам конницей Буденного, признаюсь откровенно, я пренебрегал.

Ввиду изложенного, когда на Житомирском вокзале начальник моего штаба ген. Галлер принес мне в вагон только-что полученную телеграмму, я сразу пустил в движение то, что уже заранее мысленно подготовлял. Я тотчас же приказал протелеграфировать ген. Шептицкому, чтобы он принял пока-что командование и над 1-й армией, передал в его распоряжение 17 дивизию, стоявшую в Лиде, и приказал немедленно приступить к переброске 4-й дивизии из Коростеня, а затем 15-й из Фастова. У меня мелькало в голове намерение начать контр-атаку сразу на обоих флангах: со стороны Полесья и со стороны крайнего северного фланга. Самый факт наступления г-на Тухачевского не вызвал во мне ни на мгновенье какого-либо беспокойства, ибо отступление 1-й армии из-под Глубокого, о чем сообщали мне прочитанные телеграммы, не было для меня чем-либо значительным, так как, признаюсь с сожалением, Ореховно я никакого значения не придавал, а ворот ни Смоленских, ни каких-либо иных я там не усматривал,

По приезде в Варшаву я нашел новые телеграммы, звучавшие более тревожно, телеграммы ген. Шептицкого, который полагал, что положение является весьма серьезным, и требовал по возможности ощутительной помощи. К такого рода телеграммам я был достаточно приучен, и все-таки, о чем в настоящее время сожалею, я значительно сократил размах моего контр-удара. А именно: я отказался от более глубокой контр-атаки со стороны Полесья и, ввиду тревожных донесений ген. Шептицкого, решил обеими дивизиями, прибывающими с юга, подкрепить прежде всего Минск, который, по мнению ген. Шептицкого, был прежде всего угрожаем со стороны Игумена. Таким образом, контр-атака могла быть произведена единственно по западному берегу Березины, а не по восточному, как это я был намерен сделать ранее.

Открыто признаюсь, что тогда, при чтении телеграмм, я не видел никакого повода для беспокойства, и в частности наступление главных сил г-на Тухачевского в направлении на Молодечно меня тревожило менее всего. Я даже выжидал несколько дней для определения места сосредоточения войск для контр-удара в восточном направлении. Я не мог в то время уяснить себе, каковы собственно намерения неприятеля, и ввиду этого я не был уверен, является ли возможным и достаточно безопасным сосредоточение в районе Свенцян. К тому же ген. Шептицкий не облегчил мне задачу, так как в его телеграммах, как я уже указывал, очень много места занимали мелкие происшествия в районе Игумена, которые, казалось, беспокоили его гораздо более, чем что-либо иное; но и те данные, которые сообщали мне из войск, сражавшихся с главными силами г-на Тухачевского, звучали для меня весьма успокаивающе. Судя по этим данным, мне казалось, что после первого относительно сильного удара сила наступления значительно уменьшилась и как бы распылилась в попытках наступать в самых различных направлениях. Систему работы г-на Тухачевского я в то время объяснял себе следующим образом: или все эти атаки имеют только местный характер, не имея более серьезного значения, или же неприятель ориентируется после первого успеха, выбирая пути для дальнейших действий. Действия г-на Тухачевского были в то время столь неопределенны, что уразуметь их действительную цель я был не в состоянии. Из донесений же моих подчиненных я не мог ее достаточно выяснить и признаюсь, что по прибытии в Варшаву я до принятия решения в течение нескольких дней колебался.

Ибо, если неприятель, как я рассуждал в одной из своих гипотез, имел намерение произвести наступления местного значения на Игумен и Глубокое, с целью принудить меня заняться более севером, чем югом, я чересчур сыграл бы ему на-руку, поведя большими силами контр-наступление единственно местного значения, я бил бы таким образом как бы впустую. Я очень сожалел в то время, что дал себя, так сказать, спровоцировать ген. Шептицкому, благодаря игуменским страхам, и чересчур сузил намеченную ранее задачу контр-удара. Наоборот, если бы неприятель действовал, как мне казалось по второй гипотезе, выжидательно, единственно с целью выяснения обстановки и выискивания при помощи предварительных боев путей и способов для дальнейшего развития своих действий,—я опасался слишком рано выбросить свои резервы для действий в обоих пунктах неприятельского выхода, так как, судя по тревожным и беспокойным сведениям, которые я усматривал в представлявшихся мне донесениях, — после прибытия резервов должно было бы последовать раздробление удара. Ген. Шептицкий уже начал

действовать этим способом. 6-я дивизия, которую он имел в резерве, была уже частью израсходована в боях под Игуменом, частью же совершала марш на левое крыло всего стратегического расположения.

В конце концов, я решил сформировать особую армию в районе Свенцян с тем, чтобы она могла быть использована независимо от местных тревог и беспокойств. Сосредоточение должно было происходить под прикрытием 8 дивизии, которая отступила из-под Полоцка. Для этой, так называемой, резервной армии я предназначил все части войск, вызванные из глубоких резервов. От Минска же я приказал ударить силами, подходившими с юга. Я поставил себе целью только местную ликвидацию наступления, идущего в направлении из Молодечно, для того, чтобы после завершения этой местной операции я мог бы всю бывшую 1 армию, минимум три дивизии, отвести в резерв и таким образом получить полную свободу дальнейших действий в любом направлении.

Из этого моего объяснения становится очевидным, что в действиях неприятеля было нечто такое, что делало для нас довольно трудным ясное их понимание. В истории войн такие недоразумения встречаются часто, так как на войне действия происходят в атмосфере опасности и неизвестности, как говорит старый Клаузевиц.

Однако, в описываемой мною операции всегда, как мне казалось, были черты, делавшие из нее ту комедию ошибок, о которой я перед тем говорил. Даже после окончания операции, когда я объединил все свои впечатления, у меня все-таки осталось что-то невыясненным, что-то, что мне все время твердило, что неприятель сам хорошо не знал, что он делает. И когда уже после окончания войны, разбирая этот ее эпизод, я старался объяснить действия г-на Тухачевского, у меня всегда являлось предположение, что единственной причиной этого, как я называл, пробного наступления было желание выравнять шансы войны путем устранения какой угодно ценой того морального эффекта, который был произведен нашим неожиданным и успешно проведенным наступлением на Украине. Поэтому-то я с огромным любопытством искал у г-на Тухачевского, как и у г-на Сергеева, объяснения этой загадки.

Увы, оба они очень сильно расходятся в мнениях по этому вопросу. Г-н Сергеев очень близок к моей гипотезе и дословно дает следующее объяснение: „Инициатива наступления принадлежала полякам. Широко развившееся движение польской армии на юго-западном фронте, захват Киева и переправа через Днепр застали войска западного фронта еще неготовыми к переходу в наступление, неукомплектованными, плохо снабженными, почти без обозов и крайне малочислен-

ными. Но ответить ударом на удар и отвлечь внимание поляков от юго-западного фронта было необходимо, и вопрос о наступлении западного фронта был определенно решен в штабе Главкома. Направление удара определилось не сразу. В центре сначала склонились к нанесению удара вдоль северной части Полесья от Мозыря на Брест-Литовск" [1]).

Г-н же Тухачевский, как это видно на стр. 7, утверждает, что главной причиной перехода от обороны к наступлению было впечатление, что поляки сами находятся накануне перехода в наступление. И вот, дабы не дать возможности неприятелю втянуть главные группировки сил в навязываемые им действия, было решено перейти в наступление 14 мая. Ввиду указания этих столь противоречивых мотивов я не нахожу для себя возможным разрешить историческое положение дела по существу. Однако, я склонен допустить, что г-н Сергеев более прав, чем г-н Тухачевский.

Но, несомненно, г-н Тухачевский, в соответствии со своим темпераментом вождя, расширил значение поставленной ему оперативной задачи и, переходя в наступление, поставил себе цель, столь же далекую, как и впоследствии, при выполнении главной операции, когда он был значительно сильнее и в численном отношении и в отношении технических средств. В этом откровенно признается и сам г-н Тухачевский. Несмотря на недостаточность сил, он не хотел ограничиться малыми задачами и стремился к их максимальному расширению, искал решительных ударов, считая прибывающие во время операций войска — резервами. Читатель припомнит, вероятно, смелые планы г-на Тухачевского разгрома нашего левого крыла и оттеснения остальных сил в Пинские болота.

При так намеченном наступлении должно казаться странам, что действия советских войск ни на один момент не были с нашей стороны поняты именно таким образом. Ни в одном донесении обоих командующих армиями, сражавшихся с нашей стороны против г. Тухачевского, нет ни слела объяснения действий Советских войск, сходного с тем, какое дает г-н Тухачевский. О своих колебаниях и о своих гипотезах, основанных на наблюдении за боевой работой моего противника, я уже говорил выше.

Откуда же это странное недоразумение, откуда же эта комедия ошибок?

Г-н Тухачевский в своем описании этого дела так скуп на факты и данные из своей майской операции, что с трудом удается воссоздать историю действий подчиненных ему войск. Значительно более богатым подробностями и значительно более точным является труд г-на Сергеева, который посвящает

[1]) Е. Н. Сергеев. „От Двины к Вислы", стр. 5.

в нем две длинных главы анализу боевых действий во время этой операции и в приложениях приводит свой доклад от 12 июня, излагающий кратко опыт, полученный им во время неудачного майского наступления.

Читатель, вероятно, помнит основные черты маневра, который г-н Тухачевский хотел выполнить: прорыв „Смоленских ворот" у Ореховно и захождение правым плечом главной массой войск на 90° в целях изменения западного направления наступления на северо-западное. Этот маневр по существу вещей, требует много времени, так как при захождении для перемены направления правому флангу приходится описать относительно большую дугу, в то время как левый вынужден стоять на месте или же двигаться медленно, выжидая выравнивания линии фронта войск для совместного оперирования в новом направлении. Естественно также, что, чем больше войск участвует в таком маневре, тем больше он потребует времени. Такой маневр имеет и еще иные неудобства. Предоставляя противнику выигрыш во времени, он одновременно подвергает заходящее крыло, в данном случае правое, опасности удара путем захвата,—если применю здесь обычное выражение,—„in flagranti" (на месте преступления) маневрирующего еще противника. Поэтому-то здесь является необходимым прикрытие маневра особо выделенными для этой цели силами. Вот что пишет об этой операции г-н Сергеев: „Таким образом на обеспечение фланга нам пришлось израсходовать около трети всех сил; но этих сил оказалось далеко недостаточно для парирования сильного контр-удара поляков.

Чтобы дать читателю понятие о времени, которое понадобилось для выполнения маневра г-на Тухачевского, укажу даты по труду г-на Сергеева. Наступление началось утром 14 мая и лишь утром 18 мая, следовательно, четыре долгих дня спустя, началась группировка, соответствовавшая намерениям г-на Тухачевского. Тогда только именно 6 Советская дивизия, находившаяся на крайнем правом фланге, была снята с прежнего направления и поставлена, в качестве резерва для дальнейших операций, за правым флангом той части армии, которая должна была вести операцию уже в измененном на 90° направлении, и только утром 19-го 53 дивизия получает приказ охранять угрожаемый с запада фланг. *Итак, четыре или пять дней я выиграл не по причине действий наших войск, а только благодаря сложному маневру, предпринятому г-ном Тухачевским, который вследствие этого не мог использовать это время для преследования нашей отступавшей I армии* [1]). Это был как раз тот период времени, когда возвратившись из Житомира в Варшаву, я колебался,

[1]) Курсив везде редакционный.

не будучи в состоянии понять действия моего противника. Тем временем мои резервы, как из глубоких тылов, так и с Украины, двигались в десятках поездов и быстро приближались к назначенным пунктам для проведения еще только намечающейся контр-атаки.

При анализе начала операции более крупного масштаба— операции июльской я буду иметь случай еще раз вернуться к этой навязчивой идее г-на Тухачевского, и надеюсь доказать тогда верность моих слов, *что в географии и в геометрии имеется много капканов* для командующих. Здесь ограничусь лишь констатированием того факта, что наша контр-атака выиграла во времени и силе благодаря маневру, которым г-н Тухачевский, повидимому гордится. Я не мог читать без некоторой усмешки строки, помещенные на стр. 9: „Наше наступление быстро и стремительно стало развиваться; 15 армия без затруднения проделала заворот в Смоленских воротах". Странное противоречие имеется в этой фразе: „быстрота", — когда теряется несколько дней, отданных противнику; „стремительность".—когда значительная часть армии топчется мелким шажком на неутоптанной земле, выжидая выравнивания заходящего крыла, которое одно только находилось в движении, но не имеет соприкосновения с неприятелем; от последнего, кроме того, она должна охраняться путем выделения все больших сил из состава главной операционной группы. Этот воображаемый узел Смоленских ворот в Ореховно, этот геометрически начерченный маневр, наглядно свидетельствует об абстрактности стратегического мышления моего уважаемого противника в 1920 году. Я не хочу этим сказать, что благодаря этому майская операция г-на Тухачевского оказалась относительно легко разбитой и сведенной к нулю, но, несомненно, благодаря этому были созданы условия, великолепно облегчившие отражение попыток осуществить простиравшиеся так далеко намерения г-на Тухачевского. Главной его ошибкой, которая уже почти что заранее обрекла г-на Тухачевского на неудачу в его больших планах, была ошибка в подсчете своих сил и сил противника, в подсчете, сделанном без другого хозяина войны, которым всегда является вождь противной стороны. Расчет был сделан в надежде найти у нас кордонное и линейное расположение войск в чистом виде, а на самом деле все намерения и план разбились и оказались сведенными на нет посредством глубоких и подготовленных мною заранее резервов, совершенно не затронутых вступительными действиями г-на Тухачевского. Поэтому-то с полной решительностью оспариваю право г-на Тухачевского гордо говорить: „Успех был настолько решителен и настолько неожидан для поляков, что их главное командование проявило определенную неустойчивость и начало переброску сил с юго-запад-

ного на западный фронт" (стр. 9). Из моего предыдущего точного исторического изображения положения дел видно, что г-н Тухачевский после неудачной операции не имеет никакого права на это довольно кислое утешение.

Такое же более или менее недоразумение я усматриваю при анализе завершения наших контр-действий в первых числах июня. Г-н Тухачевский, встревоженный возможностью новой потери столь возлюбленных им Смоленских ворот, вынужденный отовсюду отступать, организовал в конце операции оборону этой обетованной земли. И вновь он возносит великие заслуги своей 18 дивизии, которая вблизи Германовичей обороняла 7 июня подступы к Ореховно.

В этом бою, согласно показаний г-на Сергеева, дивизия потеряла до 70% своего состава и вынуждена была отступить. Но зато, пишет г-н Тухачевский, противник потерял способность к дальнейшим решительным действиям, и взлелеянное в его мечтах Ореховно осталось в руках г-на Тухачевского. Это, добавляет г-н Тухачевский, был переломный момент в операции. Между тем в исторической действительности с нашей стороны ничего подобного не было. Прежде всего мне, пожалуй, не потребуется еще раз доказывать, что в продолжение всей операции мне ни разу не приходило в голову завидовать г-ну Тухачевскому в обладании им в Ореховно великими историческими воротами, называемыми Смоленскими. Не из-за них я сражался. Главной и единственной целью было закрытие ворот совсем иных. Для меня было важно сомкнуть у истоков Березины и Вилии при выходе из-за обширного болотного пространства два фланга моих контр-атакующих с юга и с запада войск, ибо таким образом, отрезались все пути отступления зарвавшимся до Молодечно главным силам г-на Тухачевского, а вдобавок вся подорванная в своей силе наша 1 армия механически выходила в резерв. План этот мне удался только отчасти, так как скорость ударов обеих контр-атакующих групп была в течение всей операции слишком неравномерна.

Ген. Сосновский, идя со своей резервной армией от Свенцян и Постав, ударил быстро и решительно. Наоборот, южная группа, шедшая от Минска, параллельно берегу Березины, двигалась значительно медленнее и методичнее.

Предвидя это заранее, я назначил начало наступления южной группе на целый день раньше. Однако, как только неприятель заколебался, 1 армия перешла из-под Молодечно во фронтальную контр-атаку и во фронтальном же преследовании дошла до болот Березины значительно раньше, чем южная группа успела пройти дороги, ведущие к ним. По этой причине части 1 армии оказались втянутыми в общую линию фронта, уменьшая таким образом имевшийся в моем распоряжении резерв.

С момента подхода к этим болотам я приказал приостановить действия, вовсе не будучи вынужден к этому противником. При выборе же общей линии фронта я руководствовался главным образом двумя мотивами, которые как раз были противоположны какому-либо желанию конкурировать из-за Смоленских ворот.

Во-первых, я искал возможности включить в свой фронт самое большое количество болотистых пространств, дающих экономию живой силы при занятии передовой линии и облегчающих увеличение резервов. Во-вторых, я хотел иметь как можно менее труда при охране левого фланга, охране, которая должна была растянуться вдоль Двины. Это последнее я признавал более важным, чем держать под близким наблюдением Полоцкий железнодорожный узел, что, конечно, имело также не малое значение. Выслушав по этому вопросу мнение обоих командующих, ген. Сосновского и ген. Шептицкого, мнения,—как всегда в таких случаях, противоречивые, руководимые личными впечатлениями и частными интересами, я высказал свое решение и приостановил всякое дальнейшее преследование.

Я привожу здесь исторический факт не для того, чтобы опорочивать мнение г-на Тухачевского, что приостановку нашего удара следует приписать действиям именно его войск, ибо суждения такого рода естественны и являются обычными в историях войн и они сплошь да рядом встречаются в рапортах командующих, которые после проигранного боя сумели задержаться, не преследуемые дальнейшим натиском неприятеля. Это—хотя и мелкая, но характерная иллюстрация тех трудностей, какие вырастают перед каждым командующим при попытках обрисовать обстановку и намерения противника.

Выводы г-на Тухачевского из майской операции сводятся к трем пунктам: один касается морального состояния его войск, которое будто бы значительно поднялось; другой пункт говорит об уменьшении наших сил на юго-западном фронте, что облегчило положение противника, и, наконец, третий, рассматриваемый г-ном Тухачевским как важнейший, это—занятие излюбленных Смоленских ворот. Оставляя пока в стороне третий пункт, о котором я буду иметь еще случай высказаться при рассмотрении июльской операции, я остановлюсь несколько на первых двух пунктах, противопоставляя тогдашнюю мою оценку оценке обстановки г-ном Тухачевским.

Удовлетворение г-на Тухачевского по поводу морального улучшения подчиненных ему войск связано с его оценкой морального состояния тех дивизий, которые дрались с нами в течение 1919 года до прибытия г-на Тухачевского. Он говорит, что эти войска не внушали ему большого доверия, так как вследствие боевых неудач они отличались некоторой

неуверенностью и убеждением в своей слабости по сравнению с польскими войсками. Признаюсь, что не совсем понимаю, каким собственно образом явные неудачи майской операции могли повлиять на указываемое повышение морального состояния. Сомневаюсь, чтобы в рядах Красной армии любовь к Смоленским воротам была бы настолько всем понятна, что несчастное Ореховно могло заслонить как потери, понесенные войсками, так и впечатление проигранного сражения. Поэтому-то совершенно иначе пишет об этом г-н Сергеев, являющийся более точным наблюдателем армии. По его данным, в 53-й дивизии после боев осталось 1 500 штыков, в 12-й—1 200, в 18-й—2 000, тогда как перед началом операции они имели: 53-я дивизия—3 157, относительно 12-й—данных не имею, 18-я—5 000 штыков. Соответственно с этим г-н Сергеев утверждает, что 53-я и 12-я дивизии были настолько потрясены тяжелыми боями, что несколько раз откатывались назад почти в панике, при самом незначительном нажиме со стороны противника. Упадок боевого духа давал себя чувствовать и в 18-й дивизии [1]). Затем он прибавляет, что при организации армии для новой операции г-н Тухачевский приказал самые лучшие дивизии из числа тех, которые принимали участие в майской операции, оставить в 15-й армии, а „слабые численно и морально потрясенные дивизии (53, 12, 6 и 56) передать в соседние, вновь формирующиеся армии" [2]).

Это свидетельство в совершенно ином освещении представляет тот моральный выигрыш, о котором пишет г-н Тухачевский. Отражение этого поднятия морального состояния усматривается в начальных действиях главной операции в июле этого же года. Признаюсь, что с этой точки зрения, думаю, правильнее засчитать актив на польской стороне, и утверждаю, что наступление г-на Тухачевского, предпринятое до окончания сосредоточения, с целями, поставленными чрезмерно далеко для собранных сил, в результате исчерпало физические и духовные силы войск, принимавших участие в этой операции. Что же касается второго пункта, то, по моему мнению, г-н Тухачевский в своих выводах слишком узко поставил этот вопрос, говоря о влиянии майской операции на общее стратегическое расположение нашей армии. Операция эта имела более глубокое значение. Что касается уменьшения наших войск на участке фронта южнее Припети, то оно было незначительно, и если оттуда были сняты две с половиной дивизии (4-я, 15 я и половина 5-й—эта последняя прибыла к самому концу нашего контр-наступления), то почти сейчас же на этот фронт были направлены 3-я дивизия легионеров и три вновь сформированных резервных полка,

[1]) Е. Н. Сергеев, стр. 25.
[2]) Е. Н. Сергеев, стр. 32.

так что уменьшение было едва лишь на одну неполную дивизию. Значительно большее значение имело введение в боевую линию всех глубоких резервов и расположение ген. Шептицким всех отведенных в резерв войсковых частей в расстоянии едва лишь 15—30 километров за линией фронта. Расположение войск, таким образом, приобретало форму того кордона, на котором базировался и на слабую сторону которого рассчитывал в своих подсчетах г-н Тухачевский.

Я не хочу таким путем сваливать ответственность со своих плеч на моих подчиненных и искать себе оправдания перед историей ссылками на их ошибки. Я стараюсь единственно только быть возможно более точным исторически. Будучи принципиальным противником линейного расположения войск, с его одеревенелой, трудно применимой для маневра формой, я бы, безусловно, заставил свои войска применить иной метод, если б не имел на своей совести основной ошибки в оценке обстановки во время первой половины нашей кампании в 1920 г. К этой моей тогдашней оценке я и перехожу.

Если, как я уже писал, при выезде моем из Житомира, когда г-н Тухачевский начинал свое майское наступление, я был совершенно спокоен за положение дел на юге, то за время моей работы на севере обстановка на южном фронте стала изменяться не в нашу пользу. Во время своего отъезда, в половине мая, я имел перед собою на этом фронте две Советские армии: 13-ю и 14-ю. Первая из них была мною настолько сильно разбита во время наступления, что уже до конца войны не могла подняться до такого морального уровня, чтобы стать для нас опасной. Во всяком случае,—что в то время я записывал себе на приход, —должно было пройти много времени, прежде чем она стала бы способной, без прилива новых и свежих сил, сражаться с нами с надеждой на какой-либо успех. Вторая из них, 14 армия, менее потрепанная, была настолько слаба численно, что ее „под шахом" держала только одна наша дивизия (12-я). Правда, к нам приближалась конница Буденного. О ее движении я имел относительно довольно точные и верные сведения. Она совершала большой поход откуда-то из-под Ростова-на-Дону в составе четырех дивизий, при чем все данные относительно их численного состава казались мне сильно преувеличенными. Как мною уже отмечалось, я в то время пренебрегал этим новым противником.

Как известно, военное значение конницы даже до 1914 г. в понятиях многих падало все ниже. Ей предназначалась вспомогательная роль, как, например, разведка или охранение флангов, и никогда не предполагалось поручать ей самостоятельные решающие задачи. Вместе с развитием силы огня в период огромных боевых запасов в Европе, роль конницы попросту упала до нуля. Лошадей передали в артиллерию, кавалеристов поспешно переучили в пехотинцев. *Поэтому-то мне ка-*

залось просто невозможным, чтобы мало-мальски хорошо вооруженная пехота, с приданными ей пулеметами и артиллерией, не смогла справиться с конницей при помощи своего огня. Впрочем, у меня имелось и личное воспоминание, когда в 1916 году моя бригада легионеров, стоявшая почти изолированной на фронте, уже прорванном вокруг меня, была атакована многочисленной русской конницей на полях под Костюхновкой и Волчецком. Почти без артиллерии, ибо стреляла всего одна лишь батарея, ружейный и пулеметный огонь пехоты в каких-нибудь десять минут попросту смел атаковавшую конницу, пытавшуюся помешать нашему спокойному отходу. Я не мог себе представить в те времена, чтобы могли иметь место случаи, свидетелем которых мне пришлось быть впоследствии. С равным недоверием приглядывался я к методу использования конницы чуть ли не по способу номадов, способу, сильно напоминающему старые времена, так хорошо известные нашим праотцам времена татарских набегов. Конница, проходящая, если можно так сказать, большие пространства, не имея сорганизованных тылов, продовольствующая людей и лошадей единственно уничтожением, подобно саранче, того, что находит на месте, влекущая за собою огнеприпасы на долгие сроки, чего не требовалось возить татарам, вооруженным дротиками и луками,—такая конница, сформированная в отдельную армию, *мне казалась и кажется еще и теперь некоторой стратегической нелепостью.* Повторяю, что я не придавал ей большого значения, и ее успехи на других Советских фронтах, о чем я имел данные общего характера, я приписывал более внутреннему разложению сражающихся с нею войск, чем действительной ценности этого способа ведения войны.

Не видел я также основания менять свое мнение даже после первых успехов конницы Буденного, которые совпали с окончанием нашего контр-наступления против г-на Тухачевского;—ведь я нигде не видел разбитых ею наших войск. Первые попытки прорыва наших общих линий на восток от Казатина были отбиты частями нашей 13 дивизии. Я вовсе не удивился и тогда, когда конница Буденного прорвала—если можно применить это не вполне соответствующее определение—наш фронт, что, впрочем, было легко сделать, и оказалась в нашем, хотя и не глубоком тылу. Я предполагал, что нам относительно легко удастся при помощи совместных действий пехоты и конницы разбить хотя бы по частям конницу Буденного и принудить ее к отходу. Будучи же совершенно не заинтересованным в том, чтобы упорно удерживать тот или иной участок занятой территории, я ставил себе задачей свободно маневрировать, не связывая себя удержанием какого-либо пункта того или иного куска пространства. Меня несколько беспокоила сильная паника, охвати-

вшая тылы, но я не видел еще какого-либо серьезного морального влияния этих действий неприятельской конницы на войска, находившиеся на фронте.

Поэтому-то, когда при окончании нашего контр-наступления на севере я расценивал обстановку и делал окончательный вывод для своих решений, слишком легко обходя вниманием действия конницы Буденного, *я решил не искать в этот момент развязки на северном фронте, а постараться возможно скорее покончить с конницей Буденного и затем уже перебросить побольше сил на север, чтобы перейти в решительное наступление там, где собирались самые большие силы противника.* Не рассчитывая на быстрое, в ближайшие месяцы приведение в порядок неприятелем своих сил на севере, где он только-что понес поражение, я полагал, что, не приступая к реорганизации своего северного фронта, а лишь придав ему новые силы, я успею во-время начать решительную операцию. Вследствие этого я бросил на юг одну из лучших наших дивизий — третью, которая была отведена в резерв, а ген. Шептицкому поручил пока-что создать фронт, казавшийся мне тогда только временным.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Подготовка к июльскому наступлению

После того, как мною было задержано контр-наступление на севере, г-н Тухачевский начал подготовлять новый, более сильный удар. Глава, трактующая об этой подготовке, написана г-ном Тухачевским с большой любовью и, как видно из содержания, с основательным знакомством с этой подготовительной работой и ее результатами. Действительно, нужно признать, что работа велась с большим размахом и с большой затратой усилий и энергии. В книге г-на Сергеева также можно заметить, что г-н Тухачевский умел своей энергией и настойчивостью направленной к определенной цели работы заразить и своих подчиненных. Это прекрасное проявление воли всегда будет свидетельствовать о способностях г-на Тухачевского, как полководца, способного на смелые решения и на энергичное их выполнение.

Я остановлюсь несколько на некоторой части решений г-на Тухачевского по организационным вопросам, так как это имело большое влияние на его военную работу. В этом случае я главным образом основываюсь на данных, почерпнутых мною из книги г-на Сергеева. А именно: речь идет о распределении сил и средств между отдельными армиями, которое было произведено г-ном Тухачевским во время подготовки к решительным операциям, законченным под Варшавой. Г-н Тухачевский весьма определенно одну из армий, а именно 15, поставил во всех отношениях в привилегованное положение.

Я уже раньше отметил, что г-н Тухачевский не был хорошего мнения о тех дивизиях, которые уже целый год сражались на нашем фронте и приобрели в течение этого года известное, если можно так сказать, почтение к противнику. Они проявляли в отношении к нам известную робость. Ни одна из этих дивизий не была назначена в 15 армию, а большинство из них было включено в состав 16 армии, стоявшей против нашей 4 армии на Березине. Уже этим самым Тухачевский обрекал направление Игумен—Минск на второстепенную, подчиненную роль. То же самое он сделал и с Полесским фронтом, где им были оставлены минимальные силы,

истощенные перед этим продолжительными и безуспешными боями. Теперь, после неудачи майской операции, он выбросил наиболее морально потрепанные дивизии в 4 армию, которая должна была действовать севернее 15. и в 3 армию, расположенную южнее той же избранной 15 армии.

По словам г-на Сергеева, это привилегированное положение относилось также и к снабжению 15 армии, которая в значительно большей степени была обеспечена вспомогательными средствами. Были ли это средства связи, или перевозочные средства в виде собранных повозок, или же, наконец, снабжение отдельных дивизий техническими средствами,—всегда 15 армия получала больше всех по сравнению с другими. Даже несмотря на то, что г-н Тухачевский собирал на своем крайнем северном фланге большой отряд кавалерии, именуемый третьим конным корпусом, он не усилил его отдельной кавалерийской бригадой, а оставил ее при 15 армии.

Такая постановка вопроса заранее, если можно так сказать, предрешала, что в планах г-на Тухачевского главная роль отводилась армии, поставленной в столь явно привилегированное положение. Отмечая это, я совершенно не думаю этого критиковать, ибо, ясное дело, полководец, составляя свои планы и проекты, должен иметь полное право выбирать войска в соответствии с поставленными им задачами и снабжать их средствами, отвечающими этим задачам. Мне, однако, этот факт бросился в глаза, *ибо из хода операции русских в том виде, как я ее наблюдал с противной стороны, я всегда приписывал наибольшую роль самой северной, 4, армии.* Поэтому-то я с известным интересом следил за описанием развития неприятельской операции, ища всюду участия в ней привилегированной 15 армии, а также причин, благодаря которым у меня сложилось впечатление, не отвечающее, как оказалось, намерениям и целям командующего неприятельскими войсками.

Помимо этого замечания, я хотел бы еще только отметить энергичное проведение подготовительных мероприятий для возможно быстрого восстановления железных дорог вслед за продвигающимися вперед войсками. Проявленная в этом отношении г-ном Тухачевским энергия поражала меня во время операции в июле и в августе 1920 г. Достаточно указать, что после одержанной мною победы под Варшавой, я нашел в Малкине, — станции, расположенной в 80 километрах от Варшавы, — вагоны широкой колеи, оставленные противником при поспешном отступлении.

Это быстрое продвижение вперед с восстановлением железных дорог и открытием по ним движения, после произведенных нами сильных разрушений, составляет одно из видных качеств нашего противника, и, несомненно, в значи-

тельной степени он этим обязан энергии и предусмотрительности г-на Тухачевского.

При оценке положения противной стороны перед своим главным наступлением г-н Тухачевский так скуп на слова, что мне в конце концов кажется неправдоподобным такое малое внимание к этой столь необходимой работе. Мне кажется, что эта лаконичность является результатом двух обстоятельств. Во-первых, г-н Тухачевский не пишет истории и не пытается даже соблюдать историческую точность, во-вторых, что, мне кажется, соответствует действительности,— г-н Тухачевский оценивал положение перед началом нового наступления в июле через ту же призму, что и в начале мая. Он ставил себе ту же цель, хотел работать теми же методами и... даже итти теми же путями. Разницу он видел только в том, что на этот раз он был сильнее и имел больше средств для выполнения своих планов. *Он производит на меня впечатление полководца, склонного к абстрактному мышлению, но наделенного волей и энергией и редко встречаемым у людей упорством в работе согласно намеченных им самим методов.* Такие полководцы редко бывают способны на более широкий анализ, ибо связывают себя, если можно так сказать, всем своим существом единственно только со своей задачей, но зато представляют гарантию того, что взятую на себя работу они выполнят без колебания. И если г-н Тухачевский для этой исключительной поглощенности самим собой может найти оправдание в том, что в войне с Польшей на него была возложена главная роль, то, однако, — повторяю это еще раз,—нежелание или неумение анализировать обстановку на всем фронте, несомненно, значительно сузило кругозор его мысли в течение всей руководимой им кампании.

Уже при анализе майской операции я указывал, что г-н Тухачевский, основывая свои действия на якобы существующем в нашем стратегическом расположении кордоне, ошибся и был разбит приготовленными мною резервами. Я полагаю, *что это же самоуглубление повлияло и на конечную неудачу всей операции, которая постигла г-на Тухачевского под Варшавой.*

Своими силами г-н Тухачевский распорядился весьма искусно, и каждый легко заметит признаки полководца большого масштаба в смелом и последовательном распределении сил. Приняв решение, согласно своим планам, связанным с любовью к „Смоленским воротам", наносить главный удар через них, он не пренебрег ничем, чтобы ценой других участков своего фронта увеличить свои силы в решительном направлении. Поэтому-то с полной правотой он утверждает, что достиг в пункте, который сам избрал на своем правом фланге, крупного перевеса над противником. Он сосредоточил там три армии, из коих одну, именно в „Смоленских

воротах", снабдил наилучшим образом и выделил в ее состав наилучшие войска. Далее, к югу Тухачевский ослаблял свои силы или численно, или же путем выделения туда менее боеспособных частей. Наконец, на своем крайнем левом фланге, на Припети, он оставил очень слабые силы, которым, несмотря на их слабость, приказал еще оказать помощь соседней к северу, 16 армии в направлении, как он пишет, Глуска. Это направление намечает действия вдоль шоссе Бобруйск—Слуцк. и, следовательно, на север от Полесья.

Что же касается нас, то Тухачевский излагает свое мнение кратко, говоря, что хотя мы и увеличили по сравнению с предыдущей операцией свои силы, стоявшие на линии его главного удара, однако, это не носило определенного характера и сохраняло все признаки кордона и пассивности. Перевес, как совершенно справедливо говорит г-н Тухачевский, мы имели только на „маловажном левом (неприятельском) фланге" (Мозырское направление)" где, согласно своим расчетам, он расположил силы, в два раза меньше сосредоточенных там наших сил.

Подобное распределение сил г-на Тухачевского, почти обратное распределение наших сил—соответствует главному принципу войны, гласящему, что быть сильным — это значит быть сильным там, где решается бой. Этот принцип, столь часто всеми повторяемый, весьма редко, однако, осуществляется полководцами в действительности, ибо, несмотря на свою простоту, его применение весьма трудно и, преимущественно по причинам психологического характера. На войне, как справедливо говорил ее великий знаток Наполеон, „le simple est le plus difficile" [1]). Вместо простоты обыкновенно является сложность вследствие слабости духа вождей, которые хотят быть сильными всюду, а это последнее, будучи недостижимым идеалом, в результате приводит к обратному явлению—повсеместной слабости.

Я должен признать, что этим часто встречающимся у полководцев недостатком г-н Тухачевский не обладал. Должен я также признать в данном случае правильность данной им оценки стратегического расположения наших действующих против него войск.

Это, действительно, был кордон почти в чистом его виде. Резервы были, но, за исключением каких-нибудь одного-двух полков, все они стояли, как того и хотел г-н Тухачевский, в 10—12 километрах за передовыми частями польских войск. Более глубокими резервами, кои могли бы быть использованы для контр-маневров, северный фронт не располагал совершенно. Как мною уже упоминалось, в том или ином устройстве северного фронта после окончания контр-

[1]) Простое, это самое трудное.

наступления в начале июня я никакого участия не принимал. И хотя на мне, как главнокомандующем, в данном случае, несомненно, лежит большая доля ответственности, я, ради исторической точности, отмечаю, что северному фронту начал уделять серьезное внимание только незадолго перед началом наступления г-на Тухачевского, после того. как мои неоднократные попытки добиться на юге победы над конницей Буденного не привели ни к каким результатам. Приблизительно под конец июня мне стало ясно, что добиться быстрого решения на южном фронте мне не удастся, и что поэтому мой предыдущий план, основанный на недооценке конницы, должен быть изменен, ибо в противном случае я не мог рассчитывать на немедленное выделение войск из состава южного фронта для создания маневренной группы и для попытки нанесения решительного удара на севере.

Ввиду этой перемены в оценке мною обстановки я хочу кратко изложить мотивы, которые меня к этому привели, и вывод, к которому я пришел перед 4 июля, т.-е. днем, когда г-н Тухачевский начал свою решающую операцию. Как мною уже упоминалось, я не придавал особенно серьезного значения факту нахождения конницы Буденного близ тылов известной части наших войск на Украине. *Конница Буденного не проявила особенно большой активности в этой обстановке,* так что, несмотря на ее нахождение уже на фланге и даже в непосредственном тылу левого фланга нашей наиболее южной, 6, армии, Казатин, где находился этот фланг, долгое время не ощущал давления находящейся весьма недалеко конной армии. Наиболее изолированной и наполовину отрезанной казалась 3 армия, стоявшая в Киеве и его окрестностях; командующий ею генерал Рыдз-Смиглый, *игнорируя, как почти все в это время, действия неприятельской конницы, все время настойчиво требовал, чтобы легкая, как ему казалось, задача ликвидации находящейся у него в тылу конницы была бы выполнена без отступления его войск с линии Днепра.* Сильнее всего пострадал. численно слабый впрочем, центральный участок фронта, которому, однако, тотчас же было выслано подкрепление в виде 3 дивизии и трех резервных вновь сформированных полов.

Первая моя попытка поэтому заключалась в том, чтобы объединить части для удара по коннице Буденного, пока она еще находилась между этими частями, в Житомире и окрестностях. План этот сошел на-нет. Я отдал определенный приказ генералу Смиглому оставить излишнюю при данной обстановке стоянку в Киеве и отступить со своими главными силами вдоль шоссе Киев—Житомир, нанося таким образом удар по главным силам Буденного около Житомира. В этом случае он мог бы быть поддержан в бою левым флангом 6 армии и сосредоточенной около Казатина нашей конницей.

Даже слабая поддержка подходящих с запада частей, по моему мнению, могла бы принести пользу. *По непонятным до сих пор для меня причинам моя телеграмма не дошла до генерала Смигло́го, и он отвел свои войска в северо-западном направлении вдоль линии Киев—Коростень—Сарны, т. е. вдоль южного Полесья, как бы старательно избегая возможности столкновения с конницей Буденного.* Отмечаю, что при этом одна из дивизий, а именно 21, вышла на южное Полесье под Мозырь, увеличивая таким образом наши силы на „маловажном“,—по определению г-на Тухачевского,—фланге армии находившейся под командованием генерала Шептицкого.

После этого случая предпринятые мною несколько раз попытки организовать удар против конницы Буденного с двух сторон таким образом, чтобы получить возможность с пользой ввести в дело нашу значительно более слабую, по сравнению с противником, конницу, не привели ни к чему, ввиду какой-то роковой невозможности согласовать действия нескольких войсковых единиц для совместного проведения маневра. Последней такой попыткой были почти комические события под Ровно перед 4 июля, когда сначала 18 дивизия 6 армии вела атаку с юга, а 2 армия в это же время отступала на север, а затем наоборот,—когда 2 армия перешла в наступление, и ее 1 дивизия ночной атакой овладела г. Ровно. 18 дивизия отступала в направлении Дубно. Я не могу утверждать, чтобы эти, смешные теперь, кадрили очень деморализующе влияли на сражающиеся на юге войска, ибо, за исключением нескольких частей, большинство их вполне сохранило свою боеспособность и, не поколебленное неудачами, все время было в боях. Однако, несомненно, постоянные неудачи не могли не отразиться и, действительно, отражались на общем настроении, выражающемся в мысли о необходимости введения какого-то нового метода для задержания и нанесения поражения неуловимому до сего времени противнику. Таким мероприятием по всеобщему мнению, с чем и я был согласен, считалось введение в действие с нашей стороны большего числа конницы. *К организации этого средства борьбы было приступлено немедленно и энергично.* Заранее, однако, можно было предполагать, что импровизация столь трудной вещи не дастся так быстро и легко, и пройдет много времени, пока работа даст очевидные результаты.

Сильнее всего, однако, сказывались эти события не на самом фронте, а вне его, на тылах. Паника вспыхивала в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, а иногда даже в высших штабах и переходила все глубже и глубже в тыл. Стала давать трещины даже работа государственных органов; в ней можно было заметить какой-то неуверенный, колеблющийся пульс. Рядом

с необоснованными обвинениями наступали моменты непреодолимой тревоги с нервными потрясениями. Я наблюдал это постоянно вокруг себя. *Новое оружие борьбы, каким оказалась для наших неподготовленных к этому войск конница Буденного, становилось какой-то легендарной, непобедимой силой.* И можно сказать, что, чем дальше от фронта, тем влияние этого непобедимого рассудком гипноза было сильнее и непреодолимее. Таким образом начинал организовываться наиболее для меня опасный фронт—фронт внутренний.

Именно при такой обстановке я расстался с выработанным ранее планом и, зная из донесений и данных разведки о концентрации неприятеля на севере, набросал себе весьма общий план действий на фронте против г-на Тухачевского. Именно ввиду постоянного обнажения правого фланга войск, расположенных к северу от Припети, все отступающим южным фронтом, я согласился на добровольное, без давления неприятеля, отступление всего северного фронта примерно до линии немецких окопов в центре при одновременном сформировании сильных маневренных групп на обоих флангах. Не хочу в данном месте затрагивать вопроса, почему я не сделал этого своевременно, так как вернусь к нему позднее. Высказав, однако, здесь мою основную мысль, перехожу к попытке подробного анализа начала главной кампании 1920 года —т.-е. наступления советских войск 4 июля.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Действия сторон между 4 и 6 июля

Анализ первых дней решающей операции г-на Тухачевского создал мне много затруднений. Я наталкивался всякий раз на все новые противоречия, выяснение которых заняло у меня много времени. Одни из этих противоречий возникали из-за недостаточно приведенных у нас в порядок дат и данных о действиях войск в этот период, отчего произошло неправильное и ошибочное представление о положении вещей. Иные же противоречия выявлялись, когда я сравнивал все то, что описывает г-н Тухачевский, с датами и данными, исподволь установленными мною в отношении наших войск, а также с датами и данными, которые я находил у г-на Сергеева в отношении войск, предводимых г-ном Тухачевским. Все эти противоречия так разительны, а реальная историческая обстановка была так причудлива, что я долго не мог примириться с фактами, беспрерывно производя проверку своих взглядов на основе новых мелких деталей, добываемых от отдельных участников боев этого периода. Скажу, что еще и теперь, давая свой анализ, я не могу избавиться от некоторых сомнений, так как он слишком ярко противоречит всему тому, что говорит г-н Тухачевский, у которого на фоне чрезвычайной абстрактности труда рассыпаны публицистически преувеличенные определения, как, например, „разгромленный", „размозженный" и т. д.

Перелистывая по нескольку раз небольшой труд г-на Тухачевского, я хотел выработать у себя определенный взгляд на руководящую его идею и всегда приходил к убеждению, что г-н Тухачевский наметил себе план с далеко выдвинутой целью, надеясь, что ему и находившимся под его командованием войскам окончательное решение намеченной операции удастся найти далеко от того места, где он ее начинал, старательно устраняя естественное, впрочем, желание немедленно искать местных частичных успехов. Все, что говорит г-н Тухачевский при описании операций, как майской, о которой я говорил выше, так и июльской, казалось бы свидетельствует, что он принадлежит к людям, хотя и абстрактно мыслящим, но, во всяком случае, умеющим широко смотреть

как на театр войны, так и на действия больших войсковых масс. Мы уже видели это раньше, и черта эта проявляется еще более в широком размахе его рассуждений, помещенных в части его труда, где говорится о июльской операции. Здесь именно он дает, как я уже отметил ранее, может быть, самую прекрасную часть своей работы, стремясь найти разрешение проблемы управления войсками большой численности на больших пространствах в наступательной операции.

Откладывая рассмотрение этих взглядов г-на Тухачевского, я отмечу лишь, что он видит выход в сосредоточении. как он выражается, таранных масс, которым приходится не раз менять направление своего движения, в зависимости от действий противника, пытающегося оказать сопротивление атакам в том или ином месте. Менять направление необходимо, хотя бы это было сопряжено даже с потерей времени или с преждевременным раскрытием перед противником своей основной оперативной мысли; это, как он говорит, является единственным способом уравновешивания контр-ударов противника, имеющего возможность снимать свои войска для организации контр-атаки. В рассуждениях этих видно влияние, оказанное на г-на Тухачевского началом кампании 1914 года во Франции, и г-н Тухачевский предлагает на примере нашей (советской) кампании против бело-поляков в 1920 году проследить с большой пользой вопрос использования таранных масс. В этом случае он ссылается на ту истину, что в современных операциях невозможно уничтожить неприятельские силы одним быстрым ударом и маневром.

Как же я был удивлен, когда прочитал у г-на Сергеева (стр. 31), что в последних числах июня г-н Тухачевский лично посетил всех командующих армиями и приказал проработать во всех подробностях план, который, в случае успеха, должен был привести к окружению части наших сил, расположенных в окрестностях Германовичи — Лужки — Глубокое.

Следовательно, план для действий 4 июля сводился к чисто местному успеху, имевшему целью устроить маленький Седан для нескольких наших дивизий. Г-н Сергеев, останавливаясь на этом плане, прилагает даже графические схемы, ясно показывающие, на чем он основывался. А именно: 15 армия, состоявшая, как известно, из лучших сил и лучше других снабженная, должна была атаковать этот малый Седан с фронта у Германовичей и Глубокое, в то время как соседние две армии, 4 и 3, должны были явиться как бы правым и левым плечами, выбрасывающими руки с севера и юга в тыл Глубокого и Германовичей с целью отрезать все пути отступления. Г-н Сергеев устанавливает, что для осуществления этого плана центр (15 армия) был излишне силен, а фланги слабы, и *этому распределению сил*,

которое, впрочем, он оправдывает недостатком времени, он совершенно правильно приписывает неудачу плана (стр. *32, 33*). Однако, где же здесь таран, где, наконец, операция с широкими и большими целями? Как мы увидим при разборе, фланги не выполнили своей задачи, но г-н Сергеев устанавливает, что в ночь с 5 на 6 июля он получил от г-на Тухачевского директиву, указывающую на необходимость напряжения всех сил, чтобы до ночи с 6 на 7 июля отрезать путь отступающему неприятелю в районе Осиногородок—Курыловичи (20—30 километров на запад от Глубокого) (стр. 50). Следовательно, еще на третий день операции северная армия (4) имеет ту же самую седанскую задачу.

Еще более возросло мое удивление, когда, наблюдая день за днем действия главных сил г-на Тухачевского, т.-е. 15 армии, я усмотрел, что уже с третьего дня операции, а может быть даже и со второго, она начала группироваться не для продолжения операции в стиле Седана, но для создания тарана для дальнейших операций. Это удивительная разноголосица в течение первых двух дней операции не вызывалась действиями наших войск, так как единственной активной группой, действующей еще в течение 5 и 6 июля, была крайняя северная группа генерала Желиговского, состоявшая из двух дивизии (10 и 8). Не получив приказа об отступлении, группа эта она отходила с небольшими, впрочем, арьергардными боями, имея постоянный контакт единственно с 4 северной Советской армией, и, следовательно, вовсе не оказывала влияния на действия 15 армии. Остальные же силы—группа ген. Ендржеевского—отходили спокойно, почти без соприкосновения с противником, в юго-западном направлении на Молодечно. Оригинальный Седан!

Вообще первые дни июльских операций г-на Тухачевского заслуживают подробного анализа. Они очень сильно повлияли на основную группировку наших, польских, сил, на течение всей операции с нашей стороны почти до самой Варшавы, а на-ряду с этим в отношении выявленного выше противоречия, разногласия в оперативных идеях г-на Тухачевского, имевшего в данном случае в своих руках инициативу действий, они дают характерную картину того, что я обычно называю комедией ошибок и взаимного непонимания противников. Как обыкновенно в таких случаях бывает, даже название таких битв является спорным. Командующий нашими силами на этом фронте ген. Шептицкий в своем объяснении назвал эту битву, согласно своего стремления к линейному расположению войск, боем на Ауте, маленькой реченке, которую с трудом можно найти на карте и название которой я ни разу не встретил ни у г-на Тухачевского, ни у г-на Сергеева. Повидимому, они совершенно не предполагали, что это Ореховно, в данном случае речное, играет для их противника

большую роль. Г-н Сергеев считает эту битву неудавшимся Седаном у Глубокого, чего опять-таки никто с нашей стороны не понимал, а самый активный участник этой битвы, ген. Желиговский, недавно еще говорил мне. что он не раз задумывался, хорошо ли он поступил, не ударивши на означенный Седан—Глубокое после того. как оно было занято противником; не чувствуя никакого нажима, он считал себя совершенно свободным в своих решениях. Сам же г-н Тухачевский, удовлетворенный обладанием, теперь уже совершенно надежным, „Смоленскими воротами", легко переходит к очередному вопросу повестки дня—к крещению этого военного чудачества, так как уже 7 июля он выяснил с полной очевидностью, „что войска противника подверглись полному разгрому в районе нашего главного наступления" (стр. 21). Такую битву стоит подробно проанализировать [1]).

Начну с северной 4 армии, предводимой г-ном Сергеевым. В соответствии с седанскими намерениями г-на Тухачевского, г-н Сергеев оставляет на своем левом фланге 18 дивизию, приказывая ей удерживать при помощи наступления резервы противника в этом районе. Остальные же свои силы, т.-е. 12 и 53 дивизии и 164 бригаду, он стягивает на узком перешейке между Двиной и болотистым озером Ельня, перешейке, не превышающем 10 километров (по Сергееву 4 версты), ставя себе задачей прорвать здесь фронт противника и тотчас же повернуть всей пехотой круто на юг на Германовичи и Шарковщизну, а конницу пока-что бросить на запад, на глубокие тылы противника. Ввиду того, что г-н Сергеев пишет, что бой начался ураганным огнем артиллерии, я считаю нужным отметить, что он сосредоточил на этом участке 70 легких и 8 тяжелых орудий. Свою точку зрения на данную ему задачу г-н Сергеев излагает следующим образом: „Так как успех маневра 4 армии требовал быстрого своего исполнения, а сведения о противнике указывали, что между Двиной и озером Б. Ельня находится только один пехотный полк и несколько сот уланов, то частям активной группы ставились задания, требующие прохождения после прорыва линии неприятеля: для конницы 40 верст в первый день и 24 версты во второй; для 164 бригады 27 верст в первый день и 24 версты во второй; для 53 дивизии 29 верст в первый день и 30 верст во второй; для 12 дивизии 22 версты в первый день и 18 верст во второй.

Такие расстояния предусматривали после прорыва движение просто колоннами, так как слабый противник должен был рассыпаться от нашего удара, а резервов у него, повидимому, здесь не было" (стр. 43).

---

[1]) См. схемы № 1, 2

Действительно, здесь стоял нецелый 33-й полк, имевший один батальон в относительно далеком резерве. Вследствие тумана наступление началось в 8 часов утра, после получасовой подготовки артиллерийским ураганным огнем. Первые, слабо, очевидно, укрепленные линии окопов были заняты уже в 9 часов. В дальнейшем же продвижение г-на Сергеева пошло столь медленно и при таком сопротивлении, что только после целого ряда контр-атак с нашей стороны, около 4 часов пополудни, наши два батальона, измученные тяжелым боем, стали быстро отходить.

Только около 6 часов вечера дивизии и конница г-на Сергеева смогли стянуться в колонны и начать предписанное им движение. Нет ничего удивительного, что ни одна из частей не смогла выполнить своей задачи.—с грустью констатирует г-н Сергеев (стр. 46).

Эта геройская оборона двух батальонов нашего 33-го полка против двух с половиной дивизий противника была поддержана, по нашим данным, только 10 орудиями 8-й дивизии, в состав которой входил этот полк. Она свела почти на-нет эту задуманную в седанском стиле операцию или, по меньшей мере, сделала ее весьма сомнительной, задержав главные силы 4-й армии в их намерении быстро выйти на тылы и фланги наших войск, сражавшихся далее к югу. У нас не раз, при торопливом разборе означенных боев, обвиняли этот полк, как и всю 8-ю дивизию, в том, что они допустили проход неприятельской конницы, которая в течение всей операции до самой Варшавы нам более всего вредила; теперь я с удовольствием отмечаю по источникам противника тот факт, что упорное сопротивление этого полка, как определенно констатирует г-н Сергеев, сильно задерживало развитие успеха и только около 16 часов польское сопротивление было сломлено. К этому добавлю, что ни одно наше орудие не досталось в руки противника.

На соседнем участке 18-я дивизия, которую г-н Сергеев считал лучшей, потеряла весь день на совершенно бесполезные атаки против одной из бригад нашей 10-й дивизии. Г-н Сергеев спокойно устанавливает, что, несмотря на тяжелые потери дивизии и относительно большой расход снарядов (300 патронов на легкое и 50—80 на тяжелое орудие), наступление 18-й дивизии было отбито (стр. 47). Таким образом, первый день окончился для 4-й армии относительным неуспехом, так как отдалил возможность выполнения седанских намерений и не вызвал расхода какой-либо части наших резервов, которые в данном месте состояли из трех полков 8-й дивизии. По нашим данным, они двинулись без особого приказа большей частью своих сил на север в сторону Погоста и еще далее на север для прикрытия угрожаемого фланга.

Далее к югу атаковала 15-я армия, выдвинувшая в первую линию 4-й дивизии. Наступление велось на пространстве более 50 километров по фронту и встретило против себя столь же растянутую по фронту нашу 11-ю дивизию на южном участке, одну бригаду 5-й дивизии и 7-ю резервную бригаду в северной части атакованного пространства. В резерве за ними находилась 17-я дивизия, использование которой без разрешения командующего фронтом в Минске было невозможно. Перипетии этого боя в его деталях можно выяснить лишь с большим трудом. Является фактом, что на южном участке советские войска двинулись вперед скорее, чем на северном. Именно на юг от железной дороги Полоцк—Молодечно войска г-на Тухачевского дошли с боем до речки Мнюты, сделав окого 8 километров от места встречи с нашими передовыми линиями. Севернее же этой дороги, где сражалась большая часть 15-й армии, несмотря на первоначальный успех, советские войска были задержаны контр-атаками—с юга нашей 17-й дивизии и с севера 10-й дивизии, которые настолько успешно сдерживали движение атакующих сил, что к концу дня захваченное наступлением пространство нигде не превышало 3—4 километров. Этот относительный успех главных сил г-на Тухачевского не сыграл, впрочем, какой-нибудь крупной роли для его седанского плана, так как центр в данном случае мог продвигаться и медленнее: успех этот имел то лишь значение, что притянул к себе наши резервы. После этого боя большая часть наших войск была почти полностью обессилена, так что на долгое время стала неспособна для дальнейшей боевой работы. Это касается одной бригады 5-й дивизии и 7-й резервной бригады. Кроме того. в руках неприятеля осталась артиллерийская материальная часть, впрочем, не в большом количестве.

Третья Советская армия атаковала далее на юг до Березины, при чем частью своих сил ударила по частям нашей 11-й дивизии, а тремя дивизиями повела сильное наступление против бригады первой Литовско-Белорусской дивизии, имея приказ занять 5 июля Докшицы, удаленные от линии фронта в прямом направлении на 25 километров: 6 июля должна была быть уже занята железнодорожная линия Полоцк—Молодечно и отрезано наше отступление в юго-западном направлении. Результатом этого дня было то, что после чрезвычайно тяжелых, длившихся целый день боев советские силы нигде не продвинулись более чем на 7—8 километров; чуть ли не наибольшим, по всей вероятности незамеченным со стороны противника, результатом боя этого дня была приостановка контр-атаки и разрыв связи между 11-й дивизией на севере и 1-й Литовско-Белорусской на юге. В то же время река Березина, отстоявшая на 4—6 километров от линии фронта, являясь препятствием на пути в Докшицы,

почти нигде не была пройдена неприятелем. Следовательно. здесь, как и на севере, фланг, имевший своей задачей быстрым маневром отрезать пути неприятельского отхода в юго-западном направлении, оказывается задержанным в своем движении, несмотря на большой перевес сил, какими он обладал по сравнению с Литовско-Белорусской дивизией. Седанский маневр и здесь, как и на левом фланге, повис в воздухе. Здесь было даже хуже, так как вся третья армия вечером, 4 июля. стояла вытянувшись в одну длинную линию вместе с центром фронта—15-й армией, в то время как на севере г-н Сергеев, после преодоления первого препятствия, все же к вечеру успел обозначить заметное движение на фланги и тылы своего противника.

Если, как мы видели, целью преследуемой войсками г-на Тухачевского, являлось быстрое окружение нашей 1-й армии в окрестностях Германовичи—Глубокое, то опять-таки целью боя, веденного нами, было просто отражение неприятельской атаки и восстановление положения. предшествовавшего 4 июля. Все приказы как командующего фронтом в Минске, так и командующего 1-й армией в Вилейке, а также командующих группами на отдельных участках, не оставляют в этом отношении никакого сомнения. По этой причине весь день 4 июля проходит в разного рода попытках слабых и более значительных контр-атак, имевших целью отбросить противника за линию, занимавшуюся им утром этого дня. Бой с нашей стороны проводился более или менее так, как он проводился во время окопной войны. Во всех попытках контр-наступлений, производимых в разное время и в разных местах, проглядывало только одно стремление—„восстановление предыдущего положения". Это определение повторяется десятки раз, как характеристика цели, для осуществления которой наша первая армия 4 июля дралась на всем растянутом стокилометровом фронте. На всем этом пространстве собственно одна только наша 10-я дивизия, не позволившая сбить себя с занимаемой ею позиции, достигла этой цели и в отношении поставленной себе задачи день закончила победоносно. В то же время на прочих участках наши войска находились под гнетущим впечатлением проигранного сражения, так как в течение всего дня тяжелых боев, в которых, кроме 8-й дивизии на крайнем севере, приняли участие все наши силы, достижение поставленной цели—восстановление предыдущего положения,—оказалось невозможным.

Следовательно, первый день боя 4 июля обеим сторонам не принес удовлетворения в достижении поставленных целей. Г-н Тухачевский не далеко ушел по пути к проектируемому Седану, но в то же время и наша 1-я армия, ввиду большого перевеса неприятельских сил и отсутствия резервов, должна была усомниться в возможности выполнения поставленных

ей задач. Рассвет 5 июля застал, однако, обоих противников с теми же боевыми задачами и не изменившимися целями боевой работы.

На севере 4-я армия г-на Сергеева продвигается далее в намеченном направлении почти в пустом пространстве, так как два батальона 33-го полка, понеся большие потери в бою предыдущего дня, быстро отступили без соприкосновения с противником не на юг, в направлении своей дивизии, а прямо назад, так что в дальнейших боевых перипетиях своей дивизии они не принимали никакого участия. Первое столкновение их с неприятелем произошло только после полудня 5 числа, когда, как гласит доклад нашей 8 дивизии, под Погостом и далее к северу дивизия эта вела бои с авангардными частями противника. Стычки эти, несмотря на свою незначительность, задержали большую часть советских войск в дальнейшем их марше. Г-н Сергеев особенно жалуется на свою 53 дивизию, которая в этот день не только не дошла до Шарковщизны, как то ей было приказано, но даже совершенно переменила под влиянием этих незначительных боев свой фронт с южного на западное направление. То же случилось и в соседней 12 дивизии, сильное правое крыло и резервная бригада которой приостановили свое движение и в окрестностях Старого Погоста также переменили свой фронт с южного на западный. Седан определенно улыбнулся войскам г-на Сергеева [1]).

Г-н Тухачевский пишет о действиях 4-й армии в этот день с некоторой развязностью, а именно: он заявляет, что части 8 дивизии „были атакованы на походе, разбиты и потеряли всякую способность к сопротивлению; но и наши части не достигли того, что могли бы извлечь из обстановки“ (стр. 20). Г-н Сергеев поскромнее и утверждает только, что, несмотря на определенную слабость противника, которого следовало разбить и разогнать, войска развертывались в сторону своего правого фланга несколько раз и в конечном результате совершенно не выполнили своего задания на 5 июля (стр. 49). Добавлю, что, по представлениям г-на Сергеева, а, вероятно, также и г-на Тухачевского, большая часть 8 дивизии, которая никакого участия в боях 4 июля не принимала, была уже разбита. Сопротивление двух батальонов 33-го полка было настолько сильно, что неприятель в своих донесениях и подсчетах увеличивал наши силы, делая из боя двух батальонов бой большей части 8 дивизии. Г-н Сергеев прибавляет, что „положение обходящей группы обеспокоило и штаб фронта, и отданная в ночь с 5 на 6 июля директива указывала на необходимость приложить все усилия, чтобы в ночь с 6 на 7 июля перерезать дорогу отступающему противнику в районе Осиногородок—Курыловичи“. Последнее седанское усилие!

[1]) См. схему № 3

Тем временем в этот же день ген. Желиговский приказал 10 дивизии отойти на рассвете к реке Мнюте с целью выравнять свой фронт с соседями справа. Согласно донесений этой дивизии, на рассвете 5 июля она без всякого труда и без давления со стороны противника отошла на Мнюту и в окрестностях Лужков заняла оба берега этой речки; 8 же дивизия сосредоточилась в окрестностях Погоста. В этом отходе 10 дивизии с позиций, успешно удержанных в предъидущий день боя, содержится уже элемент неуверенности в том, что день 5 июля даст то, чего не было достигнуто накануне.

Это уже предвестие начинающегося отхода нашей 1 армии. Перейдем теперь к центру, к действиям 15 советской армии.

Армия эта 5 июля двигалась вперед необычайно медленно, значительно медленнее, чем в предыдущий день, а день 4 июля не был, как мы уже видели, рекордным днем с точки зрения пространства, пройденного этой армией На схеме г-на Сергеева показано, что южные дивизии (11 и 33) продвинулись за реку Мнюту, к которой они подошли накануне, всего лишь на несколько километров; северная же группа (54 и 16) в этот день дошла лишь до упомянутой речки. В донесениях наших войск, сражавшихся против 15 армии, я не нашел никакой понятной для меня причины, которой можно было бы объяснить это явление. Несмотря на то, что последний приказ нашей 1 армии от 4 числа требовал продолжения контр-атак для достижения поставленной цели, войска наши уже с рассвета ведут бои только арьергардного характера, группируясь, собственно, для отступления. Некоторые группы упоминают только об артиллерийском бое, прикрывающем отступление, и лишь наиболее северная группа, часть 10 дивизии в Лужках, на которую надвигалась 54, самая северная, дивизия 15 армии, отмечает тяжелые бои, которые ей пришлось вести на восточном берегу речки Мнюты пополудни 5 июля.

То же самое происходит в соседней 3 советской армии, которая, после стремительного наступления в течение предъидущего дня, начинает двигаться медленно, совершенно не спеша к достижению указанной ей ранее седанской цели. В этот день над всем растянутым театром войны как бы повис боевой кризис: решимость и энергия отсутствуют у обеих сторон.

Наконец, наша сторона на фронте 1 армии берет в свои руки инициативу решения. Около полудня командующий 1 армией по соглашению с командующим фронтом издал приказ об отступлении. Первый пункт этого приказа гласит: „Положение на фронте 1 армии требует ее отступления, отрыва от неприятеля и проведения перегруппировки на новой

линии [1]), с целью перехода в контр-атаку". Ввиду сложившейся тогда обстановки приказ не доходит одновременно до всех частей, и самая северная группа под командованием ген. Желиговского его вовсе не получает.

Первым приказ получает ген. Ржондковский в Докшицах в 13 час. 45 мин. и приказывает подчиненным 1 Литовско-Белорусской и 11-й дивизиям оторваться от противника и начать отход в юго-западном направлении, на Молодечно. Выполнение этого приказа группой ген. Ржондковского совершенно открывает с полудня 5 июля все дороги в западном направлении для частей всей 3 Советской армии и для большей части 15 на ее южном участке, наиболее продвинувшемся в западном направлении. Следующая к северу группа ген. Ендржеевского получила приказ начать отступление и оторваться от противника, если можно так сказать, по частям, в разное время дня. Сам ген. Ендржеевский свидетельствует, что приказ им был получен только поздно вечером 5 июля. Эта группа, состоявшая из 17 дивизии, 7 резервной великопольской бригады и одной бригады 5 дивизии, собственно уже с утра совершала отступление, прикрываемое слабым арьергардом и артиллерией, и отходила в естественном для нее направлении, а именно в западном, вдоль главной дороги Глубокое—Дуниловичи и далее в направлении Вильно или через Поставы и Свенцяны, или же через Свирь или Михалишки. Ген. Ендржеевский был занят организацией этого отступления и распределением движения большого количества обозов и имущества на Дуниловичи. Там собственно вечером и застал его приказ. Отступление, уже организующееся в этом естественном направлении, было бы для всей группы делом весьма легким и не оставило бы в совершенно изолированном положении самую северную часть армии ген. Желиговского, находившегося еще в бою под Лужками и Германовичами. Однако, приказ ген. Шептицкого требовал иного. Он существенно ломал порядок вещей и приказывал всей группе ген. Ендржеевского перейти на юг для прикрытия фланга нашей 4 армии, которая уже должна была начать свой ничем не вынужденный отход. Таким образом, группа ген. Ендржеевского, наиболее истощенная в предыдущих боях, должна была среди белого дня выполнить чрезвычайно трудную военную операцию—фланговое движение вдоль фронта одержавшего победу противника. Вместо того, чтобы порвать, согласно пункту письменного приказа, контакт с противником, что можно было выполнить только при помощи быстрого движения назад, она должна была совершить сложный маневр перемены есте-

[1]) Курсив автора.

ственного направления и итти на новое соприкосновение с неприятелем, приближаясь к нему все более с каждым часом марша. Для выполнения требуемого отхода большая часть сил ген. Ендржеевского должна была итти в юго-восточном направлении, т.-е. в сторону неприятеля. Если когда-либо в течение этих двухдневных боев эта часть нашей армии подвергалась опасности столь желанного для г-на Тухачевского „размозжения", „распыления" и „уничтожения дотла", то именно в эти послеполуденные и вечерние часы 5 июля, когда она выполняла этот диковинный маневр, ослаблявший к тому же и остальную часть победоносной до сего времени армии ген. Желиговского. Вот, например, краткое описание подобного маневра первого батальона 69 пех. полка 17 дивизии, который последним оставил Глубокое. Отход начался после полудня 5 июля. Батальон двигался трактом Глубокое-Порплище, где на пространстве почти 20 километров он шел под далеким огнем артиллерии, поражавшим его с востока. Поэтому-то батальон бежал почти галопом. Выступив из Глубокого пополудни, уже под вечер солдаты прибыли в Порплище, чувствуя в своих костях двадцать с лишним километров похода, а ночью им предстояло пройти еще более десятка километров до Парафианова. Ген. Ендржеевский оказался, вследствие своего неестественного отхода, в чрезвычайно затруднительном положении, так как, направив обозы и груз в западном направлении, он должен был войска перебрасывать в направлении почти юго-восточном. В своей реляции он указывал, что вследствие этого большая часть его войсковых единиц оказалась в тяжелых условиях, оставшись без обозов и в некоторых случаях даже без полевых кухонь.

Если этот несчастный приказ не привел к усилению нашего положения на севере, то во всяком случае несомненно, что вся группа ген. Ендржеевского оказалась спасенной исключительно вследствие уже отмеченного раньше бездействия противника. Ни южная часть 15 армии, ни вся 3 армия даже не пытаются использовать обстановку и допускают движение вдоль своего фронта неосторожной группы ген. Ендржеевского среди белого дня, пополудни 5 июля. Они изредка наказывают его за этот безрассудный маневр только далеким огнем артиллерии. Банкротство задуманного Седана выражено здесь чрезвычайно ярко.

Еще более оригинален способ выхода из Седана группы ген. Желиговского, самой северной и самой близкой к седанской участи. До конца дня 5 июля она сражается лучше всех прочих групп 1 армии, и, как обычно это бывает при неудачах, на ее долю выпадает участь мужественнейших, так как она находится в худшем положении. Вдобавок ко всему приказ об отступлении до нее вовсе не доходит. Только

с полудня 5 июля она уже чувствует, что вокруг нее делается что-то неладное. За ее правым, южным флангом, атакованным на восточном берегу Мнюты под Лужками, исчезает какое бы то ни было сопротивление с нашей стороны. Части 10 дивизии, которые успешно отражают здесь неприятеля, уже под вечер замечают на своих тылах дозоры неприятеля и даже его мелкие части. На всем же фронте 10 дивизии—на Мнюте и 8 дивизии—в окрестностях Погоста чувствуется натиск приближающихся более крупных сил 4 неприятельской армии г-на Сергеева. Ген. Желиговский, находясь в такой обстановке, решил совершить отступление еще в ночь на 6 число и выйти к группе ген. Ендржеевского, которого рассчитывал найти отступающим в окрестностях Дуниловичи. Тяжелый ночной марш выполнялся быстро, хотя и с затруднениями. Не преследуемый и без давления со стороны противника, ген. Желиговский утром 6 июля стянул всю 10 дивизию в районе Мосажа, в то время как 8 дивизия после большого перехода тянулась еще от Шарковщизны на юг [1]). В Мосаже ген. Желиговский не застал никого: ни своих, ни противника. Обеспокоенный, вероятно, этой пустотой, ген. Желиговский после короткого отдыха двинулся в Дуниловичи, куда прибыл под вечер, не встречая нигде противника и не испытывая с его стороны никакого давления. 8 дивизия двигалась таким же образом, но несколько западнее, направляясь прямо на Поставы. Две дивизии весь день маневрировали в пустом пространстве, не встречая ни своих, ни противника. Кое-где лишь, как это водится, встречались запоздалые обозники, подгонявшие измученных коней и державшие направление на запад. Кое-где в придорожных канавах лежала сломанная повозка или издыхающий конь—обычное свидетельство о минувшей военной буре при спешном отступлении. Местные жители, вероятно, утверждали, что наши прошли уже давно,—а противника до сих пор еще не было. Ген. Желиговский должен был в этот день сотни раз задавать себе вопрос: где же находятся свои и где неприятель? Давления с севера, со стороны армии г-на Сергеева, он совершенно не чувствовал в течение двух дней боя. Два дня он сражался фронтом на восток, также фронтом на восток сражалась и вся 1 армия. Он знал, что там происходило что-то недоброе, что в то время, когда под Лужками и невдалеке от Германовичей еще под вечер предыдущего дня он вел бой, на юге бой затихал, и это ставило его правый фланг под угрозу. Теперь, идя на юг, он, удерживая прежнее направление, дефилировал перед фронтом неприятеля, если последний двигался в том же направлении, как атаковал, т.-е. на запад. Между тем, с этой именно стороны в те-

[1]) См. схему № 4.

чение всего дня ему ничего не угрожало. Нет ничего удивительного поэтому, что когда вечером и среди неспокойной ночи в Дуниловичах он задумывался над своим положением, то приходил к убеждению, что собственно находится в тылу неприятеля, двинувшегося всей своей массой на юго-восток, по направлению на Молодечно. Ведь противник имел в своем распоряжении весь день 6 июля и даже большую часть предыдущего дня, 5 июля.

Такие оригинальные положения создала неудачная седанская операция. Сильный отряд, составляющий третью часть нашей армии, для которой готовился Седан, отряд к тому же наиболее подверженный опасности при осуществлении этого замысла, отряд, наиболее запоздавший в своем движении,— вдруг неожиданно в течение целого дня оказывается свободным, свободным, как поднебесная птица, в выборе своих решений и в направлении своих движений. Если дефилирование ген. Ендржеевского является определенным банкротством седанской идеи, то ген. Желиговский со своими двумя дивизиями в день 6 июля является таким ярким ее отрицанием, что иной раз трудно даже допустить существование когда-либо такого плана и таких намерений у г-на Тухачевского.

Генерал Желиговский впоследствии несколько раз спрашивал меня о моем отношении к его решению отступать далее на запад, так как он долго колебался перед принятием решения. Он полагал, что, может быть, ему следовало бы использовать столь необыкновенную обстановку выходом в тыл неприятеля и, имея в руках уверенных в себе хороших солдат, ударить по этому тылу и внести в него замешательство. Центром этих тылов он считал тогда Глубокое, самый значительный пункт в той местности. Эта мысль упорно преследовала ген. Желиговского в день 6 июля. Несмотря на то, что всякие попытки выяснить вопрос „что было бы, если б было" являются исторически бесплодными, законы анализа боевой обстановки несколько иные, так как такие попытки углубляют ее понимание и делают более выпуклым отдельные движения войск и влияние распоряжений командиров. Поэтому-то я несколько задержусь на той оригинальной боевой обстановке, в которой оказался ген. Желиговский, и на возможном в этих условиях решении использовать полную свободу выбора, которой он 6 июля обладал. Пользуясь правом аналитика, переношу момент принятия решения не в Дуниловичи, а в Мосаж, где ген. Желиговский остановился на отдыхе и, после выхода из лесов, прилегающих к реке Дисне, впервые почувствовал окружавшую его пустоту. Мое предположение не является невозможным; ген. Желиговский с одинаковым успехом мог колебаться в Мосаже и его окрестностях, как и в Дуниловичах. Как там, так и здесь была совершенно аналогичная обстановка, а поход в Дуниловичи

мог его укрепить только в том предположении, что он находится на тылах неприятеля.

Для анализа обстановки я хочу прежде всего указать, что ген. Желиговский не подвергался какому-либо давлению со стороны 4 армии г-на Сергеева, ибо дивизии последнего только вечером 6 июля достигли линии Мосаж—Шарковщизна, при чем, очевидно, только передовыми частями. Следовательно, 6 июля с этой стороны ген. Желиговский безусловно был свободен.

Если бы после большого привала в районе Мосажа, в котором его дивизия безусловно нуждалась, ген. Желиговский решился так около полудня, ударить на яко бы тылы противника в направлении Глубокого, что бы он там застал? От Мосажа до Глубокого было около 20 километров. Следовательно, походное движение с относительно небольшими предосторожностями заняло бы каких-нибудь 5 часов времени. Значит, около 5 часов по полудни он был бы в окрестностях Глубокого. Там он нашел бы небольшую группу конницы — кубанскую бригаду, которая, судя по описанию г-на Сергеева, в то время не отличалась боеспособностью и неохотно ввязывалась в бой. Кроме того, с севера, со стороны Лужки, подходил бы авангард, а то и главная колонна 54 дивизии, так как она шла в походной колонне. Это была бы как раз та самая дивизия, которая еще накануне безрезультатно атаковала ген. Желиговского на его правом фланге около Лужки. Для меня не подлежит никакому сомнению, что ген. Желиговский в этом случае имел бы большие шансы неожиданно захватить эту дивизию на походе и таким образом помешать большому маневру, совершенному в этот день 15 Советской армией. Эта дивизия была правофланговой для 15 армии и, согласно приказам и основной идее г-на Тухачевского, совершила в этот день длинное тридцатикилометровое захождение как правое крыло армии, изменяя свое направление, начиная от Лужки, с западного почти на южное. На схеме г-на Сергеева она показана занимающей 6-го вечером Глубокое на правом фланге всей 15 армии. На основании примечания г-на Сергеева на стр. 59 его труда, имею право допустить, что 15 армия перестраивалась именно в этот день, и было сомнительно, чтобы 6 июля к вечеру ген. Желиговский нашел в окрестностях Глубокого что-либо иное, кроме 54 дивизии. Так, он говорит, что после боя 15 армия сильно сомкнулась для производства дальнейшего маневра, и добавляет: „Начиная от Глубокого, армия имела в первой линии 54, 33 и 11 дивизии; во второй линии были 4 и 16“. Следовательно, если 54 дивизия была фланговой в Глубоком, то 33 и 11 дивизии должны были собираться где-то далее на востоке, в районе железной дороги Полоцк—Молодечно, и не имели бы возможности в течение дня и до самой ночи 6 июля по-

мочь чем-либо 54 дивизии. 16 же дивизия должна была быть еще значительно дальше в тылу и также до ночи не могла повлиять на обстановку.

Я не хочу утверждать, что этим способом ген. Желиговский основательно изменил бы обстановку в нашу пользу, но, несомненно, это должно было вызвать, по крайней мере, потерю половины следующего дня, а быть может и более, для маневра противника.

Генерал Желиговский, убедившись после короткого удара в том, что он находится вовсе не в тылу у противника, мог бы совершенно спокойно отступить в направлении к озеру Мядзиол, к которому он и так подошел на следующий день, т.-е. 7 числа, без всякого нажима со стороны неприятеля. У г-на Сергеева его 18 дивизия подходит к озеру Мядзиол лишь вечером 10 июля. Следовательно, ген. Желиговский для своего отхода имел бы достаточно времени.

Я задержал внимание читателя на этом характерном эпизоде потому, что он чрезвычайно выпукло выявляет обстановку обеих сражавшихся сторон 6 июля, когда бои затихали повсюду. 6 июля является тем днем, когда неприятель, потеряв соприкосновение с нами после неудавшегося Седана, маневрировал для новой перегруппировки своих сил. День этот, если можно так выразиться, был нам словно подарен, что дало время и нам произвести свой маневр.

Итак, первый бой 4, 5 и 6 июля был закончен. Он положил начало новым нашим неудачам на северном фронте, которые спустя полтора месяца окончились нашей победой под Варшавой. А последствия его тяготели над войсками нашей стороны так долго и так сильно, что мы от влияния этого боя смогли освободиться только благодаря чрезвычайным усилиям. Это должно казаться странным, так как бой этот, как я уже указывал, не был собственно решающе-победным для неприятеля. Напротив, его намерение окружить нашу 1 армию и, возможно, уничтожить ее без остатка, не увенчалось вовсе успехом, так как оба фланга (5 и 3 армии) оказались относительно легко задержаны в своем движении, и, однако, факт остается фактом, после этой полупобеды наши войска почти без малейших попыток вступить в бой постоянно отступают, при этом все быстрее, так что в течение месяца откатились к воротам столицы, находившейся почти в 600 километрах позади. Само описание боя и предыдущий мой анализ его не дают достаточного объяснения этому явлению. Весьма незначительной кажется причина в сравнении с ее огромными последствиями, и мысль бессознательно вынуждена искать более глубокого и далекого объяснения. Поищем его сначала у противника.

Г-н Тухачевский над этим сражением останавливался мало. Он трактует его, как один из эпизодов, и, как я уже указы-

вал, и вовсе не вспоминает о своем основном плане, который мне удалось найти в достаточном освещении у г-на Сергеева. Он как будто вполне доволен собою и своими войсками и спокойно заявляет, невзирая на факты, что все его задания армиями были исполнены к указанным срокам. У г-на Сергеева мы находим полное отрицание такого утверждения. О действиях своей 4 армии он так хвалебно не пишет, а в конце своей книжки в приложении поместил свой приказ от 7 июля, в котором выражает своим подчиненным резкое порицание. Характерными являются некоторые отрывки этого приказа: „Комбригом 164 выказано отсутствие инициативы и нерешительность, бригада все 5-е число топчется на одном месте под предлогом неполучения соответствующих указаний от своего комкора и тем задерживает продвижение 53 дивизии, последняя вышла в район Шарковщизны с опозданием на целые сутки и также топталась 5-го июля в одном и том же районе, имея в резерве целых пять полков. По занятии Шарковщизны части 53 дивизии для чего-то направились в район Стуканы—Беляй, т.-е. в тыл 12 дивизии". А несколько далее г-н Сергеев строго добавляет: „Требую, прекратить постоянное опасение за фланги и учитывать моральное состояние противника: совершенно недопустимо, чтобы отдельные роты расстроенного противника, случайно не успевшие во-время удрать, принимались бы за свежие полки под угрозой удара которых задерживалось бы продвижение целых наших дивизий". Так говорит откровенный г-н Сергеев о дне 5 июля, когда наша 8 дивизия, якобы „распыленная", разгромленная" и „уничтоженная", разрушила на севере все седанские намерения.

Что же касается другого, южного фланга, то, по г-ну Тухачевскому, 3 армия заняла 5 июля, как ей было приказано, Докшицы, а 6 числа—Парафианово. Между тем на самом деле сопротивление 1 Литовско-Белорусской дивизии задержало 3 армию настолько, что, как это сообщает г-н Сергеев на странице 52: „в район Парафиново она вышла только 8 июля", т.-е. тогда, когда там могли быть только последние дозоры нашего арьергарда.

Для г-на Тухачевского эти факты не существуют, он убежден, что разгромил и унихтожил противника, и это убеждение вознаграждает его, повидимому, за неудавшийся Седан. Как плохо ориентируется г-н Тухачевский в том, что он и его войска сделали, можно видеть из его приказа, отданного в Смоленске 7 июля в 9 часов 40 минут. Сведения о своем противнике он сообщает кратко в первых словах этого приказа: „Главные силы разгромленного противника отхлынули в Поставском направлении" (прилож. № 10, стр. 122, Сергеев). Между тем мы знаем, что главные силы 1 армии,—увы!—вовсе не пошли в этом естественном направлении, так как

5 июля после полудня они приказом ген. Шептицкого были стянуты в ином совсем направлении, а именно в направлении на Парафианово и Молодечно. На Поставское же направление, выражаясь стилем моего противника, вышли и то случайно, только две дивизии—10 и 8, командующий коих ген. Желиговский, совершенно свободный от какого-либо натиска неприятеля, намеревался спустя некоторое время перейти в наступление против войск г-на Тухачевского.

На основе этих ошибочных сведений о нас г-н Тухачевский приказывает своей самой слабой армии, усиленной, впрочем, кавалерией, преследовать разгромленного и окончательно разбитого противника в направлении на Поставы и Вильно. В то же время он собирает свои главные силы, 15 и 3 армии, в сильно зажатый кулак и двигается с ними к югу от преследующей нас 4 армии для довершения победы, чтобы „уничтожить" и „разгромить" остатки наших сил на этом фронте, нашу 4 армию, стоящую на Березине. Она должна быть атакована с фронта 16 армией и большей частью Мозырской группы, наступающей на Бобруйск и держащей направление на Слуцк; к ее левому флангу уже 6 июля была направлена 3 армия. Наиболее же организованная и сильнейшая 15 армия идет в направлении Молодечно, в виде главного резерва, наподобие старой гвардии Наполеона, чтобы сломить последнее сопротивление, если б таковое еще где либо было оказано.

Когда я думаю обо всех этих действиях и боевой работе нашего противника в течение этих первых дней операций, ведущей к Варшаве, я не могу найти в них ничего такого, что оправдывало бы большое значение этого боя и отсутствие серьезного сопротивления с нашей стороны вплоть до самой Варшавы. Когда я думаю об этих боях, когда их анализирую, я не могу не видеть какого-то странного опасения и недостатка решимости в советских войсках. Несмотря на огромный перевес, какой они имели на флангах, неприятельские дивизии действительно слишком часто „топчутся на месте", не пользуясь ни перевесом своих сил, ни бесспорными тактическими победами. Не думаю, что ошибусь, допуская, что означенная робость, которую г-н Тухачевский приписывал единственно своей 16 армии, а г-н Сергеев, как мы видели, распространял ее после майских проигранных боев и на иные дивизии, особенно 3 и 4 фланговых армий,—что робость эта перед силой противника должна была еще сильнее действовать во время боев в начале июля. Мы увидим, как вскоре советские солдаты научатся пренебрегать нами, как непригодной для боя толпой, но пока, в первых числах июля, робость эта у них еще существует. Даже отборная 15 армия, составленная из самых лучших дивизий, которые до сего времени не скрещивали с нами шпаг, после несомненных успе-

хов 4 июля и в начале дня 5 июля находится в бездействии тогда, когда наши войска отступают. Неужто она чуяла какую-то засаду, как бы ожидая неожиданного, но обычного до сего времени у нас, поляков, маневра? Чувствуется во всем еще сохранившийся наш моральный перевес над противником. На пути топчущихся на месте дивизий стоят еще доселе призраки предыдущих сражений и неудач, так что войска не очень-то, видно, поддаются преувеличенным, почерпнутым из агитационной публицистики, уверениям своих командиров. Итак, у противника мы не находим достаточно глубокого объяснения стратегического значения тактического проигрыша, понесенного нами в дни 4 и 5 июля. Так поищем его у себя.

Раньше я уже говорил, что с нашей стороны командующие во время боя 4 и 5 июля поставили своим подчиненным, как цель, удержание занятого положения, а где таковое было противником нарушено—„восстановление прежнего положения". Последние слова я взял в кавычки, так как они повторяются в телеграммах, рапортах и приказах так часто, что становятся как бы припевом в боевой музыке этих дней. Характерные слова! Представляется, что этот несчастный кусочек земли является каким-то утерянным сокровищем, для возвращения которого нужно напрячь все усилия. Неужто, действительно так думали командующие? Когда я перечитываю неоднократно оценку военного значения этой полосы местности, я нахожу как раз обратное суждение. Каждый командир жалуется в своих реляциях на разные недостатки этой полосы местности. Так, например, один утверждает, что из-за болот на линии фронта было затруднено сообщение вдоль него, в то время как для неприятеля, напротив, высохшие эти болота не являлись достаточным препятствием. Другой утверждает, что вследствие большого количества кустов перед фронтом поле обстрела было очень малое, и неприятель имел возможность легкого подхода. Даже несчастная Аута, именем которой главнокомандующие называют самую битву, дождалась укоризненной оценки одного из них. Ген. Ендржеевский, командующий центральной группой, пишет: „Хотя на первый взгляд (по плану) речка Аута могла еще обнадеживать, как препятствие, на самом деле этот незначительный ручеек не имел ровно никакого оборонительного значения". Один только, кажется, ген. Ледоховский, командовавший 11 дивизией, не отзывается отрицательно об этом потерянном сокровище. Он в реляции кратко указывает, что позиция была хороша и пригодна для обороны. Все же, не исключая и высших командиров, как, напр., командующий 1 армией генерал Желиговский и командующий фронтом генерал Шептицкий, заявляют в один голос, что позиция, на которой происходил бой, была слишком растянута для наших сил и мало снабжена при такой растяну-

тости артиллерией. Следовательно, естественно возникает вопрос, зачем же собственно, как цель почти двухдневных боев, было поставлено „восстановление предыдущего положения"? Если эта позиция не была достаточно хороша, то ведь сравнительно нетрудно было найти иную, хотя бы не самую лучшую, имеющую те или несколько иные недостатки, но на которой так же хорошо, а может быть и лучше, можно было бы сражаться. Зачем нужно было так упорно сопротивляться на столь невыгодной позиции, которую так настойчиво атаковали превосходные силы противника?

Когда говорится о позиции, за которую ведется бой, то это напоминает каждому знающему историю войн так называемую позиционную войну. Позицией мы называем ту или иную полосу земли, которая с точки зрения своего строения дает возможно больше преимуществ обороняющемуся перед атакующим. Из военной истории мы знаем, что в течение некоторого периода военное искусство прилагало большие усилия, чтобы найти на местности такие позиции, на которых войска могли бы безопасно принять бой. Но опыт войны отверг подобные построения, так как обычно неприятель обходит позиции, не соблазняясь их занятием. К тому же, когда любой кусок земли стал укрепляться окопами, позиции в общем много потеряли в своем значении. Но не ради пустого слова „позиция" наши командующие ставили перед войсками задачу возвращения потерянных, хотя и плохих, по их мнению, позиций. Здесь дело шло о другом, и если бы в приказе вместо абстрактного определения „восстановить прежнее положение" было употреблено более материальное выражение—„вернуть потерянную линию окопов",—мы попали бы в точку, так как из-за них собственно и велся только бой. Не позиция, признанная к тому же ничтожной—и отыскать каковую в ином месте было легко,—играла здесь роль, а длинная линия тем или иным способом сооруженных укреплений и околов. Только тогда, когда именно так поймем цель битвы, она приобретет стратегическое значение вместо того, чтобы быть рядом некоординированных ни чем боев **без всякой значительной цели.**

Я умышленно подчеркиваю разницу, какая должна существовать, по моему мнению, между позицией и окопом, между войной позиционной и окопной. Если позиционная война в том виде, как я ее определил, принадлежит уже к давно прошедшему, то окопная война, продолжавшаяся в европейскую войну несколько долгих лет на громадных пространствах, не только стала общеизвестной, так как в ней принимали участие десятки миллионов людей, но успела обработать своими требованиями головы и души людей и создать даже специальный военный язык. В начале европейской войны, в 1914 году, окоп принадлежал исключительно к области

тактики, к методу, каким велись бои. Рядом с карабином каждый солдат нес с собой в бой и лопату, как неотъемлемую часть своего вооружения. И независимо от того, должен ли он был защищаться или итти в наступление, лопата была для него средством боя. И вот, в стремительных движениях и маневрах, которыми открылась великая четырехлетняя война, окоп применялся повсюду—и в наступлении и при обороне, но нигде не определялся как цель больших боев и в область стратегии, определяющей эту цель, никогда не вторгался. Иногда, благодаря своей оборонительной силе, окоп приобретал значение позиции,—этим именем окрестили некогда специальные куски местности, по своей природе имеющие оборонительную ценность; но и после этого окоп был только эпизодическим явлением в схватках огромных миллионных армий, которые до конца 1914 года не хотели отказаться от главного фактора победы—маневра.

Лишь в последующем году, на полях Франции и Бельгии, оба противника остановились в бездействии и безвольи друг против друга, задержанные длинной, беспрерывной линией окопов. Тогда окоп, как неопреодолимое препятствие, устраняя главный до сего времени фактор — маневр и движение, победоносно ворвался из области тактики в стратегию.

Как гордый победитель, он стал жиреть, начал утопать в роскоши и требовать от ведущих войну, как Молох, все новых жертв. Вырастали все новые одна за другой линии окопов, создавались целые лабиринты, попадая куда свежий человек находился точно в новом незнакомом ему городе, где без плана, указателей дорог, названий улиц и постоянных распросов можно было заблудиться. Окоп потребовал жертв из области ежедневных человеческих потребностей. Солдаты устроили себе в окопах жилища, и делались огромные человеческие усилия, чтобы сделать в этом необыкновенном месте удобные помещения, пригодные для работы и отдыха. Для удовлетворения требований нового фетиша войны в его победную колесницу было запряжено все, что имела в своем распоряжении воюющая страна. И вот инженер, а не несчастный пехотинец, применял там свои технические познания, а многочисленные фабрики доставляли огромное количество строительного материала, который поглощался окопом. Точно в большом городе, во всех направлениях шли провода, соединяющие штабы и командиров, склады и магазины, госпитали и конюшни. Окоп-тыл с каждым месяцем все более усиливал свою мощь и все тщательнее и глубже разрушал и уничтожал силу победоносного до того времени движения и маневра. В этой продолжавшейся несколько лет войне из-за окопов выработалась, как это всегда бывает при большой скученности людей, более тесном их сожительстве и при совместных действиях в преследовании единой цели, — осо-

бая психология и у солдат и у командиров,—психология, связанная, во-первых, с военным строительством специального характера, строительством, расходующим массу строительного материала, а затем и с механизацией большой части боевых действий. Сражались тогда с наибольшими усилиями за каждый участочек окопного лабиринта; считалось победой взятие полкилометра этой новой, неизвестной до сего времени преграды. Оплачивались эти победы большими потерями в людях и еще большей потерей драгоценного военного материала. И тогда, в такой именно окопной войне, которая так сильно ограничивает маневр и движение, стратегия стала намечать для боя более скромные цели, чем то было раньше, и тогда „восстановление прежнего положения" стало означать отбитие захваченных неприятелем окопов, как утерянного сокровища.

Война в прежнем значении этого слова, казалось, исчезала, и долго все попытки и усилия выдающихся умов ввести с триумфов прежнего победителя обратно в стратегию оказались бесплодными. Великий, мировой полководец, великим гением сломивший некогда линейную стратегию и стратегию неприступных позиций,—великий Наполеон не раз должен был перевернуться в гробу, видя упадок и забвение своих поучений и своих блестящих подвигов. В то время как он гордо заявлял, что много войн выиграл, благодаря ногам солдата, благодаря его подвижности и молниеносному маневрированию,—здесь война до очевидности вырождалась в бесплодные усилия всяких ремесл и индустрии, напрягающих свои руки для доставки громадного материала, необходимого для ведения подобного рода борьбы. Сломить волю противника рассчитывали изнурением, беспрестанным убийством, выкачиванием сил кустарной и фабричной промышленности.

Главной основой окопной войны является, следовательно, сооружение столь сильного препятствия движению неприятеля, что только при помощи огромной затраты сил и людских жизней, а также боевых материалов, продвижение это может стать возможным. Всякая же попытка такого продвижения должна быть наказана такими же потерями, и бой приобретает характер доказательства осмелившемуся атаковать, что все его попытки напрасны. Только таким путем окоп, со всей его сложной техникой и с переменой, вызванной ею в душах солдат и их командиров, покинувши тактические низы, становится частью военной стратегии.

Когда, так понимая окопную войну, я стараюсь проанализировать нашу польско-советскую войну, я всегда, как в своих воспоминаниях, так и в документах нахожу в нашей армии внутреннее трение в отношении именно этого вопроса. В то время как я, как главнокомандующий, сразу отказался от попытки ведения окопной войны, не видя даже возможности

применения ее метода у нас, я всегда встречал, как среди своих подчиненных, так и в обществе, поклонение принципу „Faites une ligne forte“ [1]). Будучи под сильным, свежим впечатлением только что закончившейся войны в Европе, люди— увы! слишком часто хотели видеть в моих попытках введения в нашей войне метода движения и маневра недоразвитие стратегической мысли, отказывающейся от всей красы и могущества недавнего господина стратегии—жирного и откормленного окопа. Окоп же у нас, собственно говоря, мог быть лишь очень худым и весьма убогим. Он не мог получать у нас так много пищи, чтобы получить необходимую стратегическую тучность, ни при содействии промышленности, которой не было, ни при помощи людского напряжения для достаточного заселения окопа и поддержания его надлежащей тучности и значения. До 1920 года мое влияние имело перевес настолько, что окоп возвращался в свою область, в область тактики и метода боя, а постоянные наши боевые успехи, казалось, подтверждали правильность моего взгляда. Однако окоп неохотно уступал свой трон. Он мстил, искал реванша, оставляя заместительницей неразлучную свою сестру линию, постоянно враждующую с введенным мною движением и маневром. Он мстил, оставляя вокруг меня и особенно за моей спиной пожимание плечами, недовольный шопот и тихие скорбные жалобы на престарелые детски-романтические стратегические идеи главнокомандующего. Faites une ligne forte! [2]). Вот современная война, вот спасение Польши! Сколько укромных уголков истории, связанных с этой контроверсией, я мог бы осветить!

Возвращаясь к анализу июльских боев, отмечаю, что цель, которую преследовали наши командиры в боях 4 и 5 июля, коренилась исключительно в их окопной психологии и стратегии. Целью согласно этой стратегии было—доказать атаковавшему нас противнику, что окоп, нами сооруженный, непреодолим и что если он вступит в него своей ногой, то будет наказан за это святотатство. Когда же я просматриваю документы, приказы, рапорты и реляции, то нахожу в них понятные для меня доказательства того, что период, предшествовавший битве, был периодом реванша со стороны господина стратегии—окопа по отношению к главнокомандующему.

Вот один из документов, полный определений и понятий, понятных только при ведении окопной войны в самом узком значении этого слова. Я говорю об оборонительном плане участка 1 армии. Генерал Жигадлович получил от командующего фронтом приказ, гласивший, что „ныне занятая 1 армией линия является *основной оборонительной линией* [2]), с укрепле-

[1]) Образуйте укрепленную линию.
[2]) Курсив автора.

нием которой надо всячески поспешить". Оборонительный план ген. Жигадловича состоял в следующем:

„Каждая оперативная группа должна построить на своем участке укрепленную оборонительную линию и удерживать свой участок, совместно с артиллерией и с помощью своих резервов, подготовленных для отражения *всяких* неприятельских *атак*. *Автоматическое* [1]) взаимодействие артиллерии и резервов с гарнизоном первой оборонительной линии согласно *известных принципов*, изложенных для общего сведения в приказе № 2226 111 от 1 VII". Далее читаем: „В случае прорыва фронта должен, как правило, вступить в дело соответствующий резерв, *заранее для этого участка* [1]) предназначенный" — однако, по приказу командующего армией. Для крепости в конце плана добавляется: „*Оперативные резервы* [1]) находятся настолько близко, что могут в течение 5—6 часов вступить в бой на любом пункте отведенного им участка фронта".

Когда теперь я читаю неизвестный мне в то время документ об „основной оборонительной линии" и „автоматическом взаимодействии пехоты с артиллерией", я с удивлением думаю, неужели это действительно было? Неужели не было каких-либо сомнений, какой-либо самокритики по отношению к таким приказам? Конечно, были. Вот другой документ того же ген. Жигадловича, оценивающий его положение перед самым боем 3 июля. Пишет он, точно профессор: „Как вытекает из опыта мировой войны, вышеозначенное занятие боевой линии пехотой было в общем довольно плотное, поскольку боевая линия *построена* как по *линии*, так и в глубину и имеет соответствующие *проволочные заграждения* [1])". Однако, генерал присовокупляет, что „ширина дивизионного участка в мировой войне на фронтах, угрожаемых атакой, не превышала 3 000—4 000 метров," тогда как у нас „ширина дивизионных участков 1 армии, превышавшая десять километров, не давала возможности выделить требуемое количество резервов и расположить их достаточно глубоко".

Хуже обстояло дело с артиллерией, потому что „для поддержки угрожаемого фронта, согласно опыта мировой войны, на 150 метров фронта должно иметь минимум 2 легких и 1 среднее орудие". По подсчету же генерала, на его армию „следовало бы иметь, как минимум, 880 легких полевых орудий и 440 орудий 15-см". Между тем,—горестно жалуется генерал,—на его боевом фронте находилось всего около 100 легких и 45 средних орудий. Далее же, после вышеприведенного приказа об автоматическом взаимодействии артиллерии с пехотой, генерал, изложив цифровые данные, при своей оценке добавляет: „Хотя наше материальное положение и не позволяло в достаточной мере удовлетворить вышеуказанные по-

[1]) Курсив автора.

требности, тем не менее эти данные иллюстрируют, как слабо был обеспечен фронт артиллерией, и что на действительную поддержку пехоты в критические моменты огнем артиллерии, как в форме автоматического заградительного огня, так и сосредоточенного противоштурмового огня, можно было рассчитывать единственно в случае местных атак, захватывающих только часть фронта".

Хуже всего, однако, обстоит дело с любимым детищем окопов, неотделимым его опекуном, колючей проволокой. Поэтому-то генерал жалуется „на плачевное положение с транспортом". С трудом он получил пять вагонов колючей проволоки для 1 Литовско-Белорусской дивизии, доставленных из Молодечно в Парфианово, и только 13 вагонов едва удалось продвинуть до станции Подсвилье, а ведь—плачется генерал, — количество этой проволоки было недостаточно даже для сооружения одного только ряда заграждения вдоль фронта! И в бедной, озабоченной голове генерала рождались вероятно, золотые сны о том, как к угрожаемым участкам занятого им фронта бегут специально построенные жел. дороги и узколейки, везущие подношения его господину—окопу, сотни вагонов проволоки, сотни вагонов, наполненных бревнами, сотни со строительными материалами, лесом, железом и как на огромном пространстве, покрытом телефонными проводами, идет спор о скорейшей доставке рулонов толя для покрытия крыш солдатских жилищ. Ввиду всего этого генерал полагает, что в июле 1920 года армия очутилась „перед задачей, выполнение которой требовало сверх-человеческих сил", и что „элементарной волне" нельзя было поставить преграды.

Это, однако, не мешает отдаче приказов и их исполнению вразрез со столь правильно оцененным положением. Более того, вот цитирую приказ генерала Ржендковского, командующего группой. Приказ от 30 июня. Пункт 1 гласит: „в приложении пересылаются: а) схема системы оборонительной линии в районе 1 и 4 армий, утвержденная командующим фронтом ген. Шептицким; б) схема системы оборонительной линии на участке 1 армии, разработанная командованием той же армии на основе предыдущего плана". Обращается внимание, что спроектированная 11 дивизией *„I линия 2 позиции* [1])" согласуется с I линией фронтового командования и 1 армии и должна рассматриваться, как таковая. Там должны быть „плацдармы, или опорные узлы, так называемые большие или меньшие комплексы опорных пунктов в тактических важнейших местах, а также отдельные пункты сопротивления между этими узлами на менее важных тактических пунктах. Удаленность узлов, считаясь с тактической

[1]) Курсив автора

необходимостью, следует рассчитать так, чтобы между двумя соседними узлами была огневая связь, а резервы, расположенные позади, могли во-время подоспеть (вероятно, автоматически—примечание мое) в промежутки между узлами и парализовать вторжение неприятеля. Расстояние между опорными пунктами должно быть таким, чтобы они могли взаимно поддерживать друг друга ружейным огнем (фланговым). В соответствии с вышеизложенным и в зависимости от местных условий следует дополнить число опорных пунктов". Присланная для выполнения схема, которую я сейчас вижу впервые, представляет укрепленное пространство глубиною около 50 километров!! Множество малых и больших звезд и звездочек. обозначающих „плацдармы" и „оборонительные узлы", украшают план генерала Шептицкого, и все они соединены беспрерывным окопом. И это должно быть выполнено! Этим должны были занять свою мысль и командиры и солдаты, в то время как, мы это видели, для занятия линий недостаточно пехоты, совершенно не хватает артиллерии, а необходимого для укреплений материала — проволоки — не хватает даже для проведения одного ряда заграждений перед первой линией. Однако, этот проект имел только историческое значение, и, кажется, только из-за невыполнения этого проекта командующий фронтом счел себя побитым и не стал далее удерживать „элементарной волны" иными способами.

Не стану цитировать многих иных документов, свидетельствующих о незаслуженном возвеличении системы окопной войны в этот период на нашем фронте. Остановлюсь на одном из них, который касается действий артиллерии, автоматизированной, согласно приказу, для взаимодействия с пехотой. Передо мною лежит схема такой работы 3 дивизиона 1 артиллерийского полка Литовско-Белорусской дивизии. Сколько воспоминаний будит во мне эта схема! Это 1916 год во всей своей красе! Сколько таких схем должен был в те времена просматривать каждый из командиров, сколько офицеров было занято в штабах обработкой, проверкой и исправлением таких именно схем. На лежащей предо мною схеме имеется почти все, что требует рай окопной войны. Цифры, буквы, разные цвета карандашей, длинные стрелки, обозначающие направление огня, и, наконец, столь характерный план механического заградительного огня с примечанием о заранее уже определенном расходе снарядов. Предусмотрено все, и минуты, в течение которых должен продолжаться огонь, и скорость этого огня. Отмечу, что бережливость в отношении расхода снарядов весьма заметна, так, например, 7 батарея должна стрелять только в течение 2 минут и то делая по 3 выстрела в минуту на орудие, и, следовательно, в сумме для того, чтобы задержать неприятельскую дивизию, 7 батарее разрешается сделать 24 выстрела!! Даж-

лошадь посмеялась бы над таким заградительным огнем!! А если к этому прибавить, что эти несчастные 12 орудий дивизиона должны покрыть заградительным огнем 9 километров фронтового предполья, где по „опыту мировой войны" должно было стоять. минимум, 120 легких орудий при соответствующем количестве средних (последних на участке не было ни одного, а о тяжелых не могло быть даже и речи), надеюсь, читатель просит мне мое солдатское возмущение! Когда подумаю о солдате. который в предсмертном страхе шел на неприятельский окоп в действительной окопной войне под ураганом снарядов, сыпавшихся на него из сотен и сотен орудийных жерл, и когда вспомню серые, землистые лица своих солдат после однодневного, а не двухминутного пребывания в окопах. в пекле действительного огня,—я не могу без горечи думать об этих издевательствах над солдатом и офицером, которые вынуждены были терять время на глупое подражание несчастной лягушке, протягивающей свою лапку, чтоб ее подковали. Окоп, окоп, великий фетиш, победивший величайшие умы и сильнейшие характеры, остерегайся своих маленьких приятелей, так как, согласно поговорке, они погубят тебя и выставят на смех!!

Поэтому-то из всех документов, которые я просмотрел, мне более всего понравилась реляция ген. Ендржеевского, который, жалуясь на „жалкий ручеек"—Ауту, на недостаточность укрепления позиций и недостаток колючей проволоки, заявляет, что. „нужно было заблаговременно выработать обстоятельный план отхода, не подвергая части напрасным потерям", давая им возможность помериться с неприятельскими силами на *выгодных для нас позициях* [1]), а не принуждать наши части сражаться на первой линии, напрасно расходуя людской материал без надежды на успех". А ведь окопный рай существовал! Где-то в тылу сверкала „немецкая оборонительная линия времен мировой войны; линия эта представляла отличную позицию с неисчислимыми проволочными заграждениями", из которых даже днем трудно было выбраться. Ну, разве это не рай! Даже при ясном солнышке можно заблудиться в проволоке!

Эта странная, непонятная для меня тоска по окопной войне у наших командиров должна была повлечь за собою иные грозные последствия. Окоп, врываясь победно в стратегию, должен был стать собственностью, если можно так выразиться. тех командиров, служебной привилегией которых была стратегическая работа, работа высшего командования. А тактика театра войны, как некоторые называют стратегию, ревниво стережет свои привилегии, ограничивая низшую тактику, тактику поля битвы, в свободном применении

[1]) Курсив автора.

ею объектов своего внимания. Поэтому всегда можно ожидать, что применение окопа, определение его силы, направления, расчет затраченнаго на его изготовление труда будут больше зависеть от высших командиров, чем от низших и солдат. Чем более лопата становится стратегическим оружием, тем менее без приказа будет применять ее солдат и младший офицер. Следовательно, в наших условиях, где немыслимо было думать о развитии окопной войны, как тактике театра войны, всякие попытки в этом направлении должны были внушить нашему солдату и офицеру, что он слабее своего противника и хуже его вооружен, поскольку высшее командование брало его лопату в свое распоряжение.

Для окопной психологии командиров чрезвычайно характерным является случай с 17-й нашей дивизией, стоявшей, как мы знаем, в резерве; находясь в распоряжении командующего фронтом, она не принимала участия в автоматическом сотрудничестве ни с артиллерией, ни с пехотой. С первого же момента боя, когда известия об отступлении нашей 11-й дивизии пришли в Вилейку, а затем в Минск, где находился штаб командующего фронтом, начались переговоры между двумя высшими командованиями об использовании в бою этой дивизии.

Переговоры тянулись некоторое время, так как в таких случаях сталкиваются обыкновенно разные мнения, которые нужно согласовать, но здесь дело шло не об основном, не о времени, а лишь о методе и способе использования сил 17-й дивизии. Тем временем боевая обстановка изменялась, и это медленно проникало в сознание командующих. Генерал Ендржеевский оказался в значительно более тяжелом положении, чем наша 11-я дивизия, которая задержалась после первоначального отступления. Понадобились поэтому новые совещания и снова о методе боевой работы резерва. Наконец, командующий фронтом уступает дивизию, но с *тем* [1]), что она будет использована в полном своем составе, соберется в Мазневе и Колене и будет атаковать в северном направлении. Естественно, эта картина, которая была увековечена в переговорах между Минском и Вилейкой при помощи аппарата Юза, давно уже осуждена даже военным искусством среднего уровня. Обыкновенно нельзя управлять мельчайшими перипетиями боя, будучи в нескольких стах километров от поля, где скрещиваются боевые мечи, но это вполне допустимо и естественно в окопной войне. В ней телефонная сеть и пути сообщения проникают далеко, сооружения, в которые вложена масса разного материала и человеческих усилий, создают условия, при которых командир может быть в курсе мельчайших обстоятельств боя. В этих условиях такое дири-

[1]) Курсив автора.

жирование бывает часто даже необходимо, так как всегда существует опасение, что механизированная, по необходимости автоматически действующая часть боевых функций войск может пострадать и не раз явится причиной неуспеха, который трудно исправить. Но там, где командующий с трудом проталкивает несколько вагонов колючей проволоки, там, где известия с поля боя доходят только в общей, часто неясной и трудно проверяемой форме,—командование батальонами за несколько сот километров является весьма ярким злоупотреблением тактикой театра войны за счет тактики поля боя. 17 дивизия, как устанавливает это ген. Ендржеевский, вступила в дело только пополудни с опозданием, как пишет этот генерал, на 5--8 часов. Но зато место сосредоточения 17 дивизии, Мазнево—Колено, дает как раз 4 километра фронта, что является, согласно „опыта мировой войны". надлежащим участком для дивизии на „угрожаемом" фронте!!

Если я так долго задержался на рассуждениях, связанных с окопной войной и ее системой, то только потому, что эта была единственная, кажется, с нашей стороны попытка в минувшей войне, наперекор моим—главнокомандующего—взглядам, попробовать настоящей, якобы, войны, войны европейской. Проба не удалась. В первых числах июля она была скомпрометирована. Но благодаря ей легко вообще переносимое тактическое поражение превратилось в проигранное стратегическое сражение, последствия которого шли очень далеко. Это не пустые слова. Эта самая 1 армия еще недавно, в мае месяце, легко отступила перед превосходными силами противника, а когда прибыли далекие, стоявшие не в 5—6 километрах, о чем с гордостью говорил ген. Жигадлович, резервы,—она так же легко перешла вместе с ними в контратаку, не обнаруживая при этом никаких следов понесенного поражения, не считая себя обессиленной. Теперь же во имя призраков окопной войны, не имея никаких средств для ведения боя по этой системе, мы втянули все силы в бой с истинно окопной целью овладения „прежним положением", как единственно достойной целью усилий солдата. Солдат под таким командованием должен был заслужить шпоры европейского рыцаря, а не польского оборванца, не понимающего хорошо, что делает. Ведь он рыл окопы по схемам самых высших командиров, и до его ушей неминуемо доходили споры о том, где собственно первая линия второй позиции и где вторая линия первой позиции, где находятся заградительные, а где основные линии. Бедному солдату тем труднее было разгадать это громадное окопное искусство, что все эти участки, оборонительные узлы, заградительные и номерованные линии и позиции были чаще всего чрезвычайно похожи друг на друга, точно близнецы, т. е. существовали они только на бумаге или же были обо-

значены на местности какими-то ничтожными обсыпающимися рвами. Когда же все эти чудачества пришлось оставить и все усилия солдата, направленные для восстановления столь. повидимому, важного для высших командиров прежнего положения, оказались напрасны, — солдат, как обычно в таких случаях, стал перед вопросом: или он вместе со своими усилиями негоден и бессилен, и европейские шпоры не для него, или его командиры не знают, что делают. Это было таким моральным потрясением для солдата, что его исправить было не легко. Отсюда-то и происходит то неоспоримое громадное влияние боя на „жалком ручейке"—Ауте, боя, который, будучи для неприятеля, ввиду его широких планов, лишь полубедой, для нас оказался не тактической неудачей, а крупным стратегическим поражением.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Действия сторон между 6 и 14 июля

Бой нашей 1 армии с тремя армиями г-на Тухачевского закончился, собственно, 5 июня. Победоносные дивизии не перешли в немедленное преследование. Конница, которая в подобных случаях является весьма деятельной и полезной, следуя на крайнем правом фланге, шла, собственно, впустую, не имея перед собою противника, а половина ее — целая дивизия — была задержана для наблюдения за нашими соседями и недавними союзниками — латышами. Как бы для преследования, в центр была брошена отдельная кавказская кавалерийская бригада, которая, миновав 6 июля Глубокое, медленно продвигалась к западу. О действиях этой конницы наши донесения ничего не говорят. Зато много рассказывает г-н Сергеев. Действия эти ни в коем случае нельзя назвать преследованием; в то же время, судя по словам г-на Сергеева, бригада эта довольно старательно избегала какой-либо связи со своими войсками. Приказом г-на Тухачевского от 7 июля бригада эта была предназначена для ведения преследования в западном направлении, указанном для всей 4 армии, находившейся под командованием г-на Сергеева. Много забот имел командующий армией по отысканию действительного местонахождения этой бригады; он определенно утверждает, что 15 армия, которой подчинялась эта бригада, не могла ему указать ни ее месторасположения, ни способов ее отыскания. Поэтому нет ничего удивительного, что г-н Тухачевский так ошибается, когда утверждает в своем приказе от 7 июля, что главные польские силы отошли в западном направлении на Поставы. Отсутствие преследования и отсутствие ясной картины обстановки после неоспоримой победы, которую к тому же г-н Тухачевский сильно преувеличивает публицистическими определениями, представляет собой весьма характерное явление войны. Я не хочу быть злостным, однако, это мне сильно напоминает положение немецкой армии в 1870 году, когда после беспорядочной, случайной, происшедший без всякого руководства и вопреки намерениям главного командования, но все же победоносной битвы под Спихерн армия эта начала действовать впустую, натыкаясь по-

стоянно на неожиданности, которые ей дорого стоили, как, например, очередной бой под Вионвилем. Бой 4 и 5 июля не был Сихерном, так как здесь, несомненно, было руководство как с одной, так и с другой стороны, и я не хочу делать по отношению к г-ну Тухачевскому столь злостного намека, однако, несомненно, уже 5 июля армии г-на Тухачевского отказались от преследования, потеряли соприкосновение с противником и могли подвергнуться всяким неожиданностям.

Откуда, однако, берется этот недостаток неподвижности, столь естественный и столь неизбежный на войне? Одну из причин я уже пытался проанализировать: это характерное топтание на месте разных дивизий. Мы видим это и в способе преследования кавалерийской бригадой. Это разрушило седанские замыслы, давая г-ну Тухачевскому только полупобеду; это свидетельствует также об известной боязни перед противником. Но, кроме того, были, несомненно, известные недостатки и в командовании. Не хочу, ибо без данных и материалов не могу, разбирать, где именно сказались эти недостатки. Это трудно установить, не имея в своем распоряжении донесений, которые 5 числа поступали к г-ну Тухачевскому. Однако, является фактом, что в то время, как еще в ночь с 5-го на 6-е г-н Тухачевский двигает свою 4 армию в седанском направлении прямо на юг, уже 6-го, как он сам пишет, отказываясь от седанских замыслов, он перестает толкать 3 армию—южный фланг—в седанском направлении на запад и на север. Эта 3 армия уже 6 числа получает задание поддержать еще более южную 16 армию движением на Минск, т.-е. почти прямо на юг. Наши донесения устанавливают, что именно в этот день лево-фланговая дивизия нашей 4 армии (15), подготовляясь к отступлению, прикрывалась слабыми постами вдоль реки Пони, в то время как 1 Литовско-Белорусская дивизия уже отошла на юг от Докшиц. Наши донесения отмечают также слабое соприкосновение с неприятельскими патрулями.

Что же, однако, делала избранница, наиболее снабженная 15 армия? Она была направлена явно на запад, в наступлении 4 числа продвинулась на расстояние от 4 до 10 километров и, как мы знаем, остановилась вовсе не добившись 5 июля крупных успехов. Она отказалась от какого-либо преследования, передав его слабой кавалерийской бригаде. 6-го же числа мы видим движение самой северной правофланговой 54 дивизии, которая резко меняет направление с западного на юго-западное,—таково направление движения из Лужков на Глубокое [1]). Получила ли и 15 армия 6 числа приказ отказаться от Седана и изменить направление движе-

[1]) См. схему № 5.

ния,—г-н Тухачевский не пишет. Это выявляется только в приказе от 7 июля, отданном в Смоленске в 9 часов 40 минут утра. У г-на Сергеева этот приказ приведен целиком. Г-н Тухачевский изменяет направление 4 армии с южного на западное, 15-й с западного на юго-западное, на Молодечно; что касается 3 армии, то ей приказано дальнейшее выполнение поставленной задачи, т.-е. движение на Минск.

По всем этим данным необычайно трудно определить, когда г-н Тухачевский отказался от идеи Седана, и какое влияние оказало на него топтание на месте всех его армий 5 числа. Я склонен предположить, что в далеком Смоленске донесения, проходящие через призму командующих армиями, должны были быть в течение этих двух дней боя весьма противоречивыми, и у г-на Тухачевского в душе должны были возникнуть сомнения, которые выявились в отсутствии нажима на своих подчиненных и в постепенном отказе от идей Седана. В этом сомнении звучало эхо идей недавнего прошлого, воображаемого географически-геометрического узла, связанного со Смоленскими воротами и с захождением армий правым плечом на 90° в новом направлении. Вследствие этого сомнения и вследствие работы вокруг воображаемого узла мы видим отказ от преследования, видим потерю соприкосновения с противником и медленное топтание на месте огромного большинства войск г-на Тухачевского, полусонно вращающихся вокруг какой-то воображаемой оси. Благодаря этому танцу гномов вокруг воображаемого узла г-на Тухачевского, наши войска благополучно вышли из тяжелого положения, несмотря на то, что приказ генерала Шептицкого заставлял их отходить в неестественном и, скажем, ненужном направлении. Благодаря этому единственно только ген. Желиговский,—а не большинство наших сил, как того хочет г-н Тухачевский, — совершенно незатронутый поражением и разгромом, представлял для г-на Тухачевского „смятые" и „разгромленные" остатки армии, бегущие на запад в „Поставском направлении". Силы командования в этом первом бою „похода на Варшаву" я не могу усмотреть. Войска г-на Тухачевского чересчур часто топтались на месте, опасаясь „разгромленного" противника, а их командующий колебался между Седаном, которого войска не делали, и между „тараном", которого опять-таки не сделал сам г-н Тухачевский. В середине же боя, когда Седан разорвался, и сам командующий прерывает бой и преследование, переходя к таранам и геометрическим поворотам и оставляя противнику свободу действий.

Противник уже 5 числа ищет свободы действий. Приказ ген. Шептицкого, отданный перед полуднем того же дня, предписывает всей сражавшейся до сих пор армии оторваться от противника именно для того, чтобы получить эту свободу действий. Целью этого, как гласит первый пункт приказа,

является „создание путем перегруппировки новой *линии* с целью перехода в контр-наступление". Я не знаю, достаточно ли разъяснил командующий фронтом свою мысль командующим армиями, но приказ нашей 1 армии, повторяя, впрочем, в первом пункте директиву командующего фронтом о переходе в контр-наступление, в пункте пятом предписывает занять „новую *оборонительную линию*". Итак, контр-наступлением должно явиться занятие оборонительной линии; а в одном из последних пунктов ясно предписано „оборонительную линию усилить технически". Несомненно, сама формулировка этих приказов должна вызвать в сознании подчиненных впечатление противоречия. Противоречие еще более усиливается и еще более кажется странным, если обозначить на карте новую контр-наступленно-оборонительную линию. Начинается она в Небышине на реке Понии, а кончается далеко на севере, на тракте от Тарковщизны к Свенцянам, в Козянах. Протяжение этого контр-наступления, или оборонительной, технически укрепленной позиции достигает приблизительно 100 километров, т.-е. ровно столько, сколько занимала за два дня перед этим наша 1 армия на оборонительной линии на „маленьком ручье Ауте". А когда мы вспомним, какой вид имело техническое укрепление этой позиции и сколько она вызвала жалоб по поводу недостатка укреплений, когда вспомним, как печально кончилось испытание оборонительной позиции в бою 4 и 5 июля,—то поймем, какой горькой иронией для войск, читающих этот приказ, должно было звучать желание командующего армией, выраженное в том же пятом пункте словами: „удержание этой линии является обязательным". Таким образом, участки „оборонительной линии" совсем уж не соответствуют „опыту мировой войны".

Участки эти, однако, имеют еще одну характерную особенность. В то время как две северные дивизии, 8-я и 10-я, должны занять участок новой оборонительной линии протяжением в 55 километров (8-я—30, 10-я—25), три южные дивизии (17-я, 11-я и 1-я Литовско-Белорусская) имеют значительно меньшие участки, не превышающие в среднем 15 километров, т.-е. занятые с такой плотностью, какая была в бою 4 и 5 июля. Это, вероятно, было сделано не без цели, и хотя мне кажется сомнительным, чтобы относительное сгущение сил на юге вызывалось намерениями командующего фронтом перейти в какое-либо контр-наступление, однако, следует проанализировать, почему именно было произведено это уплотнение войск на юге и рассредоточение на севере. Я должен тем более это сделать, что именно такое стратегическое расположение 1 армии является следствием вышеупомянутого дефилирования всего нашего центра в бою 4 и 5 июля, дефилирования, которое, действительно, обрекало наши войска на „разгром" и „распыление". Судя по приказу ген. Шепти-

цкого, можно было предполагать, что он имеет за своим левым флангом где-то стоящую в бездействии 7 армию. По крайней мере, второй и третий пункт приказа уделяют относительно много внимания этой соседней „армии". Привожу эти пункты дословно. Второй пункт гласит: „7 армия получила от главного командования приказ оттянуть части, стоящие на севере, в район Свенцяны"; в третьем пункте мы читаем: „Тракты Дунеловиче—Поставы—Годуцишки, а также Шарковщизна—Козяны-Тверец (оба тракта ведут в Вильно. — *Примечание автора)* командование 1 армии займет соответствующими частями группы ген. Желиговского или 8 пехотной дивизии, чтобы дать возможность командованию 7 армии передвинуть находящиеся еще в его распоряжении части и, в случае надобности, произвести эвакуацию Вильно".

Для выяснения характера этой загадочной 7 армии я должен заметить, что, несмотря на столь громкое название, она состояла только из одной формирующейся еще, так называемой Литовско-Белорусской дивизии. Дивизия эта насчитывала в своем составе 2700 штыков и была использована для наблюдения и охраны нашей тогдашней демаркационной линии между нами и Литвой на протяжении более ста километров, что означает, что самый сбор разбросанных на большом пространстве постов должен был занять добрых несколько дней. Громкое же название являлось пережитком, сохранившимся еще с тех пор, когда количество входивших в состав ее войск было гораздо больше. Неясная, следовательно, формулировка приказа ген. Шептицкого, чуть ли не заранее подсказывающая эвакуацию важнейшего политического центра—Вильно, уполномочивала, по моему мнению, командующего 1 армией на рассредоточение своих сил на северном участке, ибо его непосредственный начальник, очевидно, не желал заботиться о последнем. Не мог же командующий 1 армией ни на минуту предполагать, что ген. Шептицкий оценивает боевое значение „7 армии" выше, чем оно было на самом деле. Я не хочу анализировать влияния этого решения, ибо вообще избегаю в данном своем труде, так называемых мною, „нескромных уголков истории". Отмечаю только факт, необходимый для понимания операции с нашей стороны, что приказ ген. Шептицкого от 5 июля, после проигранного нами в тактическом отношении боя 4 и 5 июля, расположил отступающую после боя нашу 4 армию неестественным и не отвечающим обстановке образом, так что она должна была иметь более сильный правый фланг, тесно связанный с левым флангом нашей 4 армии, как будто эта армия (куда, кстати, уже спешил приказ о ее отступлении), не подпавшая еще до сих пор под угрозу, должна была получить поддержку со стороны уже затронутой поражением 1 армии. Эта поддержка была оказана за счет северного фланга, при-

крывающего западное направление, которое вело к главному политическому центру области—Вильно. Приказ этот тяжело отразился не только на судьбе Вильно, но, как мы увидим из дальнейшего анализа, и на судьбе всего фронта, возглавляемого ген. Шептицким. Этот злополучный приказ ген. Шептицкого, стягивающий на левый фланг нашей 4 армии огромное большинство сил нашей 1 армии, мог бы быть еще связан с первым пунктом приказа, который гласит о перегруппировке для перехода в контр-наступление. Но в этом случае приказ сильно запоздал бы. Контр-наступление 4 армии было бы своевременно 4 и 5 июля, когда ее активная помощь соседней армии, находящейся в тяжелом бою с превосходными силами противника, могла бы, безусловно, сильно повлиять на положение вещей. Однако, тогда 4 армия в соответствии с методами окопного мышления пассивно стояла, присматриваясь к боям на севере, и, пожалуй, единственное движение, которое она совершила, было, выражаясь позиционным языком, создание заградительной позиции над новым мелким ручьем — Поннен. Эту пассивность можно также заметить и в совершенно ненужной потере времени, так как 4 армия начала отступление только 7 июля. Я не хочу анализировать поводов и причин этого опоздания, так как в истории этот день или два не сыграли, по моему мнению, стратегической роли по сравнению с громадностью военных событий, которые разыгрались позже. Я отмечаю этот факт только потому, что если, как указывалось мною выше, г-н Тухачевский подарил нам день 6, а может быть, и 7 июля, производя свои маневры впустую, то мы, говоря о контр-наступлении, а в действительности придерживаясь тактики пассивного сопротивления, не только не использовывали этих дней, но вернули их сполна г-ну Тухачевскому. При этом добавлю, что приказ об отступлении 4 армии был отправлен из Варшавы 6 июля.

Так или иначе, отступление в западном направлении как 4, так и 1 армии с 7 июля было в полном разгаре. Отступление 1 армии происходило в большинстве случаев без всякого контакта с противником или с весьма незначительными стычками патрулей. 4 армия имела некоторые затруднения в первые два дня отступления, впоследствии, однако, она уже отступала без значительных препятствий, постепенно отрываясь от противника. Для огромного большинства своих войск ген. Шептицкий поставил в виде стратегической цели отступление на длинную линию немецких окопов. Эти-то окопы до самого южного берега Свирского озера должны были занять дивизия возле дивизии, и только две дивизии, 8-я и 2-я Литовско-Белорусская, остались вне этих окопов.

Что же касается самого метода отступления, как стратегической операции, то я должен отметить, что одинаково

как в 1, так и в 4 наших армиях держались, к сожалению, с таким упрямством за линейную систему, по крайней мере в приказах, что наши воиска должны были совершить это отступление с большим трудом и тяготами. Система в 1 армии несколько отличалась от системы в 4-й. Прежде всего, в 1 армии отступление по приказу было намечено совершенно схематично, в то время как в 4 армии, находившейся уже под командованием ген. Скерского, мы наблюдаем попытки избежать схематичности и несколько считаться с обстановкой отдельных частей. Признаюсь, что эта сухая схематичность приказов является прямо-таки ужасающей. Читающему приказы кажется, что как будто командующий действовал в каком-то пустом пространстве и передвигал по карте бездушные пешки. Для относительно благоприятно складывающегося отступления 1 армии распорядились устроить на пути к „окончательной оборонительной линии" целых три промежуточных „оборонительных линии". Что, собственно, означали эти „оборонительные линии", вероятно, не знал и сам автор приказа, но можно быть уверенным, что войска горько чувствовали эту невозможную для выполнения систему. Ведь это в самом деле издевательство над солдатом, если он имеет основание полагать, что командующий требует от него устройства оборонительной линии протяжением свыше 100 километров только для того, чтобы почти тотчас ее покинуть и опять двигаться к подобной же бесплодной работе. Кроме того, само понятие *оборонительной линии* заставляет, поскольку приказ выполняется, отступать чуть ли не патрулями, растянутыми на огромном пространстве, проделывая этот удивительный маневр под угрозой подхода противника, которому несколько дней тому назад не смогли противостоять в открытом бою. Я уверен, что огромная часть войск не выполняла этого приказа, и, возможно, только немногие несчастные падали жертвой „Молоха оборонительных линий", этого суррогата великого господина окопной стратегии. При чтении позднейших донесений, которые изображали состояние 1 армии в отрицательном виде, следует определенно учесть то, что эта армия после полупобеды противника 4 и 5 июля могла быть добита той безнадежной работой, на которую ее обрекали оперативные приказы.

В 4 армии мы также имеем проклятые оборонительные линии, к тому же еще с разделением на фазы. В первой фазе их имеется целых три. Та самая оценка, которую я дал в отношении „оборонительной линии" для 1 армии, целиком относится и к 4. Те же самые, почти невыполнимые приказы, почти те же самые слова с необходимыми дополнениями, вызванными соприкосновением с противником. И только 11 числа новый приказ вносит некоторую перемену. Второй пункт этого приказа, наконец-то, гласит: „Дальнейший отход диви-

зий должен происходить в сомкнутых колоннах по главным коммуникационным линиям, с выделением арьергардов только с разведывательными целями". Воображаю, как глубоко и сердечно были благодарны войска за то, что, наконец, они поняли, что делают! Я остановился на этих приказах только потому, что отступление обеих наших армий является, собственно, продолжением системы, которая господствовала при ведении боя 4 и 5 июля. Как там, благодаря господству стратегического принципа позиционной войны, мы видим пассивное сопротивление без какой бы то ни было попытки изменить во время боя стратегическое расположение, так и теперь, при отступлении, мы видим ту же самую пассивность в отступлении всех дивизий равномерными линиями, не дерзая мыслить о маневре, не делая ни малейшей попытки изменить в чем-либо то, что противник застал ко дню 4 июля. Стратегическое расположение остается таким же, как и прежде, но зато неизмеримо увеличиваются его отрицательные стороны.

4 июля наша 1 армия, вовлеченная в бой, имела фронт в 100 километров. Соседняя 4 армия, пассивно ожидавшая результатов боя на севере, имела фронт почти в 200 километров. При отступлении, произведенном по приказу ген. Шептицкого, это соотношение резко изменяется. Когда 4 армия достигает линии немецких окопов, ее фронт сокращается до тех 100 километров, которые перед этим имела 1 армия. Наоборот, 1 армия, отступающая, согласно приказа, на запад, так быстро растягивает свой фронт, что „оборонительная линия", указанная для занятия командующим, достигает 200 километров. Таким образом, стратегическая обстановка 4 армии, не потерпевшей поражения, значительно улучшается, в то время как для 1 армии, наоборот, ухудшается со страшной быстротой. Последствия роковой ошибки приказа ген. Шептицкого от 5 июля дают свои горькие плоды. Когда главные силы 1 армии, принужденные приказом к опасному дефилированию перед фронтом противника, свернули с естественных путей отступления в направлении на Молодечно, они, как известно, приближались к 4 армии, оставляя далее на север только незначительную часть своих сил. При анализе приказа я выявил, что результатом его явилось уплотнение наших сил на юге и рассредоточение их на севере. Это происходило в пределах 1 армии. Теперь мы видим то же самое явление и в отношении всего фронта, находящегося под командованием ген. Шептицкого, когда участок южной армии он вдвое сузил, а участок северный вдвое удлинил. Все это совершается именно тогда, когда как раз на севере 1 армия отступила под напором превосходных и сильно сконцентрированных сил противника, и когда на юге, на протяжении большей части фронта, мы имели над ним безусловный перевес, и лишь на некоторых участках мы имели равные силы.

Таким образом, наша армия все более рассредоточивает на севере свой левый фланг и рассредоточивает до такой степени, что, наконец, самая северная частица ее, состоящая из двух (8-й и 2-й Литовско-Белорусской), быть может наиболее слабых численно, дивизий во всей армии, заняла, без преувеличения, фронт в 100 километров. Мы заранее, следовательно, предрешаем здесь свое поражение, если бы противник нанес удар именно в этом направлении. Однако, этот последний, подчиняясь приказу г-на Тухачевского от 7 июля, свой удар на север и на юг перенес на другое направление и направил туда большую часть своих сил. В наиболее угрожаемом для нас направлении, на котором, кроме того, находилось меньше всего воиск, двинулась одна только 4 армия г-на Сергеева, армия, пехота которой любила топтаться на месте, а конница не проявила до сих пор своих свойств. Остальные войска, которые сражались 4 и 5 июля, сложным маневром, совершаемым в пустом пространстве, сворачивались в кулак, обращаясь флангом и почти тылом к 4 армии. Стратегическое расположение каждой из этих армий также совершенно различно: 4 армия идет очень широким фронтом, вследствие чего имеет возможность быстро передвигаться; а быстрота ее передвижения, кроме того, может быть еще более усилена благодаря тому, что большая часть ее состоит из конницы; наоборот, остальные войска сжались, как мы определяем, в кулак или—как хочет г-н Тухачевский—в таран. Я еще раз процитирую характерное описание этого г-ном Сергеевым: „Узкие коридоры 15 и 3 армии позволяли вести дивизии в двух или даже трех линиях, эшелонированных в глубину и, следовательно, иметь их сжатыми в кулак и всегда готовыми для выполнения какого нибудь маневра. 15 армия приняла такую систему марша еще от Глубокого, имея в первой линии 54, 33 и 11 дивизии, а во второй, за флангами—4 и 16. После двух или трех переходов головные дивизии сменялись тыловыми, резервными; таким образом достигалось значительное сбережение сил пехоты". Такая система марша не могла быть быстрой,—армия из пяти пехотных дивизий с соответствующей артиллерией и обозами передвигалась как будто бы она являлась полком! К тому же она должна была через известные промежутки менять походное охранение. Это было связано „с сохранением сил пехоты", но зато и с огромной потерей времени—в каждом отдельном случае не менее половины дня, а может быть и целых суток. Такая армия должна ползти, как черепаха по сравнению с гончей, пущенной с привязи для погони, к чему предназначалась северная 4 армия. Черепаха и гончая, к тому же взаимно удаляющиеся друг от друга, не товарищи в беге и, безусловно, не в состоянии одновременно, или почти одновременно, достигнуть цели.

Из стратегической ошибки ген. Шептицкого и удивительного расхождения целей и движения двух Советских армий возникает необыкновенно оригинальный бой из-за обладания г. Вильно. Бой этот, как и бой 4 и 5 июля, опять-таки имел не преходящее тактическое значение, а высшее стратегическое. Он является странным и оригинальным, ибо, несмотря на свое столь важное значение для всей кампании, вовсе не относится к области военного искусства, так как совершенно не был связан с замыслами и намерениями обоих командующих фронтами—ген. Шептицкого и г-на Тухачевского. Первый из них умышленно всячески ослабляет этот участок, так называемых, оборонительных линий путем рассредоточения войск и, следовательно, не имеет ни намерения, ни желания давать или принимать здесь крупное сражение. Г-н же Тухачевский, как известно, после совершенно неудавшегося Седана поверивший в „разгром", „распыление" и „уничтожение" убегающего, якобы, в панике противника, бросает в этом направлении также самую слабую из своих армий, рассредоточенную и разбросанную на большом пространстве. С главными же своими силами, собранными в решительный кулак, он не спешит, ибо он уверен в себе, festinat lente [1]); он движется черепашьим шагом, чтобы искать решения в другом месте. Большая стратегия должна праздновать свой торжественный день в другом месте; в другом месте зашумит Никэ [2]), даруя именем Марса и Минервы [3]) победу и наказуя поражением—так хотят оба полководца. Как же получается, что не там, где они намечают, решаются судьбы уже не сражений, но самой войны? Разве только для утешения огорченного предыдущим боем г-на Сергеева? Ибо ему в этом Виленском сражении шумящая крыльями Никэ возложила на голову победные лавры.

Однако, г-н Сергеев раньше, чем получил эти лавры, торопится разукрасить в своей книге не само сражение, а свой марш до него. А так как марш этот абсолютно не относится к числу выдающихся, а является каким-то довольно случайным, он украшает его, как это всегда бывает в таких случаях, словами и определениями, дающими видимость величия там, где недостает содержания. Действительно прекрасная книга г-на Сергеева—увы!—пестрит местами большим числом определений—„плац дарм". В своем движении на Вильну г-н Сергеев пересекает уезд, которым я горжусь, как колыбелью моей жизни,—Свенцянский. Я никогда не предполагал, что он богат такими стратегическими наслаждениями, как „плац-дармы". Плац-дарм имеется „в нашей столице"—Свенцянах, имеется он также и под Свирью. А так как Свенцяны имеют

[1]) Тише едешь, дальше будешь.
[2]) Богиня победы у греков.
[3]) Божества боя и военного искусства у римлян.

всего только жалкую узкоколейку, а прекрасный городок Свирь с его старым замком со дня своего основания не слыхал паровозного свистка, то для того, чтобы в двадцатом веке они могли бы для кого-либо стать стратегическими „плац-дармами", чтобы они могли сделаться столь высокими объектами стратегии, нужна большая, громадная ценность земли и богатства ее плодов. Гордыми должны быть местные „incolae" [1],—выражаясь макароническим [2]) стилем!

Мы видим Ореховно, заменяющее гордый Смоленск в буйном воображении г-на Тухачевского, мы видим жалкий ряд проволоки и пару плохих окопчиков, которые заставляли наших высших военачальников отдавать распоряжение, чтобы 7 батарея 1-й Литовско-Белорусской дивизии открыла заградительный ураганный огонь 24 снарядами; поэтому нет ничего удивительного в том, что и войска г-на Сергеева, несмотря на то, что они идут за „рассеянным" противником, осторожны в отношении к славному Свенцянскому уезду, где им угрожает столько „плац-дармов". Несмотря на то, что армия эта должна была явиться гончей, спущенной с привязи, она особенно не торопится. Вот указание самого командующего армией г-на Сергеева: „Конному корпусу приказ был передан по радио, но выполнен конницей он не был" (стр. 53). „164 бригада целый день 8 июля простояла на месте в окрестности Замоша". Затем она двинулась в совершенно ненужном, по мнению г-на Сергеева, направлении. Движение конницы г-н Сергеев характеризует словами: „Она двигалась очень медленно широким фронтом" (стр. 54). Объясняет же он это следующими словами: „незначительные стычки с конницей противника (наш 13 уланский полк) и с его уходившими мелкими пехотными партиями (наш так называемый Слуцкий полк) сильно задерживали движение всей нашей конной массы" (стр. 54). Вот дальнейшее описание Сергеевым действий его пехоты и кавказской конницы: „Несмотря на панику, распространившуюся в тылу противника от появления частей нашей конницы в окрестностях Видзы и Дукшты, полякам удалось, однако, кое-как организовать сопротивление на германских позициях, при чем в районе к югу от Постав до озера Мядзиол это сопротивление оказалось достаточным (здесь была наша „рассеянная" 8 дивизия), чтобы задержать кубанскую конницу до вечера 9 июля, т.-е. до подхода частей 18 дивизии". Итак, движения 4 армии теперь сильно напоминают топтание на месте во время седанского маневра 4 и 5 июля. Опять потеря целых дней, медленные движения черепахи, когда нужно быть гончей. В это время еще действуют против

---

[1]) Жители.

[2]) Макаронизм — смешной способ разговора или писания, с примесью иностранных выражений и целых фраз на других языках. *(Ред.)*.

армии г-на Сергеева три наши дивизии. На правом фланге 10 дивизия ген. Желиговского, в центре 8—полковника Бурхард-Букацкого, а на северном фронте постепенно стягивающаяся и собирающаяся 2-я Литовско-Белорусская ген. Борущака вместе с неполным Виленским уланским полком. Но уже при отступлении к Вильно 10 дивизия уходит для выполнения более важных задач на юг, чтобы стать к югу от Свирского озера в раю проволоки—в немецких окопах. Следовательно, против 4 Советской армии остаются две наши дивизии вне окопов, стало-быть, в худшем тактическом положении, но зато стратегически облагодетельствованные или, вернее, обремененные необычайной растянутостью фронта—почти на 100 километров от Свирского озера до местечка Дубинки. А все-таки! E pur si muove! [1]) Да, существуют грозные плацдармы! И войска г-на Сергеева опять начинают топтаться на месте. 11 июля начинается на севере нашего фронта под Вильно „трехдневный бой на Вилии", — как пишет г-н Сергеев. По его словам, около Подбродзье конница встретила 11 июля „сильное сопротивление противника и вела выжидательный бой", поджидая подхода остальных частей конницы и пехоты.

53 и 12 дивизии, растянутые на широком фронте, того же 11 июля убедились, что „на всей линии реки Вилии противник держится крепко и отражает все попытки наших (Советских) стрелков овладеть переправами". Не было лучше и далее к югу. Кубанская конница нашла пехоту противника уже в районе местечка Свирь и, нащупывая его фланги, выяснила, что „вся линия реки Страчи от Свири до Михалишек сильно занята противником, который держался также и за рекой Вилией к западу от Михалишек". Кавалерии не повезло! „Но,—пишет г-н Сергеев,—и после подхода 18 дивизии не стало лучше". Несколько атак на местечко Свирь было отбито, и командующий дивизией решил подтянуть тяжелую артиллерию. Преследование остановилось. Общее впечатление г-на Сергеева было, будто мы решили защищать Вильно, и это предположение он основывал — о, ирония судьбы и полководцев!— „на достаточно *густой* группировке сил противника на линии реки Вилии и на Свирском „плацдарме". Борьба за Вильно продолжалась, по Сергееву, три дня и во многих местах носила характер „продолжительного и упорного боя"; началась она 11 июля, кончилась же взятием Вильны 14-го.

Является фактом, что в течение этих трех дней в бою участвовали две самых слабых наших дивизии. Является фактом, что одна из них, 2-я Литовско-Белорусская, переходила в эти дни в наступление, и белостокский полк овладел

[1]) А все-таки она движется! (Восклицание Галилея).

станцией Подбродзье в 10 километрах за линией Вилии. Является фактом и то, что не сосредоточенную группировку сил имели эти дивизии, а, наоборот, самую рассредоточенную и находились на самом слабом в стратегическом отношении участке длинного фронта ген. Шептицкого. Если противник не „рассеял" во время предыдущих боев эти дивизии, несмотря на то, что он в это верил. то их должно было „рассеять" стратегическое расположение, обрекающее их на трехдневный бой вне окопов и рая из проволоки на протяжении почти 100 километров!

Что же делают в это время, 11 июля, другие более счастливые дивизии, которые должны были стоять более сосредоточенно, прикрытые раем из окопов и огромным количеством проволоки, в которой можно заблудиться даже при ясном солнышке? Последуем по очереди к югу. Соседняя 10 дивизия, сдернутая с естественного пути отступления на Свирь и Михалишки, еще 10-го днем или к вечеру достигает линии окопов при бездорожьи и без всякого соприкосновения с противником. День 11 июля проходит там спокойно. Дальше к югу стоит 17 дивизия. Опять-таки 11 июля нет соприкосновения с противником. Еще южнее 11 дивизия. 11 июля она совершает, как гласят ее донесения, форсированный отступательный марш без соприкосновения с противником в истинный рай из проволоки под Богдановым. Высланные перед фронтом 12 числа патрули вернулись под утро 13, не встретивши нигде противника. Наконец, наиболее южная дивизия 1 армии, 1 Литовско-Белорусская, достигает 11 числа окопов к югу от Богданова, также не видя противника. Итак, 11 июля, когда г-н Сергеев со всей своей армией выяснил „сосредоточенное" занятие не проволоки и окопов, но, собственно, свежего воздуха, впрочем полного „плац-дармов", а его войска, по старой привычке. стали топтаться на месте, вся остальная часть нашей 1 армии в блаженном покое пользуется или спешит воспользоваться раем из проволоки и окопов на прежних германских позициях. устроенных некогда путем уничтожения литовских лесов и большой затраты энергии и средств наиболее промышленной страны Европы—Германии.

Еще более счастливая в отношении стратегической обстановки наша 4 армия, славши 11 числа Минск, согласно отданного того же числа и уже цитированного выше приказа, свертывается в походные колонны и отступает на запад, к своей части германских окопов, без какого-либо соприкосновения с противником.

А часть эта не маленькая! Для самой многочисленной и наименее затронутой боями нашей армии она достигает как раз того, чему равно протяжение фронта двух наших северных дивизий, начинающих в этот день трехдневный, продолжительный и упорный бой за Вильно.

Чем далее на юг, тем на фронте ген. Шептицкого положение войск становится лучше. Тактические затруднения становятся более легкими, а подарки стратегии более крупными. Наиболее южная, Полесская, группа не является исключением из этого правила. Составленная из трех наших дивизий, она имеет против себя небольшой отряд противника, ибо так называемая в Советской армии Мозырская группа его имеет два расходящиеся направления для своего наступления. Большая ее часть атакует нашу 14 дивизию, следуя за ней от Бобруйска к Слуцку, т.-е. севернее Полесья. Таким образом, наша Полесская группа имеет против себя самого слабого противника. Мы имеем там громадное превосходство, какого за все время долгой войны мы никогда и нигде не имели. Поэтому-то донесения оттуда всегда звучали победоносно, украшенные, между прочим, сильным ураганным огнем артиллерии, которым покрывались в этих донесениях Полесские болота с одной и с другой стороны.

Более или менее то же самое происходит и в армиях, находящихся под командованием г-на Тухачевского. 11 июля, когда войска северной 4 армии начали топтаться на „плацдарме" Свенцянского уезда, ожидая в одном месте тяжелой артиллерии, а в другом подхода пехоты или кавалерии,— сжатые в кулак две армии—15 и 3—идут почти без соприкосновения с противником, вдали от втянувшегося в бой г-на Сергеева. Только вечером этого дня 15 армия занимает Молодечно, находясь таким образом, по крайней мере, на расстоянии двух переходов от германских окопов. И только наиболее северная се. 54, дивизия своими передовыми частями сможет войти на следующий день—12 июля—в соприкосновение с нашими 10 и 17 дивизиями. Рядом двигается тоже „таранная" 3 армия. 6 июля, как мы знаем, она двинулась почти на юг, из района Докшицы в направлении на Минск. Она двигается, вероятно, так же медленно, как и 15 армия, ибо представляет собой сосредоточенный таран. Когда же противник, т.-е. поляки, не ожидая удара и не противодействуя ему, добровольно отступили и сдали Минск, таран 3 армии, ничего не сделавши, сворачивает, вероятно, опять с потерей времени, к северо западу, приближаясь на сей раз к 15 армии. Так же, как и 11 числа, она не имеет соприкосновения с противником и в последующие дни. 16 армия занимает в этот день Минск, имея всюду дело только с патрулями арьергарда, оставленными, согласно приказа, не для боевых, а для разведывательных целей.

Из всего сказанного ясно, пожалуй, что трехдневный бой под Вильно был делом случая, а не сознательного руководства действиями с обеих сторон. И тем не менее, однако, значение этого боя и его результаты отразились на истории войны в значительно большей степени, чем предыдущие

значительно более тяжелые бои, 4 и 5 июля. Во-первых, мы. поляки, с этой минуты имели две войны вместо одной. Согласно утверждению и г-на Тухачевского и г-на Сергеева, Литва перестала быть нейтральной и приняла участие в войне на стороне Советов. В течение дальнейших военных событий, до окончательного прекращения вооруженных столкновений, факт этот является дополнительной, неоднократно довольно значительной тяжестью, тянувшей книзу нашу судьбу на весах истории. Тянет ее он неоднократно, возможно и до сего времени. Сам бой, хотя г-н Сергеев характеризует его как упорный, не был интересным, ибо с момента, когда при его личном влиянии были сосредоточены в нескольких местах более крупные силы для атаки, иллюзия „плац-дарма" должна была рассеяться, и рассредоточенные, как пыль, ряды защитников Вильно не были в состоянии удержать линии. Попытки же наступления с польской стороны, которые все же производились и привели, как мы знаем, даже к занятию Подбродзе. не могли, при таком расположении войск, бывших в меньшинстве, дать какие-либо результаты. Когда же 14 июля Вильно, тотчас же влияние этого события стало отражаться на стратегическом расположении той и другой стороны. С этого момента и уж до самой Варшавы в первом пункте польских приказов каждый раз повторяется как бы роковое определение: „Ввиду обхода нашего левого, северного, фланга противником" остальные войска отступают к западу. Тотчас после взятии Вильны, 14 числа, отступают к Лиде ближайшие соседи, 17 и 10 дивизии, прикрытые раем из проволоки и окопов. За ними отступают остальные части 1 армии почти без боя на линии окопов, а еще дальше то же самое делает 4 армия, которая бросает окопы для новой линии, уже без проволоки, за рекой Щарой. Следовательно, все стратегические предположения и планы лопнули в одну минуту из-за случайного боя под Вильно.

Стратегические подарки для юга и тактические трудности для севера, началом которых явился приказ ген. Шептицкого от 5 июля, жестоко отразились на польской стороне.

Вместе с новой войной и кардинальным изменением основы стратегического расположения мы получили к тому же огромный моральный упадок в войсках, у командования и во всем народе. Чего не успел сделать „жалкий ручей" Аута, то докончила Вилия, „мать наших ручьев". Почти забавным, но вместе с тем характерным проявлением этого были события последующих дней под Лидой; впервые со дня 4 июля здесь формируется что-то вроде более сильной группировки польских войск. Сюда собираются, как будто для какой-то более крупной операции, несколько дивизий, которые спешат сюда с разных сторон. Делается то, что еще несколько дней тому назад могло разрешить бой под Вильно в нашу пользу.

Но делается это под ударами противника и с отрицательным для победы намерением—с целью обратного движения, бегства с потерей артиллерии и отступления почти в беспорядке. С этим боем и его последствиями кончается также и столь частое до сих пор топтание на месте Советских войск, которые, опасаясь победоносного до сих пор противника, не имели уверенности в себе, уверенности победителей. Итак, незначительное столкновение, если принять во внимание число войск, принявших участие в этом бое, стало огромным событием, глубоко изменившим тактику театра войны.

При всем вышеизложенном анализе военной обстановки, приведшей к нашему поражению под Вильно, я ни разу не вспомнил о роли во всех этих событиях главнокомандующего нашей стороны. Я оставил его с почти готовым решением, принятым еще перед боем 4 июля, когда он пришел к убеждению, что должен изменить свой прежний взгляд на стратегическую обстановку, которую создали успехи конницы Буденного на юге. Изыскивая дальнейшие средства для увеличения численности нашей конницы, в отношении северного фронта я имел в то время сложившееся уже мнение, что лучше всего будет отвести весь фронт к западу добровольно, без давления со стороны противника, и, укрепив центр его на линии германских окопов, сформировать где-нибудь в районе настоящего „плац-дарма"—Вильно, более сильную маневренную группу, способную для операции не в растянутой и слабой линии. В этом случае большая часть сил на Полесьи могла бы явиться резервом, ибо тот фронт после отступления за реку Птич сокращался до такой степени, что для применения здесь более крупных сил не было собственно места. До этого, однако, не дошло.

Вызвав в конце июня в Варшаву ген. Шептицкого для переговоров по всем этим вопросам, я нашел в нем огромный упадок духа. На собрании у меня в Бельведере нескольких генералов он заявил мне, что собственно война проиграна и что, по его мнению, следует какою угодно ценою заключить мир. Мотивы, которые он приводил, заключались в следующем: успехи конной армии Буденного на юге настолько сильно деморализуют войска на всем театре войны, при чем деморализация эта уже сильно чувствуется и в стране, что ему кажется невозможным, чтобы наши усилия могли бы ликвидировать эти успехи. И поэтому он ожидает, что вскоре на самых глубоких его тылах, в Бресте, появится Буденный со своей конницей, что сделает невозможным для него удержание фронта, а отступление может превратиться в расстройство и беспорядок. На севере, имея под своим командованием лучшие части нашей армии, он еще может удержать свой фронт, хотя против него все больше группируются силы противника, имеющие главной целью

овладение Минском. Наиболее же опасным ему кажется сильный подъем национального чувства в армии противника, вызванный взятием нами Киева. Это вызвало добровольное вступление в Советскую армию большого числа офицеров только-что разбитой Советами армии Деникина. которые, как специалисты, сумели в Советский беспорядок ввести организованность и надлежащую дисциплину. Поэтому, в то время, когда у нас увеличивается беспорядок, у противника происходит обратное, и не исключено, что, ввиду неудач на юге, у нас могут вспыхнуть революционные беспорядки, которые потребуют вмешательства армии; это же вмешательство может быть произведено только при помощи совершенно надежных войск, находящихся под его, ген. Шептицкого, командованием.

Эти доводы меня вовсе не убедили; проект же заключения мира во что бы то ни стало я отбросил. В то же время я высказал свое мнение о сложившейся обстановке, о надежде удержать продвижение Буденного на юге и желании, для выигрыша времени, оттянуть весь северный фронт назад, придав ему указанную мною выше группировку. Ген. Шептицкий полагал, однако, что лучше принять бой на подготовленных им, якобы, позициях, на которых стояли войска. Он прибавил, что чувствует себя на них более уверенным, чем при производстве требуемого мною маневра.

Тут мне предстоял выбор: или сместить ген. Шептицкого с должности командующего фронтом, или же в противном случае остановиться на его решении, ибо я предпочитаю всегда иметь худшее решение, но более уверенного в себе командующего. После некоторого колебания я принял второе решение, указывая, однако. на необходимость, в случае отступления армии, производства стратегической перегруппировки согласно моих указаний. Когда миновало 4 июля с неблагоприятным для нас результатом, уже 6-го летел из Варшавы мой приказ, напоминающий ген. Шептицкому о необходимости расположения фронта согласно намеченного мною плана. План этот вытекал не только из признания крупного стратегического и политического значения Вильно, как жизненного центра большой области и главного узла дорог в этом районе, но и из простого расчета, ибо невозможно было растягивать фронт вдоль линии германских окопов, простиравшихся до самого Двинска. Следовательно, где-то в районе Вильны, на правом фланге наших армий, должна была находиться свободная от окопов группа. для которой нельзя было найти прикрытия из проволоки. Группа эта, оказывая сопротивление наступлению в том или другом месте, прикрывала бы одновременно и Вильно. В приказах и разговорах обыкновенным эпитетом, употреблявшимся в то время в Варшаве в отношении к этой группе, было прилагательное „*сильная*“. По-

этому-то неожиданностью, и весьма неприятной, был приказ ген. Шептицкого от 5 июля, в корне противоречащий этой основной мысли. Все попытки вплоть до 11 июля вызвать перемены в этом отношении оказались в отношении ген. Шептицкого напрасными.

Отмечаю и здесь, как я делал это всегда, что я, как главнокомандующий, всегда несу свою долю ответственности. Как я выразился именно по делу ген. Шептицкого в одном из документов, писанных под мою личную диктовку и находящихся в военно-историческом бюро, я понимаю, что эта доля моей ответственности заключается в оставлении в должности командующего фронтом ген. Шептицкого, несмотря на несоответствие его своему назначению в моральном отношении. Но, по правде сказать, несмотря на то, что я весьма строго отношусь к ответственности, справедливо или несправедливо лежащей на главнокомандующих, я не могу брать на себя ответственность за все стретегические чудачества, проделанные ген. Шептицким после боя 4 и 5 июля. Быть всегда более сильным там, где нет боев, и более слабым там, где в сражении решаются судьбы войны, никогда не стремиться к изменению явно плохого стратегического расположения, — это значит противоречить, как говорит Наполеон, здравому рассудку войны и пассивно подчиняться воле противника. Единственным вопросом, какой можно поставить, является следующий: была ли хоть какая-либо возможность выполнить волю главнокомандующего, который ясно указывал пальцем на Виленский район, где он хотел иметь сосредоточенной более сильную группу? Этот вопрос я задавал себе неоднократно, задавал его себе и при настоящем анализе. Для ответа я приведу дословно выдержку из приказа, отданного 7 июля по 4 армии, которая, как мы знаем, отступала по так резко сближающимся между собою линиям, что после каждого перехода она все более сосредоточивалась и оказывалась в более выгодном стратегическом положении. Один из пунктов этого приказа гласит: „4 дивизия, в связи с отступлением 4 арими, сосредоточивает свои части в районе Минска, занимая линию укреплений последнего. 31 полк (между прочим, принадлежащий к составу 10 дивизии), два батальона которого находятся на линии укреплений, а один батальон стоит в Минске, а также 37 полк (из состава 6 дивизии), следующий из Бобруйска в Минск, переходят в подчинение полк. Калишки, как командующего оперативной группой. Задачей группы является удержание Минска до момента проследования тыловых частей 2 дивизии легионеров, а затем — прикрытие дальнейшего отступления". Итак, мы имеем прикрытие Минска, собственно, двумя с половиной дивизиями, Минска, который мы намерены очистить без боя. Мы имеем даже такую роскошь, как прикрытие

отступления одной дивизии другою. Мы имеем также полк, бездействующий в Минске и принадлежащий к дивизии, находящейся под Вильно. Мы имеем, наконец, один обособленный полк, направляющийся также не в Вильно, где палец главнокомандующего указывает необходимость создания сильной группы, но в тот же Минск, который должен быть оставлен через несколько дней. В дополнение ко всему этому в Минске стоят готовые поезда и находится железнодорожная линия, готовая к услугам в направлении Вильно и совершенно не угрожаемая со стороны противника, коль скоро в самом близком от него пункте, в Молодечно, тоже 7 июля находится еще командование 1 армии.

Половина этого богатства, т.-е. хотя бы одна дивизия, могла бы с успехом сменить бездействующую 10 дивизию ген. Желиговского, которую, как бы нарочно для ослабления северного фланга у Вильно, стягивали трудным маршем с озера Мядзиол, где она стояла совместно с 8 дивизией; стягивали ее, как мы знаем, на юг, ослабляя виленскую группу. А когда мы вспомним это характерное топтание на месте 4 армии г-на Сергеева перед лицом нами же самими „рассеянных" на пространстве почти в 100 километров дивизиями; когда мы вспомним, что ни 11, ни 12, а может быть даже и 13 июля никакая из частей других Советских армий не могла вступить в бой; когда мы, наконец, примем во внимание, что, несмотря на очевидную слабость защитников Вильны, это была на всем длинном фронте ген. Шептицкого единственная атакующая группа, атака которой имела даже некоторый успех,—то легко можно себе представить, что при этой вполне возможной, согласно указаний и приказов главнокомандующего, для оказания помощи обстановке могла бы быть удержана победа над несмело топчущейся 4 армией г-на Сергеева, победа над той именно армией, которая при дальнейшем развитии операции постоянно и всегда, вплоть до Варшавы, оказывала решающее влияние на непрерывное, беспрестанное отступление фронта ген. Шептицкого. Но против явно выраженного подчинения воле противника еще до сих пор нигде на войне не найдено лекарства!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ход событий после боев 11—14 июля

Проанализированные мною два сражения решили судьбу кампании, руководимой г-ном Тухачевским, вплоть до Варшавы. В первом из них, 4 и 5 июля, с нашей стороны принимала участие только 1-я армия, в то время как большая часть наших войск, 4 армия и Полесская группа, находились в бездействии, не препятствуя противнику, имеющему превосходство сил, одержать над нами полупобеду. Во втором же сражении, с 11 по 14 июля, с нашей стороны участвовала весьма незначительная часть наших войск, в то время как весь остальной фронт совсем не принимал участия ни в каких боях. Оба эти сражения открыли дорогу не для главных сил г-на Тухачевского и не для его тарана, а для наиболее северной части его войск — для 4 армии с кавалерийской группой. С этого времени все попытки задержать противника разрешались с его стороны таким же способом, каким была разрешена битва под Вильно. Г-н Сергеев со своей армией и конницей, идя от Вильно уже относительно узким коридором, систематически обходил левый фланг наших войск, вроде какого-то бокового авангарда, тянущего за собой остальные Советские войска. Каждый такой обход ликвидировал, как это имело место под Вильно, попытки сопротивления сперва 1 армии, которая вынуждена была отступать, а за ней спешила отступить и южная 4 армия. Ввиду наличия на крайнем фланге Советских войск конницы эта ликвидация принимала иногда размеры настоящего поражения, ибо быстрота захвата территории била по воображению. Попытки сопротивления с нашей стороны были, собственно, эпизодами, которые со стратегической точки зрения были похожи друг на друга как близнецы. Несмотря на то, что г-н Тухачевский уделяет в своем произведении сравнительно много места своим различным комбинациям во время продвижения к Висле, несмотря также на то, что и с нашей стороны создавались различные вычисления и комбинации, я не хочу уделять места для их анализа, ибо все эти попытки имели совершнено одинаковый характер и в основном абсолютно не меняли нашего стратегического положения. Они

неизменно являлись как бы отчаянными последствиями первых неудач. Ввиду же того, что первое сражение было, как я пытался доказать, полупобедой, а второе, под Вильно — полуслучайностью,—военный историк всегда будет останавливаться над удивительной загадкой, скрытой в значении подобных сражений.

Движение войск г-на Тухачевского, после открытия дороги для 4 армии и кавалерии, продолжалось безостановочно. В среднем покрываемое за день пространство до подхода к самой Варшаве и ее окрестностям равнялось, примерно. 20 километрам, т.-е. почти дневному переходу.

Столь длинные марши. прерываемые к тому же боями, могут служить к чести как для армии, так и для ее руководителей. Особенно же нельзя отнести к числу средних величин и посредственностей главнокомандующего, который имеет достаточно сил и энергии, воли и уменья, чтобы проводить подобную военную работу. И, сказать по правде, я искренно хотел бы теперь, когда об этом пишу, усмотреть в произведении г-на Тухачевского, вместо странных и преувеличенных определений и ругани плохого тона, указания на метод руководства и организацию этого прекрасного марша. С таким маршем его будет поздравлять каждый историк и каждый исследователь. Влияние этого марша было громадным. Г-н Тухачевский хочет его сравнить в одном из своих стратегических выводов с движением германской армии на Париж. Действительно, это беспрестанное червеобразное движение значительных неприятельских сил, прерываемое время от времени как бы прыжками, движение, продолжающееся неделями, производит впечатление чего-то неотразимого, надвигающегося, как какая-то тяжелая, чудовищная туча, для которой нет никакой преграды. Есть в таком движении что-то безнадежное, сокрушающее внутренние силы человека и толпы. Я припоминаю себе разговоры, которые велись мною в то время. Один из генералов, с которым мне приходилось часто говорить, почти ежедневно начинал свой разговор и доклад словами: „Ну, и марш! Ну, и марш!“ В этих словах было и удивление и горечь бессилия. На военных такой марш производил впечатление какого-то ужасного калейдоскопа. где каждый день складывается какая-то новая обстановка. с новыми названиями географических пунктов, перемешанных с номерами полков и дивизий, с новым распределением времени, с новым расчетом пространства. И хотя этот чудовищный калейдоскоп меняет свои картины медленным темпом, но своим неотразимым однобразием движения через известный промежуток времени создает хаос, хаос незаконченных контр-комбинаций, неисполненных приказов и несвязанных с вновь создавшейся обстановкой донесений.

Под впечатлением этой надвигающейся грозовой тучи шаталось государство, колебались характеры, мякли сердца солдат. Всюду вокруг себя я видел влияние этого марша. Я уже выше вспоминал о подобном же влиянии конницы Буденного, но безостановочный марш г-на Тухачевского значительно превысил своим значением и влиянием предыдущие события. Для нашей, польской, стороны под влиянием этих событий все яснее и выразительнее вырисовывался, помимо внешнего фронта — фронт внутренний, сила которого в историях всех войн была предвестником поражения и самым крупным фактором проигрыша не сражений, но войн. Тухачевский хочет сравнить свое наступление на Варшаву с наступлением немцев на Париж. И там, несомненно, должен был образоваться внутренний фронт, фронт несопротивляющегося разума и мудрствования трусов и слабых; но Париж, который победоносно пережил столько испытаний в своей истории, не был Варшавой, только-что освободившейся из болота векового рабства, при котором целый век торжествовал разум бессилия и мудрствование трусов Поэтому-то внутренний фронт был более грозным, чем в Париже 1914 г.. а отпор нашептываниям тревоги и настроениям бессилия был меньше и слабее. Государство трещало, усилия войск раздроблялись в попытках контр-атак, а работа командования с каждым днем становилась морально труднее и тяжелее. Несомненно, среди разлива тревоги. беспорядка и бессилия, были попытки организации элементов сопротивления и элементов сплочения сил, но их не следует при историческом анализе преувеличивать. Они вовсе не имели стихийной мощи и силы и были ослабляемы крикливостью и чрезмерным организационным беспорядком. Для крикунов был брошен абсурдный лозунг создания новой добровольческой армии, в которой прежде всего вырастали в организационной бессмыслице многочисленные штабы. переполненные новичками. Я сумел задержать эту бессмыслицу, приказав положить в основу батальонную организацию и разрешив сформировать из наиболее сильных и наиболее крикливых элементов одну только добровольческую дивизию, которая, впрочем, как таковая, разделяла судьбу остальных дивизий до конца войны.

Этот процесс разложения сил. этот процесс ломки нашей воли был, по моему мнению, самым большим триумфом, который я могу приписать г-ну Тухачевскому. Этим маршем к Варшаве, движимым, безусловно, его волей и силой его работы, как командующего, г-н Тухачевский доказал, что он не является посредственностью. Но когда я перелистываю его книжечку, я нахожу в ней очень часто сознательную или бессознательную фальшь, которой он совершенно излишне украшает свой марш. Для характеристики этих сомнительных красот я укажу на роман или сказку из тысячи и одной

ночи, касающуюся Гродно и Немана. Чего только тут нет! Какая-то странная, неизвестная в нашей истории концентрация с запада и востока почти шести наших дивизий к Гродно. Какие-то странные передвижения, которых не было в действительности, и огромное множество слов и еще слов о „пехотных массах", о „сокрушениях", о странных маневрах и контр-маневрах, которые, наконец, закончились „окончательным разгромом и деморализацией" бело-поляков. Когда читаешь этот роман, который происходит в воображении г-на Тухачевского, — а таких романов г-н Тухачевский создает в своем труде довольно много,—бросаешь книгу с известным неприятным привкусом. Зачем столько кривлянья в большой исторической работе войны!

История Гродно весьма проста. Когда „Виленские ворота" открылись перед армией г-на Сергеева и его конницей и когда 2 Литовско-Белорусская дивизия в своей значительной части изнемогла в двойной войне с Советами и Литвой. тогда конница прямым движением, несколькими эскадронами передовых частей, заняла Гродно. Гродно. для украшения военной жизни называемое крепостью, было крепостью только в понятиях нашей и Советской литературы, у которых бывают „плац-дармы" без железных дорог, укрепления без колючей проволоки, ураганный огонь из нескольких, уже отчасти поврежденных, орудий и крепости с „распыленными" фортами, которые и теперь каждый может видеть.

Таким образом, конница г-на Сергеева значительно опережала левый фланг нашей 1 армии, которая не для какой-либо концентрации в районе Гродно, а для обыкновенного неизменного занятия линии Немана и Щары отступала вновь параллельными дорогами от голубой Вилии к ее серому любимцу Неману. На крайнем же фланге, когда не стало там 2 Литовско-Белорусской дивизии, отступали две дивизии, 8-я и 10-я, которых ни „распылять", ни „сокрушать", ни „окончательно разбивать" ни г-ну Тухачевскому, ни г-ну Сергееву не было необходимости, так как на своем пути от Седана в Германовичи—Шарковщизна они были ведь в книгах обоих авторов уже „распыляемы" и „сокрушаемы", по крайней мере, пять раз. Вопреки этому избытку поражений, которые выпали на их долю в книгах г-на Сергеева и г-на Тухачевского, эти дивизии и на сей раз выполнили свой солдатский долг. Находясь под командованием ген. Желиговского, который в то время не чувствовал на себе этой массы публицистических поражений, дивизии эти, поскольку подход даже к Неману для них был закрыт, должны были открыть себе дорогу и к нему. И как тогда, 6 июля, в Дуниловичах, так и через несколько недель под Гродно ген. Желиговский вместе с командующим 8 дивизией полк. Бурхард-Букацким колебались, не проложить ли эту дорогу к Неману, к Гродне,

которая была уже занята Советской кавалерией. Но когда удалось открыть проход около Лунной-Воли, они отказались от боя из-за Гродны и перешли р. Неман западнее.

Такой же сказкой, а не историей, является концентрация наших сил у Гродно и со стороны запада. Кроме нескольких батальонов, брошенных наспех для прикрытия наиболее северного фланга на новой линии Немана и Щары, удалось еще своевременно перебросить из Полесья одну бригаду 9 дивизии, которая была направлена под Гродно, как на наиболее слабый участок длинной линии фронта ген. Шептицкого. Впрочем, это является единственным случаем усиления рассредоточенной за счет юга северной части этого фронта.

Кроме гродненской сказки, имеется еще немало и иных сказок у г-на Тухачевского. Имеется их так много, что каждую из них опровергать невозможно. Однако, как исследователь и историк, я не могу не быть снисходительным к г-ну Тухачевскому. Он, наверное, имел в руках разные данные, касающиеся нашей стороны, будь то из показаний пленных или же из тех или иных документов, захваченных его войсками в этот период. Ввиду же несомненной их противоречивости в отношении друг друга данные эти отображали, возможны, достаточно верно тот хаос в оценках обстановки и попытках контр-маневров, какой существовал у нас в то время. Поэтому г-н Тухачевский мог извлекать из этого, по всей вероятности, обильного материала, все, что только хотел Я сам, главнокомандующий польскими войсками, с известным удивлением и любопытством нахожу теперь, при моей работе, документы, которые мне совершенно не были известны во времена похода г-на Тухачевского на Варшаву. Да, впрочем, я вовсе и не ставлю себе это в вину, так как в то время, не поддаваясь совершенно настроениям тревоги, я остановился в отношении фронта, которым командовал ген. Шептицкий, на вполне определенном решении и искал путей для задержания похода к Висле или к Варшаве при помощи единственного средства — контр-наступления. Для характеристики моей точки зрения на эти вопросы привожу дословно мою заметку, сделанную на одном из исторических документов, озаглавленных „Дело ген. Шептицкого", заметку, написанную в 1921 г., следовательно, когда память была свежее, чем сейчас.

„Что касается,—писал я в этой заметке,—всяких операций на севере после проигранного сражения на Ауте и Березине, я должен сказать, что считал относительно бесцельным подробное рассмотрение тех или иных решений. Принципиально я вернулся к идее германских окопов и сильного левого фланга вне окопов под Вильно. Однако, при первых атаках на 4 армию я перестал верить в осуществление этого плана по

следующим причинам. Выполнение этого плана с вытекающими из него последствиями требовало: а) весьма быстрого отступления с принесением многого в жертву в целях выигрыша времени; б) наведения хотя бы некоторого порядка в частях и, что самое главное, в) назначения новых начальников для поднятия в войсках духа и ознаменования новой эры. Я раздумывал над всем этим несколько дней и оставил все в покое по следующим причинам: 1) паника на тылах, даже далеких от фронта, началась сразу, что настраивало войска на панический лад и не обещало ничего хорошего для работы тыла и железных дорог; 2) личные отношения в армии, особенно среди высшего офицерства, были самые худшие, какие я когда-либо встречал при моих исторических исследованиях; поэтому-то крупные перемены в личном составе, при плохом уже тогда настроении во всей стране, могли бы привести к организационной катастрофе, и без того всегда висевшей над моей головой; 3) моим внутренним побуждением, над которым я больше всего задумывался, являлось желание самому выехать на фронт и принять там непосредственно командование. С большим сожалением я отбросил и этот проект. Главной причиной этого было сознание, что внутреннее положение всей страны становилось неблагоприятным для целей войны, а настроение настолько паническим, нервным и напряженным, что с этого времени, помимо внешнего фронта, я должен был считаться в моих расчетах, как с серьезным минусом, с фронтом внутренним. Я не хотел уклониться от ответственности, что было бы легко выполнимо. Я решил тогда, что для изменения настроения внутри страны и удержания внутреннего фронта, хотя бы при помощи сохранения внешне-спокойного вида и полной самоуверенности, место мое пока — Варшава. Поэтому-то я не считал возможным свой отъезд на более продолжительное время. Ввиду всего этого мой общий стратегический план в то время, вплоть до августовских боев под Варшавой, заключался в следующем: 1) северный фронт выигрывает только время; 2) внутри страны производится энергичная подготовка резервов, которые я направлял тогда на Буг, не втягивая их в отступательные бои северного фронта; 3) ликвидируется Буденный и перебрасываются с юга более крупные силы для контратаки, проведение которой я проектировал из района Бреста. Упорно и до конца я держался этой основной мысли".

Несмотря на лаконический стиль этих заметок на полях документов, они точно передают мои соображения, как главнокомандующего польской стороны. Если я так думал после первого боя 4 и 5 июля, то тем более я укреплялся в своих взглядах, когда видел бесплодность всяких попыток перемены бессмысленного стратегического расположения наших войск на северном фронте. Уже после потери Вильно я при-

шел к убеждению, что подходящим моментом для смены командования на северном фронте будет переход нашими войсками Буга и Нарева. Я предполагал, что имеющиеся на Полесьи в значительном количестве войска, почти не вовлеченные в бой при отступлении, сумеют удержать район Бреста и таким образом смогут прикрыть концентрацию войск с юга для нанесения более сильного удара. Необходимым, однако, условием для этой концентрации была ликвидация того сильного козыря, которым располагал противник в лице конницы Буденного. С пехотой противника на нашем южном фронте я считался весьма мало. После того поражения, которое я нанес на полях Украины 12 Советской армии, неприятельская пехота не представляла большой силы и была, собственно, дополнением к работе конной армии Буденного. Несколько новых дивизий, которые появились на этом фронте, несмотря на то, что одна из них носила гордое название „железной", быстро растеряли свое „железо" в боях с нашей 3 армией ген. Рыдз-Смиглого и утратили энергию и охоту к борьбе. Движущей силой войны на юге являлась конница Буденного, и я не думал, чтобы после ликвидации или, по крайней мере, значительного обессиления этой конницы, мне будет трудно снять значительные силы с южного фронта для сосредоточения их где-нибудь между Ковелем и Брестом и перехода совместно с Полесской группой, мало истрепанной боями, в контр-атаку в северном направлении.

В этих своих рассуждениях я принимал во внимание также и моральное состояние войск. В то время как на севере я наблюдал постоянно растущее разложение моральных сил, на юге, наоборот, я замечал как бы моральное укрепление и возрастающую уверенность в преодолении кризиса. На севере длинный фронт отступал и трещал часто благодаря незначительным причинам, а войска неоднократно отступали без боя и в беспорядке; на юге же войска проявляли постоянную способность к маневру и неизменно возвращались в бой. Бои эти хотя и не являлись победоносными, тем не менее ежедневно уменьшали силы главного противника—Буденного, силы, весьма трудно возобновляемые. Большая и с каждым днем возрастающая разница военного значения нашего юга по сравнению с севером весьма наглядно выявлялась в пространствах, какие при отступлении отдавались противнику. Действительно, если за исходное число для сравнения мы возьмем 4 июля, когда начался бой на севере, и остановимся на 20 июля, когда наши войска на севере достигли более или менее линии Немана и Щары, то цифры наглядно покажут правильность моей точки зрения. Так, например, в 1 армии 10 дивизия отступила за это время на 395 километров. В 4 армии 2 дивизия легионеров, взятая для примера, отступила на 295 километров. В то же самое время соответ-

ствующие цифры для трех южных армий—6, 2 и 3—составляют 100, 80 и 130 километров. Цифры эти выразительны, а каждый последующий день и километр делали их еще более выразительными. Отмечу, что организация нами сильного корпуса конницы, которая происходила в районе Замостье, хотя и медленно, но подвигалась к концу. Я выезжал туда с тем, чтобы ускорить организационную работу и, следовательно, обеспечить возможность использования конницы в надлежащее время. Поэтому я считал, что могу с известным правдоподобием рассчитывать на возможность в конце июля приступить к решительным операциям. На Буг и на Нарев были направлены добровольческие батальоны и пополнение для отступающих 1 и 4 армий. Около 25 июля я отдал распоряжение о концентрации сил на юге для удара против конницы Буденного. Этот удар должна была нанести с севера 2 армия из района Берестечка, куда были направлены вновь организованные кавалерийские дивизии. С запада в этой атаке должны были принять участие части 6 армии.

К сожалению, концентрация шла столь медленно, а начало боя, развивавшегося в районе Берестечка, было так невыразительно, что хотя конница Буденного, сильно потрепанная двойной атакой, была вынуждена к отступлению, сражение не представлялось мне таким, чтобы я мог рассчитывать на его быстрые и решительные результаты.

Несмотря на мое намерение, мне не удалось прибыть лично к сражающимся войскам. Дороги были размыты продолжительными дождями, и мой автомобиль отказался повиноваться. А когда я с нетерпением следил за ходом боя из Холма, находясь в штабе командующего фронтом ген. Рыдз-Смиглого, противник успел захватить на севере Ломжу и быстрым темпом приближался к Бугу и Бресту. Помню, 30 июля я приказал запросить ген. Сикорского, командовавшего в Бресте, на какой срок защиты Бреста и его района я могу рассчитывать. Это имело для меня весьма существенное значение, ибо я нарочно оставил на Стоходе части 3 армии для прикрытия с востока всего ковельского района, где в то время я намеревался сконцентрировать силы для контр-атаки, после того, как мне удастся покончить с Буденным. Ответ звучал утешительно. Ген. Сикорский полагал, что он сможет удержаться в Бресте и его районе около 10 дней. Поэтому, несмотря на то, что операция против неприятельской конницы развивалась медленно, я полагал, мне удастся ее закончить. К сожалению, расчеты ген. Сикорского оказались ошибочными. Брест пал на следующий день, 1 августа. Пал Брест, а вместе с ним и все мои расчеты. Если я часто в своих исследованиях иронизировал в отношении излишнего связывания себя в работе по командованию с географическими названиями и геометрическими фигурами и громко звучащими словами из

терминологии тактики и стратегии, то я уже неоднократно старался иронизировать и над самим собой, раздумывая, не попал ли я сам в такую ловушку в связи с Брестом. После падения этой, якобы, крепости я выжидал целые сутки, не изменяя своих распоряжений, несмотря на то, что командующий 3 армией, ген. Желиговский, находился в Ковеле, пункте намеченной мною концентрации, с совершенно обнаженным левым флангом. К тому же от захваченного противником Бреста в Ковель вело утрамбованное шоссе,—путь в два раза короче и удобнее, чем дорога из-под Броды и Берестечка, где были сосредоточены находившиеся в неразрешенном еще бою мои силы, которые я мог бы использовать для планомерной контр-атаки. Вставал вопрос, оттянуть ли с востока прикрытие, растянутое вдоль Стохода и верховья Стыри, и отказаться таким образом от ранее намеченного удара в северном направлении вдоль восточного берега Буга, или же оставаться и далее при своих намерениях. Безусловно, падение Бреста, с которым я столько связывал, произвело на меня сильное и глубокое впечатление—до того оно было быстрым и неожиданным. Однако, после колебаний и размышлений в течение суток, я расстался со своей идеей и отдал приказ об эвакуации Ковеля и отступлении 3 прикрывающей армии на Буг.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Варшавская операция и подготовка к ней

2 августа я вернулся из Холма в Варшаву. Я нашел ее в значительно более тревожном настроении, нежели оставил при отъезде. И действительно, последняя речная преграда, прикрывающая Варшаву с севера и востока, р. Нарев, находилась почти в руках противника. Уже на второй день пала Ломжа, и вся наша 1 армия отступала к столице. На Буге удерживались еще в горячем бою части нашей 4 армии и Полесской группы. Левый фланг этой армии был уже сильно загнут вдоль Буга к западу вследствие продвижения вперед 15-и и большей части 3 й Советских армий. Далее к югу—тоже на Буг,—в сторону Холма, Грубешова и Сокаля, по моему приказу и без давления со стороны противника отступали 3-я и части 2-й наших армий. Бой с конницей Буденного затихал. Броды у нее были нами отбиты, и, несмотря на то, что в последней фазе боя конница наша под Клекошовым потерпела частичное поражение, конная армия Буденного после этого боя не имела сил для немедленного перехода к наступательным операциям. Таким образом, общая стратегическая обстановка в основном ни в чем не изменилась. Как и после 4 июля, на северном фронте обстановка у нас слагалась хуже, чем на юге, и, согласно практиковавшемуся до сего времени образу военных действий, можно было ожидать, что с момента, когда 4 армия г-на Сергеева где-либо одержит победу,—начнет отступать наша 1 армия, а за ней и 4-я. Наш же юг, одержавший только-что полупобеду над Буденным, будет предоставлен самому себе.

Имелась, однако, для обеих сторон в стратегической обстановке, по сравнению со всеми предыдущими, и существенная разница. Во-первых, Советские войска приближались к польской столице — Варшаве, что, несомненно, чрезвычайно затрудняло наше положение, давая стратегический перевес противнику. Перевес этот не мог быть уравновешен тем обстоятельством, что мы впервые за столь продолжительное время имели наполовину разбитую конную армию Буденного не на тылах, как это всегда до сих пор бывало, а перед своим фронтом. Однако, может быть, на изменение стратегической

обстановки обеих сторон больше всего влиял тот факт, что между севером и югом переставал уже существовать огромный стратегический барьер в виде р. Припети с прилегающими к ней болотами. Мы, поляки, имели на своей стороне все выгоды оставления этого барьера, и, наоборот, Советские войска имели еще перед собою р. Буг, которая связывала свободу маневрирования всеми наступавшими силами.

И поэтому-то, просматривая труд г-на Тухачевскго, мы находим, что свою неудачу под Варшавой он хочет объяснить главным образом тем обстоятельством, что не мог объединить в одном усилии работу севера и юга. Разбору своей и нашей обстановки при приближении к Висле г-н Тухачевский посвящает целых две главы. Трудно мне исправлять все ошибки, допущенные г-ном Тухачевским в данных относительно нас. Ошибок этих очень много, и я был бы вынужден, вопреки своему намерению, слишком растянуть свой труд. Не хочу также браться за исправление всех ошибок г-на Тухачевского еще и потому, что обе главы носят на себе, понятный, впрочем, отпечаток попыток оправдать себя по поводу неудачи, которую он потерпел под Варшавой. Впоследствии остановлюсь на некоторых более разительных ошибках, а сейчас перейду к оценке по существу стратегических суждений г-на Тухачевского.

Как я уже указывал, главную причину своей неудачи он усматривает в отсутствии взаимодействия между ним и южной частью Советских войск—12 и 1 армиями. Упреки эти мне кажутся несправедливыми. В самом деле, г-н Тухачевский утверждает, что еще раньше он имел обещание главкома, что после выхода к западу от Бреста, т.-е. за линию Буга, под его командованием будут объединены все действующие против Польши силы. Однако, Буг не был обойден с юга, и попытки форсировать его южнее Бреста всюду были нами успешно отражены. Поэтому-то г-н Сергеев, который также останавливается над этим вопросом, несколько более справедлив, когда говорит: „Неудачи под Холмом и Грубешовым показали, что 12 армия пройдет только там, где ее пустит противник". То же самое можно сказать, когда он далее отмечает, что „неудача под Бродами должна была навести на размышления" (стр. 102. 103, Сергеев). Упреки г-на Тухачевского, действительно, являются странными. Что бы он сказал, если бы услышал упреки, например, Буденного, что в момент, когда тот тоже совершал свой поход к Висле и доходил до Замостья, г-н Тухачевский, разбитый тогда уже под Варшавой, не помогал ему в его гордых намерениях. Буденный имел бы совершенно такое же основание упрекать г-на Тухачевского, как этот последний, когда упрекает Буденного. Конница Буденного к тому времени была частично разбита и отступала к востоку для того, чтобы залечить свои раны

В отбитых от этой конницы Бродах мы могли свободно и без каких-либо препятствий погрузить нашу 18 дивизию, отбившую Броды, и спокойно вывезти ее в находящуюся под угрозой Варшаву. Оставалась пока только одна 12 армия, о которой я уже неоднократно упоминал, что после нанесенного ей мною поражения на полях Украины в апреле, до окончания войны она не имела сколько нибудь значительной боевой ценности. Будучи доволен, что я встречаю у г-на Сергеева такую же оценку этой армии, я констатирую, что в течение всей операции под Варшавой она не могла сломить сопротивления не только трех дивизий, которые тогда еще имела перед собою, но даже и одной нашей дивизии (7), которая до конца варшавской операции прикрывала под Холмом правый фланг нашего контр-удара со стороны Вепржа. Одно из двух,—или г-н Тухачевский, рассчитывая на поддержку юга, должен был поджидать его, или же помочь ему, но ни в коем случае не выражать жалоб после того. как принял решение начать „поход за Вислу", не имея оснований рассчитывать на действительную помощь с юга.

Между тем г-н Тухачевский, рассчитывая на эту помощь, решается не только двинуться вперед, но своим приказом от 8 августа самым явным образом удаляет свои войска дальше к северу, обходя главными силами (двумя армиями) даже Варшаву, как бы избегая той помощи, на которую рассчитывает. Впрочем, он получил в виде подкрепления наиболее северную дивизию 12 армии (58), подходившую к Влодаве несколько южнее Бреста. Сознаюсь, что как в период самой войны, так и сейчас, когда ее анализирую, не могу отрешиться от впечатления, что г-н Тухачевский совершенно не рассчитывал на эту поддержку, ибо он наметил себе столь далекие цели, как форсирование Вислы между Плоцком и Новогеоргиевском, что усматриваю из его приказа, который только теперь имею возможность читать.

Подобную цель не представлялось возможным связывать ни с топтавшейся нерешительно перед Бугом 12 армией. ни с надломленной армией Буденного, которая после неудач под Бродами битых несколько дней не проявляла никаких признаков своего существования. Если даже концентрация Советских войск под Варшавой, чего, говоря между прочим, я ожидал, удаляла г-на Тухачевского на 200 с лишним километров к западу от расположенной на Буге 12 армии, то „поход за Вислу" в нижнем ее течении, севернее Варшавы (чего я совершенно не ожидал) увеличивал это расстояние еще на добрую сотню километров, делая уже совершенно иллюзорным взаимодействие с оставшейся где-то далеко на востоке 12 армией.

Давая в начале своего труда характеристику г-на Тухачевского. я говорил, что усматриваю в нем тип вождя, слиш-

ком односторонне занятого единственно только собственной задачей и собственными мыслями. Тип этот я называю типом доктринера, для которого наполеоновская „réalité des choses“ [1]) редко существует. Полагаю, что и в данном случае г-н Тухачевский спокойно пренебрег положением дел на юг от своих армий и спокойно перешел к порядку дня над угрожающей ему опасностью. Другое упущение из виду „réalité des choses“, по моему мнению, выражалось в игнорировании противника, которого он в своем воображении, как и в своей книжке, так часто „крошил“, „разгромлял“ и „распылял“. Правда, он имел в этом отношении не мало оснований. Сражаясь до этого с ген. Шептицким, он выполнял свой „поход к Висле“ сравнительно очень легко, и всякие попытки к сопротивлению преодолевал, собственно, усилиями одной 4 армии.

Впрочем, он умел сконцентрировать зачастую против одной нашей 1 армии превосходные силы, оставляя против остальных наших войск незначительную часть своих, как будто бы имел полную уверенность в том, что с нашей стороны его не может встретить никакая неожиданность. Однако, когда г-н Тухачевский останавливается в своем труде на разборе обстановки, он всегда впадает в странное противоречие: с одной стороны, веря в столь часто повторяющиеся „разгромления“, он утверждает, что „это была уже не та армия, с которой пришлось нам бороться в июле этого года“, так как она была совершенно деморализована и, кроме „разгромления“, все ее тылы были переполнены дезертирами. А на-ряду с этим, в воображении г-на Тухачевского, внутри Польши всюду что-то „глухо волновалось“, или же „клокотало и бурлило“, благодаря обостренным классовым отношениям. Поэтому он мог игнорировать такого противника! Однако г-н Тухачевский даже в преувеличенном и не соответствующем действительности виде рисует неимоверно быстрый рост наших вооруженных сил в этот период. При этом он добавляет, что новые части, несмотря на то, что были вновь сформированы и недостаточно обучены, обладали хорошими боевыми качествами, и, как на одну из причин поражения под Варшавой, указывает на усилившуюся боеспособность нашей армии. Повторяю вновь, что подобные, явно не согласующиеся с „réalité des choses“ противоречия, может примирить только голова доктринера.

Результатом размышлений и суждении г-на Тухачевского явился приказ, отданный им 8 августа. Приказ этот приводится и у г-на Сергеева. Краткое содержание его читатель найдет на стр. 47—48 труда г-на Тухачевского вместе со схемой № 12, указывающей, как он представлял себе выполнение этого приказа. Добавлю, что приказ этот нам, польской сто-

[1]) Мир реальных вещей.

роне, был неизвестен, и мы были вынуждены удовлетворяться догадками, основанными на наблюдении за движениями противника. Игнорирование противника в этом приказе выступает чрезвычайно ярко. Г-н Тухачевский знал,—потому что говорит об этом в своих рассуждениях весьма ясно,—что именно в Варшаве и ее районе (а сюда я включаю и Новогеоргиевск) мы сосредоточивали возможно более крупные силы для обороны столицы. И, несмотря на это, г-н Тухачевский направляет на Варшаву и Новогеоргиевск две свои наиболее южные армии. Две же северные, в том числе и наиболее мощную—15-ю, бросает в обход Варшавы, приказывая форсировать Вислу между Плоцком и Новогеоргиевском. Он производит, следовательно, маневр, при котором силы его, уже оторванные на значительное расстояние от оставшейся на Буге 12 армии, должны быть еще раз расчленены столь широкой и сильной преградой, как Висла. Нужно иметь очень скверное мнение о противнике и его боеспособности, чтобы решиться на столь опасный маневр. В качестве прикрытия этого маневра с юга можно бы считать так называемую Мозырскую группу, которую г-н Сергеев считает в две дивизии. К ним была придана приближавшаяся, но находившаяся еще в далеком тылу 58 дивизия, переданная в распоряжение г-на Тухачевского из 12 армии. Однако, в приказе группа эта не получает определенной задачи прикрывать маневр. Наоборот, г-н Тухачевский приказывает ей также совершать „поход за Вислу", форсировав таковую в районе Ивангорода.

Повторяю, что ни об издании этого приказа, ни его содержания я совершенно не знал. Я следил только за движением Советских войск, приближавшихся отовсюду к Варшаве. Зная же крупное значение в войне всякой столицы, я полагал, что г-н Тухачевский будет стараться сконцентрировать все свои силы с тем, чтобы сломить наше сопротивление и занять Варшаву. Правда, я наблюдал также за некоторыми движениями конницы г-на Сергеева. которые не приближали ее к Варшаве, но как будто направляли 4 северную армию или, по крайней мере, ее конницу, в определенно западном направлении. Я, однако, приписывал это движение намерению г-на Тухачевского отрезать нас от моря, т.-е. Данцига, при помощи какого-либо кавалерийского набега, поддержанного какой-либо пехотной частью. Из анализа г-на Тухачевского усматриваю, что этот мотив в его планах также принимался в расчет. Однако, при отдаче приказа г-н Тухачевский, видимо, оставил в стороне Данциг, так как 8 августа он приказывает 4 северной армии выставить единственно только в направлении Торна слабый заслон.

Есть еще одно странное недоразумение в рассуждениях г-на Тухачевского относительно нашего образа действий. А именно: он утверждает. что мы вывезли почти все войска

из В. Галиции, оставив там только украинские части Петлюры и ген. Павленко вместе с одной кавалерийской дивизией. Хотя г-н Тухачевский и сам отчасти сомневается в этом и добавляет, что кое-что из наших дивизий, в виде остатков нашей армии, также смогло остаться, однако, расхваливая нас в другом месте за такую смелость, старается, как мне кажется, установить увеличение числа собранных против него наших сил, а на-ряду с этим и найти более тяжелое обвинение против южных коллег, которые не пришли ему на помощь в момент поражения под Варшавой. Между тем дело обстояло совершенно иначе. Из состава нашей 6 армии убыли только 18 дивизия и незначительная часть конницы, тогда как 12, 13 и половина 6 дивизии оставались на месте. Прибыла же сильно потрепанная на севере 5 дивизия, которую я приказал направить во Львов для пополнения и реорганизации, так как она была сформирована преимущественно из жителей Львова и поляков Восточной Галиции. Еще тогда, когда г-н Тухачевский готовился к отдаче своего приказа, т.-е. 6 и 7 августа, против 12 армии стояли наилучшие мои дивизии—1-я и 3-я легионеров. Группировка эта не могла быть абсолютно неизвестной г-ну Тухачевскому, и если прибытие в Варшаву 18 дивизии могло ускользнуть из-под его наблюдения, то все остальные переброски, произведенные к тому же позже, определенно не могли быть принимаемы в расчет в момент решения 8 августа. Я задерживаю так долго внимание читателя на этих вступительных рассуждениях по той причине, что в обеих главах г-на Тухачевского, посвященных приготовлениям к Варшавской операции, зачастую весьма трудно отыскать историческую правду, так как в свой труд он внес огромное количество сожалений по поводу неудавшейся операции и множество аргументов и мотивов, не связанных с его мыслями перед изданием приказа от 8 августа, но вытекающих из позднейших колебаний и анализа.

По странному стечению обстоятельств основные приказы для Варшавского сражения обеими сторонами были изданы почти одновременно, разницу составляют всего лишь двое суток, так как наш приказ был издан 6 августа. Прежде всего, я хочу опровергнуть комичное утверждение, что якобы с этой датой был связан какой-то военный совет, так как в течение всей войны все основные решения я принимал сам, не созывая никогда никаких советов. Когда 2 августа я вернулся из Холма в Варшаву, я нашел ее, как уже упоминалось выше, в весьма тревожном состоянии. Сразу же мне пришлось испытать давление окружавшей меня военной среды, клонившееся к тому, чтобы я приступил к принятию новых решений и отдаче распоряжений, так как наша столица Варшава находилась под угрозой. Все без исключения считали, что именно Варшава, а не что-либо другое является целью

операции г-на Тухачевского. Состояние всех руководящих органов, как военных, так и гражданских, было весьма нервное. Постоянно постигавшие нас в течение целого месяца неудачи со всеми моральными и материальными последствиями поражений, как это обыкновенно бывает в подобных случаях, неимоверно сильно угнетали всех военных. Что же касается лично меня, то я и сам, приняв решение бороться до конца, находился тем не менее под впечатлением только-что неудавшейся комбинации, связанной с планом контр-атаки из района Бреста, и в первый момент не находил положительно никакого разумного решения. Поэтому-то я сразу же отстранил всякое давление на себя, обещав вынести решение 6 августа. Уже в этом выборе даты, считавшейся мною счастливой, так как она связывалась с моим недавним прошлым—днем выступления в 1914 г. из Кракова на войну, каждый аналитик легко подметит чувство неуверенности в себе и как будто моральную неустойчивость, ибо давно прошли те времена, когда полководцы держали около себя кудесников, определявших счастливые и фатально неудачные дни. Смею поэтому утверждать, что дата приказа находилась вне всякой зависимости от справедливой или несправедливой оценки кем-либо обстановки. Ввиду того, однако, что вокруг этого решения сплелся у нас впоследствии чрезвычайно смешной узел сплетен, догадок и легенд, даже брошюр и изданий, отражение которых нахожу как у г-на Тухачевского, так и у г-на Сергеева, я остановлюсь несколько, просто ради исторической точности, на этом, совершенно, впрочем, неважном для анализа, вопросе.

По служебному положению в то время ближе всего ко мне стояли три лица: ген. Розвадовский, как начальник штаба, ген. Соснковский, как военный министр, и недавно прибывший из Франции ген. Вейган, как технический советник французско-английской миссии, присланный к нам в это грозное для нас время. Мнения этих лиц о создавшейся обстановке резко расходились. А так как обстановка была необычайно лихорадочна, то, по всей вероятности, и дебаты между ними в мое присутствие были не весьма приятны. Я застал в Варшаве такую обстановку, при которой двое из них—ген. Розвадовский и ген. Вейган—разговаривали между собою, как я в то время шутя выразился, только посредством дипломатических нот, пересылаемых на Саксонской площади из одной комнаты в другую. Примирителем же противоречий и добрым опекуном над этой вечно спорящей парой был военный министр ген. Соснковский. Г-н Тухачевский, очевидно, кое-что слыхал об этих спорах, раз говорит, что французские и польские авторы любят сравнивать сражение на Висле с операцией на Марне. Действительно, во всех разговорах Марна упоминалась весьма часто, при чем двое из этих лиц—ген. Вейган и ген. Соснковский—к Марне имели специальное пред-

расположение. Как некогда маршал Жоффр хотел иметь речную преграду Марны или Сены, за которой мог бы произвести перегруппировку отступавших войск к левому своему флангу, где находилась столица — Париж, так и в данном случае за речной преградой Сана и Вислы искали возможности маневра сильным левым флангом — в столице Варшаве и в ее районе — Новогеоргиевске. Как там, так и здесь изыскивали возможность контр-удара левым флангом, выходящим из столицы. Ген. Розвадовский был противником этой Марны, поскольку вообще был противником всего того, что говорилось из другой комнаты в здании на Саксонской площади. Впрочем, как истинный патриот В. Галиции, он внутренне не мог примириться с известным, но враждебным ему лозунгом „за Сан". Зато ген. Розвадовский, как обычно, впрочем, сыпал предложения, как из рукава, не останавливаясь ни на одном из них, и менял их чуть ли не каждый час.

Если пишу так о ген. Розвадовском, то отнюдь не с целью причинить ему какую-либо обиду, а делаю это ввиду замечавшегося у нас желания осмеять этого генерала, который именно в этот тяжелый для нас период выявил немало заслуг. Избрал я его в качестве своего начальника штаба не потому, чтобы он был для этой должности наиболее подходящим, а потому, что являл собою счастливое и почетное исключение среди большинства тогдашних старших генералов. Никогда он не терял присутствия духа, энергии и моральных сил; хотел верить в нашу победу в то время, когда многие и очень многие потеряли уже всякую надежду, а если и работали, то с надломленной волей.

Это примиряло меня с его крупными, как начальника штаба, недостатками, ибо не знаю, существовало ли вообще для него какое-либо мнение, которого он сумел бы придерживаться в течение хотя бы одного часа. Поэтому-то нисколько я не удивлялся, что привыкший к систематической работе в штабах ген. Вейган вынужден был прибегнуть даже к дипломатическому методу для поддержания взаимных отношений [1]).

Лично я мало принимал участия в спорах и дискуссиях, но наряду с другими, даже с г-ном Тухачевским, я положил начало историческому сравнению, которое и теперь, кажется

---

[1]) Какой-то дурачок („бубек") в недавно изданной брошюре „Кампания 1920 г. в свете истины", вышучивает ген. Розвадовского приписывая ему небывалые вещи, и с целью как бы унизить меня, как главнокомандующего. Брошюра эта уже вызвала острое осуждение со стороны офицера, с которым я работал над оперативными вопросами больше, нежели с ген. Розвадовским,—ген. Пискора. Не думаю, чтобы стоило заниматься подобного рода литературой, ибо если автор ее является поклонником ген. Розвадовского, то, поистине, можно повторить русскую пословицу — „услужливый дурак опаснее врага".

мне, является наиболее удачным, поскольку вообще исторические сравнения могут быть удачными. Г-н Тухачевский, желая придать своим упрекам по отношению к своим южным коллегам возможно более яркое выражение, сравнивает операцию под Варшавой с поражением Самсонова в Восточной Пруссии в 1914 г. Там ген. Ренненкампф, так же, как здесь Буденный и командующий 12 армией, ставя себе другие цели, не пришел своевременно на помощь Самсонову, когда маршал Гинденбург, сосредоточив против него свои силы, наносил ему поражение. Что же касается меня, то я „поход за Вислу" г-на Тухачевского сравнивал с походом, и тоже „за Вислу", ген. Паскевича в 1830 году. Я утверждал даже, что идея и план марша, возможно, взяты из архива русско-польской войны 1830 года.

Прочитав труды г-на Тухачевского и г-на Сергеева, я с известной долей триумфа обнаружил, что некоторые мотивы, известные мне в отношении фельдмаршала Паскевича, сражавшегося с революционной Варшавой и в память своих деяний получившего титул князя Варшавского, удивительно схожи с мотивами г-на Тухачевского, когда он, спустя почти столетие, посягал на нашу столицу. Г-н Тухачевский, как и Паскевич, упирал свой правый фланг—большинство своих сил—якобы в нейтральные, но явно враждебные нам государства. Уже с самого начала г-н Тухачевский имел большую выгоду от того, что Литва начала ему активно помогать. С определенным беспокойством следил я также и за событиями, когда его правый фланг таким же образом стал упираться в Восточную Пруссию. Мною было приказано даже собрать данные, не извлекал ли он той пользы, какую некогда имел Паскевич. Этот последний, имея, как и г-н Тухачевский, весьма тяжелые тылы и затруднительные условия сообщения, искал со стороны Пруссии помощи, основанной на взаимных интересах оккупантов Польши, помощи в виде поставок для армии всего того, что было необходимо для ее существования. Я особенно опасался достаточки боеприпасов, каковых Тухачевскому могло не хватить после длительного марша от Березины и Двины к Варшаве.

Все исторические примеры грешат, но, тем не менее, они все же являются потребностью всякого мыслящего человека. Военные же в особенности должны обладать этим качеством, так как чаще всего они свой ум и волю развивают на военно-исторических работах, даже касающихся давно минувшего. Поэтому исторические примеры зачастую являются, как я их называю, мысленными узлами в рассуждениях командующих. Никогда не становятся они так сильны и могущественны, как иные мысленные узлы из разных доктрин и доктринок; и при исторических примерах, приводимых в дискуссиях, обыкновенно менее всего необходим могу-

щественный окрик из-под башни Инвалидов в Париже: „Mais c'est la réalité des choses qui commande. messieurs“ [1]). ибо исторические примеры редко бывают движущим фактором для людей, а, следовательно. и для полководцев. Однако, разбирая эту тему и скрещивая на литературном поприще шпаги с г-ном Тухачевским, не хочу упустить случая сказать ему, что пример Марны для него также не лишен поучительности.

Естественно, суть здесь не в стратегической группировке и не в условиях боя, ибо по существу они не имеют ничего общего между собою по самой простой причине. В то время как ген. фон-Клук подставлял свой правый фланг Парижу, приближаясь к соседней армии ген. Бюлова, г-н Тухачевскии удалялся от своих южных соседей, оставляя под угрозой скорее свой левый фланг, правый же, в соответствии со своими намерениями, он упирал в нейтральную, но враждебную Польше, Восточную Пруссию. Сходство нахожу скорее в психологической подкладке приказов и действий немцев в 1914 г. и г-на Тухачевского в 1920 г., а именно—в игнорировании противника. Г-н Тухачевский „крошил“, „громил“ и „распылял“, генералы же фон-Клук, фон-Бюлов и фон-Гаузен, не пользуясь этими российскими определениями в своих донесениях, посылали ежедневно в главную квартиру полные триумфа рапорты о „Sieg'e“ [2]), где противник „fluchtartig“ [3]) избегал столкновений с грозными когортами немцев. А когда в главной немецкой квартире в разгром французской армии, на основании этих донесений, наконец, поверили,—у этих генералов были изъяты для других нужд государства два корпуса, которых именно и не хватило для „Sieg'a“ на Марне. У нас же. как видно из трудов г-на Тухачевского и г-на Сергеева, чаще всего „распыляемыми“, наиболее „сокрушаемыми“. всегда окончательно деморализованными и неспособными к бою оказывались при отступлении от Двины и Березины к Висле три наших дивизии: 8, 10 и 1 Литовско-Белорусская.

Как раз именно эти-то дивизии выдержали морально лучше всех все отступления, и их контр-атакой был надломлен первоначальный успех при непосредственном ударе на Варшаву.

Переходя к решению, принятому мною 6 августа. я сразу должен отметить. что во всех этих дискуссиях, к которым я зачастую нехотя прислушивался, никогда не принимались во внимание два чрезвычайно важных для меня, как главнокомандующего, мотива. Одним из них был тот факт, что мы собирались вести мирные переговоры. Именно. под давле-

---

[1]) Но, господа, господствующими являются реальные ве ци (Наполеон).
[2]) Победе—по-немецки.
[3]) В бегстве—по-немецки.

нием того, что г-н Тухачевский называет заговором международного капитала или международной буржуазии, которая, якобы, нами управляла, мы должны были выслать делегацию не куда-либо, а именно в Минск, местонахождение г-на Тухачевского, чтобы молить о мире. Иначе, как вымаливанием, этого назвать не могу, ибо мирные переговоры должны были начаться в момент, когда победоносный противник стучался в ворота нашей столицы и грозил уничтожением организации государства раньше, чем вымолвит слово о мире. Не знаю, что тогда перечувствовали и передумали уважаемые участники исторической дискуссии на Саксонской площади, не знаю, и никогда я этого не исследовал. Знаю только, что меня, человека, которого учили и все-таки не сумели научить покорности, момент этот угнетал больше всего,и, как главнокомандующий и Начальник государства, я вынужден был принимать серьезные меры к тому, чтобы наша делегация не выезжала из столицы без уверенности в защите нами этой столицы. Это обстоятельство, как увидим ниже, сильно отразилось на моем решении.

Вторым обстоятельством, которое не дискуссировалось, но которое является одной из наибольших трудностей для командующих, была бросающаяся в глаза необходимость реорганизации всего командования, раз мы решаемся взять инициативу в свои руки. Согласно моего прежнего решения, о котором упоминалось выше, мною уже были сменены командующие на севере ген. Шептицкий и ген. Жигадлович. Ген. Шептицкий, как это и предполагалось мною, был отстранен от командования по выходе армии на линию р. Буг; ген. Жигадлович, командующий 1-й армией, и того раньше: уже после падения Гродно он был замещен ген. Ромером. С искренним удовольствием я констатирую, что с момента, когда этот энергичный генерал принял в свои руки командование, наша 1-я армия, несмотря на то, что ей вновь приходилось выдерживать на себе натиск сосредоточенных на севере трех армий противника, сумела проделать то, чего вообще я требовал от севера—выигрыша времени.

Отлично помню и всегда с удовольствием вспоминаю тот момент, когда в один прекрасный день, просматривая схему дневной обстановки, составленную на основании полученных донесений, я обнаружил неожиданный и неизвестный до того времени факт, что право-фланговая дивизия 1-й армии (1 Литовско-Белорусская) была опережена при отступлении на запад соседней 4-й армией настолько, что должна была глубоко загнуть свой правый открытый фланг. Впрочем, и сам г-н Тухачевский признает, что сопротивление нашей 1 армии на линии р. Нарев была первым серьезным препятствием, какое ему пришлось встретить при своем походе к Висле. Но при решении, которое я намерен был принять, не говоря

уже о переменах в личном составе, многое должно было перемениться в организации управления и в разграничении задач. В противном случае сама мысль о взятии инициативы в свои руки была бы заранее обречена на неудачу.

Бремя этих двух обстоятельств, о которых никто не дискуссировал, ложилось непосредственно на меня, при чем первое из них было бременем почти непосильным, ибо в основе его лежал как бы нажим стратегической бессмыслицы, логического абсурда. С этим бременем мне пришлось иметь больше всего дела, когда вечером 5 августа и в ночь на 6-е, не на каком-либо совещании, а в уединенной комнате в Бельведере, я перерабатывал самого себя, чтобы вынести решение. Существует замечательное определение величайшего знатока души на войне—Наполеона, который говорит о себе, что когда он приближается на войне к вынесению важнейшего решения, то становится comme une fille qui accouche—„как бы девушкой, собирающейся рожать". Не раз после этой ночи я думал о большой гибкости и тонкости мысли Наполеона, который, несмотря на слабость прекрасного пола, себя,—великана воли и гения, сравнивает со слабой девушкой, мучающейся на родильном ложе. Он говорит о себе, что в таких случаях бывает pussillanime — малодушным. В состоянии этого мучительного малодушия я дольше всего не мог разобраться в бессмыслице создавшейся для боя обстановки, в бессмыслице пассивности большинства моих сил, собранных в Варшаве. Вести контр-атаку из Варшавы и Новогеоргиевска, по моему мнению, было нельзя. Всюду она наносила бы противнику фронтальный удар, натыкаясь на его главные силы, стягиваемые, как мне казалось, всей своей массой к Варшаве, а до этого времени ни наши войска, ни их командиры никак не могли справиться с победоносным противником. Кроме того, над всей Варшавой висел призрак мудрствующего бессилия и умничающей трусости. Ярким доказательством этого была высланная с мольбой о мире делегация. Варшаву я заранее обрекал на пассивную роль, на вынесение надвигавшегося на нее натиска. Но даже в этом случае я не хотел предназначать для пассивной роли значительного большинства своих сил. Когда же я думал об уменьшении количества пассивных сил, я начинал беспокоиться о том, выдержит ли это Варшава и не вызовет ли сам факт выступления из Варшавы хотя бы части введенных в нее войск упадка слабых моральных сил и сомнения в возможности обороны. Я отлично знал из прошлого наблюдения над Львовом, что значит большой город, когда на его периферии идет бой, и когда по улицам его, как это имело место тогда в Варшаве, по всем направлениям шатаются элементы непосредственных тылов находящихся в бою частей. В таких случаях солдат вынужден жить с городом общей жизнью, и малейшие колебания в ту

или другую сторону настроений города подрывают или же поддерживают его силы. Я отлично помнил, что большинство наших сил, сосредоточенных в Варшаве, прибывало в столицу после целого ряда поражений, после длительных и беспрерывных неудач. Уменьшить число этих сил, вывести из Варшавы уже побывавшие в ней части, казалось мне опасным. Значит, обрекать на пассивность десять дивизий—почти половину польских сил? Вот вопрос, который я себе ставил. Я перебирал без конца силы гарнизонов, предназначавшихся для Варшавы и Новогеоргиевска. Благодаря чрезвычайной энергии, которую развил в отношении Варшавы ген. Сосновский, сразу же бросалось в глаза огромное и небывалое еще у нас на войне сосредоточение артиллерии. Приближалось оно в значительной степени к тому идеалу, какой наметил „опыт мировой войны". Артиллерия, следовательно, могла развить действительно ураган огня, а не такой, которым меня так часто угощали в донесениях. Поэтому-то, исходя из логики войны и тактики, мне вновь казалось возможным заменить хотя бы часть живой силы пехоты, способной маневрировать, усиленной мощностью артиллерийского огня. Но сколько раз я ни делал попытки убедить себя в необходимости недопущения столь очевидной для меня бессмыслицы, столько раз я отступал от решения, придавленный ответственностью за государство и его столицу. Я не мог заставить себя надеяться ни на моральные силы войск и жителей столицы, ни на стойкость руководителей тех и других. Эта бессмыслица обстановки настолько сильно меня мучила, что, в самом деле, по временам казалось мне, что из всех углов что-то хихикает и издевается надо мною, когда бессмыслицу и очевидную нелепость я брал за основу своих расчетов или своего решения. Все комбинации, какие допускались мною при этих исходных данных для создания фактора движения и атаки, по необходимости должны были дать силы более слабые и значительно менее обеспеченные, нежели пассивная часть их, предназначенная исключительно для обороны. Ибо откуда ее, эту силу, можно было взять, как организовать ее для движения? Когда я продумывал вопрос о необходимости инициативы и начинал переделывать свои расчеты, бессилие плевало мне прямо в лицо. Расчеты эти никогда мне не удавались. Первое, что сразу же бросалось в глаза, была медленно отступавшая с р. Буга 4 армия. Кратчайшее направление, в котором теснил ее противник, вело на Вислу между Варшавой и Ивангородом. Не было там ни мостов, ни удобных переправ. При более сильном натиске противника она могла быть отброшена на Вислу и очутиться в совершенно критическом положении. Необходимо было двинуть ее или к Варшаве, или к Ивангороду, или же расчленить пополам, бросив одну часть на север, другую на юг. Таким образом,

если бы эту армию всю целиком или же большую часть ее свернули к югу, можно было бы собрать немного свободных сил, не связанных с Варшавой. Эта операция, однако, требовала немедленного и хотя бы непрочного занятия войсками западного берега Вислы на участке ее между Варшавой и Ивангородом. И тут снова возрастала пассивная часть войск за счет сил, способных для производства удара. Некоторое опасение вызывало и моральное состояние 4 армии. Проделала она почти такой же путь отступления, как и 1 армия, имея за собой, быть может, и меньшие бои, но поспешная и неожиданная потеря Бреста, столь свежая еще в моей памяти. нисколько не склоняла меня к уверенности в этом отношении.

Вторым источником сил для меня мог явиться юг, откуда была уже снята 18 дивизия. Юг находился в положении, более счастливом, нежели север, а усиленная боевая работа и неутомимая деятельность командиров давали большую гарантию моральной силы снятых оттуда войск. Весьма значительным облегчением при этом являлся тот факт, что Буденный со всей своей конницей был вытеснен перед фронт наших войск, благодаря чему движение по железным дорогам и пешие марши не могли быть нарушены неприятельской подвижной кавалерией. Когда, однако, я пытался подсчитать, что смогу оттуда получить, то постоянно и всегда приходил к выводу, что нельзя в более или менее значительном размере ослаблять своих сил на юге. Победа над Буденным была весьма половинчатой, и хотя казалось, что он не в состоянии будет предпринять немедленно новое наступление, однако, при попытке значительного ослабления наших сил, по моему мнению, не исключалась возможность того, что принесшая нам уже столько вреда конная армия снова начнет свое движение вперед. Ее же естественным и наиболее опасным для нас движением было бы сближение с главными силами Советских войск, т.-е. с армиями, которыми командовал г-н Тухачевский. Таким образом, все комбинации, которые строились мною в этой области в ночь с 5 и 6 августа, давали мне возможность снять с юга, если не действовать без особенного риска, только каких-нибудь два полка пехоты и, быть может, какую-нибудь бригаду конницы. Такая группка не могла иметь серьезного значения для сильной контратаки и не в состоянии была оказать более или менее серьезное влияние на моральное состояние других войск. Суммируя таким образом все данные, полученные в процессе моей работы, я приходил постоянно к тому результату, что для контр атаки можно было использовать от 3 до 4 пехотных дивизий с небольшим количеством конницы. Но что это могло значить в отношении к противнику, который до того времени неустанно разбивал сопротивление большинства сил нашей армии?

Все комбинации давали ничтожное количество сил, бессмыслицу исходных данных, безумие бессилия или чрезмерный риск, перед которым логика отступала. Все представлялось для меня в мрачных красках и безнадежным. Единственными же светлыми пятнами на моем горизонте являлись *отсутствие на тылах конницы Буденного и бессилие 12 армии*, которая после поражения на Украине не была в состоянии оправиться. Реорганизация командования намечалась сравнительно ясно. С момента, когда большинство войск будет тесно сгруппировано в Варшаве и ее районе, над ними должно быть установлено единое командование, при чем количество сосредоточенных уже здесь войск вызывало необходимость разделения их на две армии. Контр-атака. независимо от того, какими силами она будет произведена, должна быть руководима одним начальником. Юг, защищавший от опасности север, должен был быть объединен также единым командованием. Все это в корне ломало прежний план командования войсками. Самая трудная задача падала на того, кто, будучи слабым, должен был проявить силу, и кто, вопреки здравому смыслу, должен был сыграть решающую роль. Я заранее решил, что ни от кого из своих подчиненных я не вправе требовать, чтобы он взял на свои плечи эту бессмыслицу, и с момента, когда я, как главнокомандующий, беру бессмыслицу за исходную точку, я должен взять на себя также и выполнение наиболее бессмысленной части своего плана. Поэтому-то я заранее остановился на мысли, что предназначенной для контр-атаки группой, независимо от того. будет ли она более сильной или слабой, командовать буду лично я. Улыбалась мне отчасти эта мысль еще и потому, что в период решающей операции мне предстояло быть постоянным объектом давления со стороны мудрствующей трусости и умничающего бессилия.

Сопоставив по нескольку раз все свои попытки скомбинировать какой-либо выход, я вынес решение в отношении двух вопросов: оттянуть к югу большую часть нашей 4 армии и, рискнув южным заслоном, взять из его состава две дивизии, а именно 1 и 3 легионеров, которые я считал наилучшими. Затем я окончательно решил, что контр-атакой буду руководить лично, хотя заранее предугадывал, что внесу беспорядок в командование войсками тем самым, что возьму на себя, быть может, на более продолжительное время непосредственное командование незначительной частью тех войск, главнокомандующим которых я являлся.

Когда 6 утром явился ко мне за распоряжениями ген. Розвадовский. он вошел в мой кабинет со схемой, представлявшей собою еще одно предложение или комбинацию. Схема эта представляла собственно решение вопроса, что делать с 4 армией, коль скоро она вынуждена будет, очевидно, от-

ступать на участок Вислы, лишенный мостов, не имея возможности преодоления этой широкой преграды. На этой схеме ген. Розвадовский пытался использовать отступательное движение 4 армии с тем, чтобы сконцентрировать ее, насколько мне помнится, в количестве нескольких дивизий в районе Гарволина. Предполагая же, что противник стягивает свои силы определенно к Варшаве, он предлагал ударить этой сконцентрированной группой на север, т.-е. в направлении на Варшаву. Я сразу же отбросил этот проект и подобную мысль, говоря, что сомневаюсь, будто при подобных условиях можно выполнить даже сосредоточение. Противник, имеющий все время перевес в силах, свободно не допустит изменения фронта, и сосредоточиваемая группа вынуждена будет тогда или удирать в Варшаву, или, что еще хуже, будет отброшена к Висле, а это может окончиться для нее катастрофой. И тут же я указал ему, что 4 армия в большей своей части должна отойти далее на юг, чтобы там сконцентрироваться и перейти в контр-атаку. Кроме того, я категорически приказал снять с южного фронта 1 и 3 дивизии легионеров для усиления группы, предназначенной для контр-удара. Понимая же, что ослабленный таким образом южный фронт не сможет, по всей вероятности, действительно задержать находившегося перед ним противника, я поручил отдать нашей 6 армии приказание, в случае нажима со стороны противника, медленно отступать ко Львову. В случае же движения на север Буденного я приказал, чтобы вся наша конница, совместно с лучшей из находившихся там пехотных дивизий, немедленно двинулись за конной армией Буденного, стараясь во что бы то ни стало задерживать ее в походе. После краткой дискуссии местом сосредоточения ударной группы нами был избран район, прикрытый сравнительно широкой рекой Вепржем, при чем левый фланг должен был упираться в Ивангород и прикрывать таким образом все мосты, как на Висле, так и на Вепрже. На этих основаниях был разработан приказ от 6 августа, регулировавший стратегическое расположение войск, имевшее в виду сражение под Варшавой (см. схему № 6).

Момент отдачи мною основного приказа, подготовлявшего сражение, почти совпадал с моментом отдачи приказа г-ном Тухачевским. Когда теперь сопоставляю этих два приказа, неимоверно сожалею, что я не мог в то время проникнуть в тайны издававшегося в Минске приказа г-на Тухачевского. Сколько душевных сомнений я избежал бы! Сколько других, более эффектных планов можно было бы создать, если бы допустить, что г-н Тухачевский не ставит себе целью наступление всеми силами на Варшаву! Это деление войск на две части с направлением двух армий не для непосредственной атаки, а для выполнения длительного марша и, быть может,

еще более длительной переправы через широкую Вислу, освободило бы меня от половины беспокойства за участь Варшавы. И я почти уверен, что не нужно было бы мне столько мучиться над основной бессмыслицей, которую я положил в основу своего решения. Две Советские армии должны были тратить время, идя впустую, а время в этот момент было весьма дорого. Время же это тратил противник, а я без всякого труда его выигрывал. Совершенно не препятствуя этому, столь выгодному для меня проигрышу во времени г-ном Тухачевским, я попробовал бы тогда использовать стянутые и сосредоточенные силы для действий по внутренним операционным линиям и разбить противника по частям. В таком случае, кто знает, не заставил ли бы я тогда нашу 4 армию отступать не куда-либо, а только в Варшаву.

Бессмыслица моего основного приказа от 6 августа усиливалась еще тем обстоятельством, что все пассивные группы были уже или собраны, или же должны были отступать по кратчайшим и естественным направлениям.

Исключением, могущим возбудить сомнение в удаче этого плана, являлась именно активная, ударная группа, ибо все части, которые должны были войти в состав этой группы, находились в непосредственном соприкосновении с противником, а направление движения, которое вело их к месту сосредоточения, требовало весьма сложного маневра, не похожего на простые и обыкновенные военные действия. А именно: 14, 16 и 21 дивизии 4 армии, находившиеся еще 6 и даже 7 августа в горячих боях на Буге, должны были не только оторваться от противника, но проделать еще рискованный, почти фланговый марш для достижения района за Вепржем. Особенно относилось это к 14 дивизии, которая была наиболее удалена на север, под Яновом, и должна была совершить самый длинный полуфланговый марш вплоть до Ивангорода. Какой-нибудь случай, более сильный натиск со стороны противника в том или ином месте, моральная расхлябанность, столь частая до этого времени в той или иной дивизии или полку, ставили весь маневр под знак вопроса, не давая никакой уверенности, что ударная группа, которой я решил командовать лично, соберется своевременно и в назначенном мною составе. Еще хуже и сложнее складывалась обстановка для тех двух южных дивизий, которые я выбрал для участия в контр-атаке, а именно: 1-я и 3-я легионерск. Мною было приказано придать им и часть конницы, для которой выступление было, естественно, легче, но для обеих пехотных дивизий, отстоявших от места сосредоточения на расстоянии от 150 до 250 километров и находившихся в соприкосновении с противником, задача превышала, по тогдашнему и теперешнему моему мнению, нормальные человеческие силы. Про себя я рассчитывал, что ген. Рыдз-Смиглый,

на которого выпала эта задача, сумеет стянуть к месту концентрации, максимум. одну пехотную дивизию и одну кавалерийскую бригаду, несмотря на то, что приказ гласил иначе. О второй дивизии, которой мною было приказано двигаться также на север, я не позволял себе даже мечтать.

Поэтому-то нет ничего удивительного, что с 6 по 12 августа я лихорадочно следил за тем, насколько удается этот рискованный и ненадежный маневр. Наблюдения в эти дни за противником и его действиями абсолютно не наводили меня на какие-либо подозрения насчет того, что войска г-на Тухачевского, действуя согласно его приказа от 8 августа, обходят Варшаву. Правда, отмечались движения в направлении к западу, т.-е. к Висле ниже Новогеоргиевска. Был атакован Цеханов, был атакована Млава и были слабые, впрочем, движения в направлении Плоцка и Влоцлавска. Но это были движения конницы. которая, как я полагал, имеет целью прервать сообщение Варшавы с морем—с Данцигом. Что же касается отступления дивизий нашей *4 армии, то таковое происходило почти без помех со стороны противника,* так как последний явно стягивал к северу свою 16 армию, имея южный фланг ее на шоссе Брест—Варшава. Когда же дивизии 4 армии миновали это шоссе, направляясь на юг к Вепржу, натиск со стороны противника почти прекратился. Поэтому я мог быть уверенным. что все три дивизии своевременно успеют прикрыться Вепржем и перейти в мое распоряжение.

Ген. Рыдз-Смиглый справился со своей задачей чрезвычайно ловко. Его операции и действия 1 и 3 дивизий легионеров представляют собой один из славнейших подвигов, какие только имеет за собой польская армия. Ген. Смиглый и обе его дивизии нашли решение столь сложной задачи в активных действиях. В соответствии с моральной силой, коей они обладали, обе дивизии искали прежде всего победы над противником, с которым находились в соприкосновении, чтобы, выиграв таким путем во времени, спокойно отойти к северу, куда я их призывал. 1-я дивизия легионеров 8 августа разбила 24 Советскую дивизию и, захватив у нее около Гороxова 8 орудий, форсированным маршем направилась к Сокалю, где ее уже ожидали приготовленные ж.-д. составы. Отправка 1 дивизии совершилась беспрепятственно. То же самое проделала и 3 дивизия под Грубешовым, однако—увы!—за отсутствием приготовленных заранее ж.-д. составов вынуждена была совершать свое движение к северу походным порядком. Опоздание этой дивизии вызвано было также и трудностью своевременного вручения ей соответствующего приказа. Перед своим уходом, однако, дивизия эта успела разбить переправлявшегося уже через Буг противника и, отбросив его за реку, захватила у него богатую военную добычу. Бои 1 и 3 дивизий имели еще одно интересное и характерное послед-

ствие. А именно: у одного из убитых где-то около Холма наших офицеров противником был найден наш приказ от 6 августа, содержащий распоряжения относительно новой группировки сил. Неосторожность эта, так часто повторяющаяся в истории войны и так сурово наказуемая всеми уставами всех армий, отдавала в руки Советов весь секрет наших движений. В трудах г-на Тухачевского и г-на Сергеева я нахожу указание, что Советское главное командование не придавало абсолютно никакой веры этому документу, так как из той же 12 армии поступили донесения, что предназначавшиеся для атаки на севере 1 и 3 дивизии ведут успешные бои на юге под Грубешовым, а не где-то там в районе Любартова, куда призывал их приказ от 6 августа. Г-н Тухачевский, который на 44 стр. заявляет, что он имел по этому поводу спор со своим старшим начальником, со своей стороны не предпринял, однако, ничего, чтобы самому обеспечить находившиеся под угрозой свой левый фланг и тылы.

Перед моим отъездом, вечером 12 августа, из Варшавы, у меня на Саксонской площади произошел окончательный разговор с тремя вышеупомянутыми лицами. В этом разговоре я следующим образом высказал свой взгляд на обстановку: во-первых, из 20 дивизий, которые должны были принять участие в решающем сражении за нашу столицу Варшаву почти 15, следовательно $^{3}/_{4}$, будут играть пассивную роль, и едва лишь $^{1}/_{4}$, или пять с половиной дивизий, одна из коих опаздывает в пути, получают активную задачу. Варшава, кроме сосредоточенных в ней десяти с половиною дивизий, располагает еще и огромным количеством артиллерии, и поэтому полагаю, что даже одним артиллерийским огнем в соединении с применением авиации, сосредоточенной также в Варшаве, сравнительно легко можно будет задержать противника. Поэтому не думаю, чтобы время могло иметь для Варшавы большое значение. Наоборот, полагаю, что интересы всей операции в целом заключаются в нанесении противнику возможно больших потерь при атаке и принуждении настолько сильно связать себя боем с варшавским гарнизоном, чтобы он не был в состоянии противопоставить более крупных сил приближающимся под моим командованием войскам, т.-е. пяти дивизиям. Во-вторых, я указал, что сосредоточенные для контр-атаки войска, т.-е. пять с половиной дивизий, должны иметь некоторое время для отдыха и принятия надлежащей группировки, а также и для получения пополнений которые были для них предназначены. Должен также иметь время и я сам для осмотра войск, так как опасаюсь, что их моральное состояние не настолько высоко, как это было бы желательным для столь трудной и рискованной операции. Поэтому-то не думаю, чтобы я мог начать операцию раньше чем 15 августа, однако, в течение двух дней от начала опе-

рации я сумею, как допускаю, подойти настолько близко к атакованной Варшаве, что общая военная работа с большинством сил, сосредоточенных в Варшаве и ее районе, станет уже возможной. При этом я указал, что в последнем случае было бы желательно, чтобы южная часть варшавского гарнизона с придачей ей всех танков, каковые следует собрать на этом участке, повела бы наступление вдоль шоссе, идущего в сторону Минска и Бреста. Это являлось необходимым потому, что я имел намерение атаковать на очень широком фронте, и тогда 14 лево-фланговая дивизия, которая должна была следовать вдоль Люблинского шоссе, могла очутиться в весьма тяжелом положении, если бы, будучи изолированной, наткнулась на более крупные силы противника. В третьих, я указал на грозную опасность, которая превращает руководимый мною маневр в чрезвычайно рискованное предприятие, ибо снятием с южного фронта 1 и 3 дивизий легионеров я открывал как бы входные ворота между прочим и для конной армии Буденного. Несмотря на то, что там находится наша конница, имеющая приказ задерживать конную армию Буденного в ее движении к нам, опыт прошлого, однако, не дает мне уверенности в выполнении этого приказа. Можно ожидать, что в короткий промежуток времени я буду иметь на своих непосредственных тылах марширующую от Сокаля и Грубешова конную армию Буденного или часть ее, что в значительной степени может сделать напрасными все мои усилия. При этом я отметил, что на Буге, против 12 Советской армии, оставляю очень слабые силы—7 дивизию в районе Холма и к югу от нее весьма слабую 6 Украинскую дивизию.

Наконец, при прощании с ген. Сосновским я указал ему на беспорядок, существующий как в самом командовании войсками, так равно и в их организации, и потребовал от него постоянного и всемерного внимания, направленного на устранение всех этих групп, подгрупп, надгрупп, предгрупп и загрупп, которых, несмотря на все мои старания, оставалось еще так много, что были, например, командиры со штабами, но без войск, а в некоторых случаях сто солдат делилось на три группы, находившихся под командованием генералов.

Дальше я ему указал на необходимость и впредь быть ангелом мира в отношении вечно ссорящихся и спорящих между собою генералов, сглаживая всеми возможными средствами анархию управления, которой я опасался, ибо при отсутствии моего авторитета оборона столицы могла рухнуть даже при наличии перевеса над противником.

Покончив с этими вопросами, 12-го вечером я выехал из Варшавы. Выезжал я, будучи полон сознания бессмыслицы и даже некоторого отвращения к себе за то, что из-за трусости и польской немощи должен был поступать вопреки

всякой логике и вопреки всяким здравым законам военного искусства. На-ряду с этим, признаюсь, я испытывал сознательное и сильное облегчение, когда покидал среду, где минута имеет больше значения, чем час, час — больше суток, а сутки—более недели.

Прибыв в свою главную квартиру в г. Пулавы и разобравшись в обстановке, я сразу же констатировал несколько фактов. Прежде всего я обнаружил, что моральное состояние всех дивизий—а было их собрано четыре—не было уж столь плохим, как это предполагалось мною раньше. И хотя перед самым моим приездом одна из дивизий, а именно 21-я, по старой, приобретенной уже в течение месяца привычке, под натиском небольшой группы противника ни с того ни с сего отошла с предмостного укрепления на Вепрже, оставив Коцк, который ей было приказано удерживать, я все же не думал, чтобы этот трудный моральный перелом, которого после длительного отступления требует контр-атака, был невыполним. В дальнейшем я обнаружил, что пополнение было распределено не так, как это было необходимо в соответствии с вооружением, а как раз наоборот. Так, например, батальоны с французским вооружением, попали в дивизии, вооруженные немецкими маузерами или австрийскими манлихерами. Для упорядочения же всего этого хаоса требовалось время. Кроме того, мною была обнаружена неслыханная прямо-таки недохватка обмундирования и экипировки солдат. Таких „дедов", как я их называл, в течение всей войны я ни разу не видел. В 21 дивизии, когда почти половина людей, дефилировавших передо мной в Фирлее, оказались босы, я вспоминал, сколько раз в течение войны и сколько из моих подчиненных приписывали понесенные ими поражения не чему-либо другому, как скверной экипировке солдат.

На-ряду с этим определенным тяжелым чувством я вспоминал также и то, что все запасы, и уж по крайней мере большинство их, были розданы войскам, которым не предназначалась мною решающая роль. Наконец, все данные, собранные мною о противнике, были до известной степени гадательными. Согласно стратегического распределения сил противника я должен был иметь против себя Мозырскую группу. Состав ее и силы никогда не были выяснены нами в достаточной степени. Мы знали, что в состав ее входит 57 дивизия, но, кроме того, в нее входили еще какие-то отряды, составляющие нечто отдельное от группы, так что я никогда не имел о ней точных данных. Проделанная ею до того времени работа, казалось, должна была бы говорить за то, что это какая-то весьма сильная группа войск. 4 июля она производила атаки в двух различных направлениях и при этом там, где мы были наиболее сильными — вдоль самого Полесья и севернее его, вдоль шоссе Бобруйск—Брест. И не раз в те-

чение истекшего месяца мне приходилось читать в донесениях о значительных силах противника, атакующего нас не без успеха то на одном, то на другом направлении. Между тем сейчас, 13 августа, я собственно наблюдал перед собой пустое пространство. Было там нечто вроде дозоров, немного сгущенных у Коцка и Мацеевиц на Висле, где эти небольшие группы как бы подготовлялись к переправе через реку. Признаться, все это принималось мною за партизанские отряды, разосланные по стране для реквизиций, грабежа и фуражировки. Наиболее сильное скопление представляла 58 дивизия 12 армии, двигающаяся от Владавы в направлении не то Любортова, не то Холма.

Донесения из Варшавы звучали успокаивающе; очевидно, противник подготовлялся к атаке и делал соответствующую перегруппировку сил. С юга я также не получал тревожных известий. Поэтому мое убеждение с которым, я, впрочем, уезжал из Варшавы, окончательно укрепилось. У меня оставалось еще немного свободного времени, и потому я решил начать действия не ранее, как 17-го утром, когда наступление на Варшаву достаточно уже разовьется и свяжет большинство Советских сил с находившимся в Варшаве большинством наших сил. За это время я смог бы сильнее сплотить воедино свою немногочисленную группу, которой предстояла атака, и дождаться подхода 3 дивизии легионеров, запоздавшей в своем движении на север, и надлежащего выравнения ее с остальными дивизиями.

Однако, на следующий день, 14-го, обстановка изменилась для меня к худшему. Из Варшавы поступили тревожные телеграммы. При первой атаке Советских войск сопротивление наше было сломлено, и Радзимин вместе с окрестностями штурмом был взят противником. Телеграммы звучали тревожно, отражая настроение, которое, повидимому, господствовало в столице. Известное удивление вызвали во мне сведения об усиливающемся натиске войск г-на Тухачевского в западном направлении, — в направлении Плоцка и даже Влоцлавска и Бродницы. Сообщавшие об этом телеграммы говорили не только о коннице, присутствие которой я предполагал раньше. Была в этом какая-то загадка, которой разрешить я не мог, ибо это меняло до известной степени мои прежние соображения о том, что г-н Тухачевский сосредоточивал все свои силы против Варшавы. Но в тревожных телеграммах из Варшавы делались попытки произвести на меня определенное давление, чтобы я торопился с оказанием помощи и согласился, будучи даже неподготовленным, немедленно двинуться вперед. Несмотря на то, что все это давление и тревога казались мне абсолютной бессмыслицей, тем не менее, поскольку уже, как указывалось мною выше, из-за тревоги я поступился разумом и здравым смыслом военного

дела. после некоторых колебаний я передвинул дату выступления на один день и уведомил Варшаву, что удар начинаю 16-го на рассвете. Отданный мной приказ наибольшей опасности подвергал две фланговые дивизии, 14-ю на левом фланге и 1-ю легионеров на правом. Это вытекало из принятого мною решения, о котором я известил все войска. — нанести стремительный удар, покрывая такие расстояния, к каким никто, кроме 1 дивизии легионеров. не привык. Я категорически запретил заботиться о флангах, ибо каждая дивизия должна была возможно быстрее двигаться вперед, совершенно не думая о том, поспеет ли за ней ее сосед справа или слева.

Рассчитывая. что генеральное сражение произойдет не где-либо в другом месте, а только под Варшавой, я приказал возможно быстрее двигаться 1 дивизии легионеров, которая должна была, пожалуй уже на второй день, сделаться правым заходящим плечом, если бы лево-фланговая 14-я дивизия встретила где-либо в районе Колбеля организованное уже сопротивление двигающихся для обложения Варшавы войск. Беспокоила меня так-называемая Мозырская группа; я не видел перед собой ее сил. а сведения. полученные от авиации. отмечали какое-то усиленное движение подвод, направляющихся с востока и северо-востока к Лукову и Желихову. Это могла быть какая-нибудь спешно высылаемая группа, быть может, та же Мозырская, так что, ничем не прикрытая с востока, моя 1-я дивизия легионеров могла попасть в относительно опасное положение. В качестве общего руководящего указания я поставил всем войскам, т.-е. четырем дивизиям, задачу—достигнуть на второй день шоссе Брест—Варшава. Исключение составляла 3 дивизия легионеров, которая вошла в соприкосновение с 58-й Советской дивизией, завязала с нею бой и, следовательно, не могла входить в мое исчисление сил, направленных к Варшаве. Я скорее хотел рассчитывать на всю или часть 2-й дивизии легионеров, которая стояла на пассивном участке по западному берегу Вислы, от Ивангорода к северу. Продвижение моих сил к северу уже само-по-себе освобождало эту дивизию от поставленной ей задачи.

15 августа сведения из Варшавы были несколько более успокоительными, однако все бои свидетельствовали о том, что давление противника все более и более усиливается, как в районе Радзимина, так и севернее Варшавы. в районе Новогеоргиевска. Тем временем на юге стала развиваться деятельность конной армии Буденного, под давлением которой начала отходить в направлении Львова наша 6 армия.

16 августа я начал атаку. поскольку вообще такие действия можно назвать атакой. Слабый и незначительный бой вела вначале только одна 21 дивизия, которая два дня тому назад, повредив неизвестно зачем мост, отступила от Коцка,

а теперь должна была вброд форсировать Вепрж, чтобы вновь овладеть Коцком. Другие дивизии двигались почти без соприкосновения с противником, так как незначительные стычки в том или ином месте с какими-то небольшими группами, которые при малейшем столкновении с нами распылялись и убегали. назвать соприкосновением я не решился бы. Весь этот день я провел в автомобиле, главным образом при 14 левофланговой дивизии, беспрерывно собирая данные и впечатления, как свои, так и своих подчиненных. Не могу не заметить, что вечером того же дня, когда все дивизии сделали уже добрых тридцать с лишним километров к северу, главной загадкой, которую я пытался разрешить, была тайна так называемой Мозырской группы. Собственно говоря, если не считать 57 дивизии, этой группы совершенно не было; однако. подобное суждение в корне противоречило создававшимся изо дня в день в течение целого месяца впечатлениям, полученным мною. Ведь был же это какой-то апокалипсический зверь, перед которым в течение целого месяца отступали многочисленные дивизии. Казалось мне, что я вижу сон. Как вывод, к которому я пришел, было убеждение, что меня ожидает где-то какая-то засада. 14 левофланговая дивизия, свободно миновавшая Гарволин, фактически уже с полудня вошла в сферу действий левого фланга 16 Советской армии. атакующей Варшаву. Я имел сведения, что армия эта имела задачей форсировать Вислу под Гура-Кальвария, между тем передовые части 14 дивизии 16 августа находились от атакованных, как гласили телеграммы, Карчева и Вензовни не более, чем на 20—25 километров. Противника все же не было! Вечером я приказал всей 2 дивизии легионеров, освободившейся от прежней задачи, немедленно сосредоточиться в Ивангороде и составить. при стольких загадках, грозящих отовсюду какими-то засадами, хотя бы какой-нибудь резерв. Где же, однако, должна была находиться победоносная до этого времени Мозырская группа, где была также 16 армия, атакующая Варшаву?

17 число августа месяца не принесло мне никакого разъяснения этих загадок. Я стал искать теперь его на правом фланге (см. схему № 7).

Снова провел я весь день в автомобиле, отыскивая следы тайны и хотя бы признаков засады. Уже далеко после полудня я застал в Лукове командира 21 дивизии с его штабом, весело пирующих после столь прекрасного марша. Окружившие меня за столом командиры бригад и некоторых полков единогласно утверждали, что противника, собственно, нет, и с подъемом мне рассказывали, как все население спешит им на помощь. Так, например, когда какая-либо незначительная группка противника хочет оказать сопротивление, то чуть ли не бабы с цепами и мужики с вилами спешат на по-

мощь нашим горцам, когда эти последние босиком рассыпным строем идут в атаку. Авангард горной дивизии задержался на пол-пути между Луковым и Седлецом. Я приказал немедленно вести дальнейшую атаку на Седлец, полагая, что. быть может, в этом центральном пункте найду какое-либо разрешение тайны Мозырской группы. Далее, с востока я получил известие, что двигавшаяся впереди всех первая дивизия легионеров своими передовыми частями достигла уже Бялы и Межиречья; еще далее, задержанная в своем движении 3 дивизия легионеров разбила 58 Советскую дивизию и двигалась. тесня перед собой эту дивизию в направлении Влодавы и Бреста. Когда под вечер я возвращался на запад по прекрасному шоссе от Лукова в сторону Гарволина и миновал окрестности Желихова, где встретил тылы 16 дивизии, следующей на Калушин, мне казалось, что я нахожусь будто во сне, в мире очаровательной сказки. Не понимал собственно, где сон, а где действительность. Или я находился во сне тогда, когда меня еще так недавно душило непреодолимой силой своего непрерывного движения какое-то чудище, протягивающее к моему горлу для смертельного сжатия чудовищные лапы, или же теперь, когда пять дивизий свободно и без всякого сопротивления покрывают то самое пространство, которое еще так недавно в смертельной тревоге отступления отдавали противнику? И несмотря на то, что сон этот был радостным, он не мог тогда казаться реальным. Целый месяц психического давления — давления превосходства — не хотел проходить. Радостный сон не мог быть реальным! Под властью этих впечатлений я прибыл вечером в Гарволин. Помню, как сейчас, тот момент, когда, сидя за чашкой чая подле приготовленной на ночь постели, я вскочил на ноги, услышав, наконец, отзвук жизни, отзвук действительности— глухой гул орудий, докатывающийся откуда-то с севера. Значит, противник имеется! Значит, он не призрак! Стыд за свою боязнь и за страх, который я пережил недавно при виде чудовищного кошмара, начавшего уже мне казаться какой-то дикой фантасмагорией, был резонным и не без оснований! Противник был налицо, и свидетельствовала об этом музыка боя на севере. Будучи уже в постели, я не раз приподнимал голову с подушки, чтобы проверить свои впечатления. Глухой орудийный гул мерно и тихо содрогал воздух, свидетельствуя о бое, который велся без нервного напряжения, спокойно. со спокойно отбиваемым тактом. Где-то около Колбеля или несколько далее сражалась ночью моя 14 дивизия. Я быстро сообразил, что если даже бой временно и будет неудачным и, возможно, 14 дивизии придется отступить, то во всяком случае она облегчит своим боем находящуюся под угрозой Варшаву, а в течение завтрашнего дня я успею подтянуть к месту боя 2 дивизию легионеров из Ивангорода и соседнюю 16 дивизию с востока.

Когда 18 утром я вскочил со сна, орудия уже не грохотали—была абсолютная тишина. Тотчас же я решил поехать для проверки обстановки. Никогда не забуду того странного ощущения, когда, прибыв без каких бы то ни было помех в Колбель, я застал в именьице, подле шоссе, только тылы 14 дивизии и получил сведения о том, что дивизия эта вела ночью бой и быстрым маршем направилась уже в Ново-Минск, чтобы, согласно моего приказа, на рассвете третьего дня быть на Брестском шоссе. Где же, однако, находится 16 армия?

Когда я ехал в Ново-Минск, по дороге свидетельствовали о ней орудия, оставленные в поле без упряжек и прислуги, свидетельствовали о ней довольно многочисленные человеческие и конские трупы возле шоссе, свидетельствовало, наконец, население. с восторгом рассказывавшее мне. задерживая. когда узнавало меня, автомобиль, что „большевики" убегали в беспорядке и в панике в разные стороны. Многие из рассказчиков считали мою поездку не совсем безопасной, так как в окрестности имеется много рассыпанных и рассеянных „красных казаков". В Ново-Минске я застал 14 дивизию, сосредоточенную вместе с 15 уланским полком. Все собранные мною тотчас же данные об истекшем бое говорили за то, что 14 дивизия встретила на своем пути противодействие наиболее южных дивизий 16 Советской армии (8 и 10). Понесшая сравнительно небольшие. не превышавшие 200 человек, потери, наша дивизия сломила это сопротивление и стала свидетельницей какого-то панического бегства. Узнал я также что, согласно моего предыдущего приказа, часть Варшавского гарнизона, а именно 15 дивизия, ударила вдоль шоссе Варшава—Ново-Минск и в настоящий момент находится в расположенных поблизости Дембах Вельких. В Дембах Вельких я застал сосредоточенной 15 дивизию, имевшую забавнейший в мире боевой порядок. По обеим сторонам шоссе стояли батареи, повернутые одни к северу, другие к югу. В штабе дивизии мне разъяснили, что такое расположение является необходимым, так как противник, поспешно отступающий из-под Варшавы, имеется всюду—и на севере и на юге. Мною было приказано этой дивизии присоединиться к нашей 4 армии и приготовиться к выступлению на север для форсирования Буга, за которым я ожидал встретить сопротивление. Для меня было очевидным, что нанесенный столь быстро удар оказал уже свое влияние и на положение под Варшавой. Исходя из всех данных, я приходил к заключению, что если нигде не пришлось мне встретить сопротивление со стороны так называемой Мозырской группы, то ожидавшееся мною сопротивление со стороны 16 Советской армии является. собственно, уже законченным. Три ее дивизии (8, 10 и 17) после короткого и совершенно бескровного боя были почти

рассеяны. Поэтому я не думал, чтобы две остальных дивизии этой армии (2 и 27) могли оказать сопротивление сосредоточенным усилиям наших 14 и 15 дивизий—с юга и сгруппированным для занятия образовавшегося прорыва под Радзимином нашим дивизиям Варшавского гарнизона—с запада. Ввиду этого какое бы то ни было сопротивление я мог встретить только на Буге, куда в силу необходимости противник будет вынужден стягивать силы своей 3 армии, сражавшейся под Зегржем и далее на запад за Наревом. В противном же случае 3 армия очутилась бы в чрезвычайно тяжелом положении, имея на всех путях отступления двойную преграду—противника и реку Нарев. Отсюда я пришел к выводу, что большая часть Советской армии должна отступить от Варшавы на восток, и поэтому с нашей стороны следует возможно скорее установить полное единство действий всех сосредоточенных под Варшавой войск с тем, чтобы, разбив одну из Советских армий, энергичным преследованием и натиском со всех сторон нанести поражение остальным силам противника.

С этой целью я решил тотчас же отправиться в Варшаву, чтобы распорядиться и организовать там преследование и общий удар. В Варшаве я нашел настроение несколько иным, чем ожидал. Если, с одной стороны, и заметна была радость и чувство некоторого облегчения вследствие освобождения Варшавы от непосредственной угрозы, то, с другой стороны, царило сильное беспокойство по поводу многочисленных атак на города, расположенные по нижнему течению Вислы, как Плоцк и Влоцлавск, и по поводу продвижения частей противника все далее и далее в так называемый Данцигский коридор. Кроме того, всем тем, с кем мне пришлось беседовать, наше стратегическое положение не казалось столь выгодным и столь радикально изменившимся, как мне. В то время как я уже был свободен от впечатления, произведенного нашими неудачами в течение месяца, и усматривал единственную возможность для противника спастись от грозящего ему поражения в обороне Буга, к которому приближались дивизии 4 армии и войска ген. Рыдз-Смиглого,—в Варшаве мною ясно ощущался продолжающийся еще моральный гнет предыдущих успехов г-на Тухачевского.

Попытки облегчить восточный фронт Варшавы путем удара от Новогеоргиевска силами северного фронта (наша 5 армия), находившегося под меньшим нажимом противника, дали известные результаты. Удалось продвинуться до Насельска и вдоль Нарева к северу. Но зато тем большую угрозу усматривали варшавские господа для левого фланга 5 армии при дальнейшем продвижении к северу и для той части 1 армии, которая вела наступление по западному берегу Нарева. В то время как я лично не видел в этом опас-

ности и был уверен, что, все равно, противник вынужден будет отступать,—такого убеждения и такой уверенности я не замечал в Варшаве. Боязнь и тревога за столицу были еще там настолько сильны, а дальнейшее продвижение противника к западу производило такое впечатление, что моим настояниям уступали только с известным трудом.

Приказ мой от 18 августа ставил нашим армиям следующие оперативные цели:

„3 армия—прикрытие Люблинщины и Холмщины, занятие Буга, разведка Забужья и содействие левому флангу южного фронта путем активных действий с севера против частей 12 большевистской армии, не стесняя себя южной разграничительной линией своего участка.

2 армия—усиленное преследование в северном направлении с целью занятия Белостока и атаку отступающих колон противника с востока с одновременным обеспечением себя в этом направлении, путем занятия Брест-Литовска (3 дивизия легионеров и направлявшиеся во 2 армию 19 пехотная дивизия и 41 пехотный полк предназначались для действий в районе Августов—Волковысск).

4 армия—усиленное преследование в северном направлении с целью возможно быстрого форсирования Буга на участке Брок (включительно)—Гранное (исключительно); занятие Мозовецка, прижимание противника к немецкой границе с тенденцией более быстрого действия правым флангом для охвата.

1 армия—фронтальное преследование, т.-е. в северо-восточном направлении. Ось преследования: Варшава—Вышков—Остров—Ломжа. Конницу направить на левый фланг для занятия прорыва между пехотными частями армий и границей.

5 армия—окончательная ликвидация 3 конного корпуса 4 армии и тех частей 15 Советской армии, которые будут отрезаны движением 5 армии в северном направлении на Прасныш—Млава".

Приказ этот я дополнил письмом, написанным из Седлеца уже на следующий день 19 августа поздно ночью, когда мне стало известно, что на Буге ни 4 армия, ни войска ген. Смиглого не встретят особенно сильного сопротивления. По этой же причине я счел уже вполне возможным уменьшить количество войск, которые использовывались для непосредственного преследования. Полагал так же, что большую часть войск, сосредоточенных до того времени в районе Варшавы, можно уже вывести частью на юг, частью же определенно на восток для создания нового нормального фронта, обращенного не к северу, как это было до сего времени, а к востоку. Первые признаки этой реорганизации фронта находятся уже в приказе от 18 августа. В пункте III этого приказа я отдал распоряжение о возможно срочном выводе из состава

5 и 1 армий 41 Сувалкского полка и 19 дивизии, называвшейся ранее 1 Литовско-Белорусской. Мероприятия эти находились в связи с возникшим у меня тогда уже намерением послать 41 полк, как сформированный из добровольцев сувалчан, в их родной уголок, для освобождения его от Советско-Литовского нашествия. На-ряду с этим сформированная также из добровольцев наших окраин 19 дивизия подлежала переброске, как гласит приказ, — „эшелонами большой скорости" через Варшаву—Седлец на Черемху с тем, чтобы она в качестве авангарда сразу же приступила к очищению от врага истинной своей родины. В пункте II письма моего к начальнику штаба мои намерения были уже вполне выкристаллизованы. Противника я считал уже разбитым и ввиду этого свой наказ излагал следующим образом: „5 армия принимает на себя преследование. 4 армия производит натиск в северном направлении, отрезая постепенно все пути отступления. 2 армия быстро заходит с востока. Если не упоминаю здесь о 1 армии (армии, расположенной между 5-й и 4-й), то потому, что, полагаю, для нее не найдется места и ее придется разделить между 2 и 3 армиями, из коих последняя, по всей вероятности, должна будет принять на себя не только прикрытие Буга и Люблина, но также и наступление на юг для освобождения Галиции". Итак, уже 20 числа я хотел покончить с той стратегической бессмыслицей, из которой я некогда исходил, приняв ее за исходное положение для битвы под Варшавой.

Мой приказ от 18 августа, несколько измененный на следующий день, 19 числа, почти совпал по времени отдачи с приказом г-на Тухачевского. Г-н Тухачевский желает отнести его к тому же числу, т.-е. к 18 августа. Увы! при рассмотрении всего материала нахожу столько противоречий в этом утверждении г-на Тухачевского, что поневоле вынужден остановиться несколько на выяснении этой противоречивости. Г-н Сергеев на странице 92 ясно говорит, что приказ был отдан 17 августа в 18 часов (6 вечера), при чем утверждает, что в штабе фронта, в Минске, утром 17 числа были получены сведения о „начавшемся наступлении каких-то польских сил из района Люблина прямо на север и о разгроме Мозырской группы одновременно на широком фронте от Ивангорода до Влодавы". Г-н Тухачевский же на стр. 53 утверждает, что, „к сожалению, о польском наступлении командование фронта узнало только 18 августа из разговора по прямому проводу с командующим 16 армией. Последний об этом узнал только 17 августа. Мозырская группа ничего не донесла о происшедшем.—Командующий 16 армией, в своем разговоре по проводу, докладывая о сложившейся обстановке, высказал свое мнение о необходимости отойти, для того чтобы устроиться, но считал наступление бело-поляков не

серьезным и предвидел возможность ликвидировать его. Я категорически утверждаю, что какие бы то ни было переговоры командующего 16 армией из Седлеца с г-ном Тухачевским, находившимся в Минске, 18 августа были невозможны, так как Седлец в большей своей части был занят нашей 21 дивизией еще 17 поздним вечером. И является совершенно невероятным, чтобы командующий 16 армией, вынужденный, по всей вероятности, к быстрой перемене места своего нахождения, мог разговаривать 18 августа столь странным способом. Вечером и ночью 17 августа большая часть его армии (8, 10 и 17 дивизии) находились в совершенно паническом отступлении, и всякая связь между командармом 16-й и его дивизиями в эту ночь была уже прервана. В воспоминаниях В. Путны, озаглавленных „Под Варшавой" и описывающих действия 27 Советской дивизии, входившей в состав 16 армии, атаковавшей и занявшей Радзимин, нахожу следующие данные по этому вопросу: „Согласно приказа командующего армией. полученного в 27 дивизии около 16 часов 17 августа, дивизии армии должны были отойти на р. Ливец". При этом Путна приписывает это тому факту, что 8 и 10 дивизии, находившиеся южнее 27-й, были нами разбиты, а польские передовые части вошли уже в Ново-Минск. При этом он утверждает, что, согласно приказа, 27 дивизия в полночь 17 августа без сопротивления со стороны противника отошла из-под Радзимина, имея, однако, уже перед собою отходящие и двигающиеся в беспорядке части соседних с юга дивизий. Сопоставляя все эти данные, не могу допустить, чтобы приказ г-на Тухачевского был помечен 18 августа, и полагаю, что это является или опечаткой, или же г-н Тухачевский умышленно передвинул дату при составлении своего труда. Именно поэтому-то на схеме, прилагаемой мною к моему разбору Варшавской операции, дано сопоставление положений обеих сражающихся сторон на 17 вечером, когда приказ Тухачевского приводился уже в исполнение, и на следующий день, когда начал проводиться в жизнь и мой приказ. Я сразу должен сказать. что в отношении почти одновременно отданных приказов нас с г-ном Тухачевским постигла почти одинаковая судьба. Приказы были исполнены в обеих сражающихся армиях только частью войск, а не всеми в целом. Приказ г-на Тухачевского, как говорит он сам, был отдан уже чересчур поздно. Г-н Тухачевский утверждает, что причиной отдачи приказа об отступлении был тот факт, что на левом его фланге обстановка начала складываться критически. Добавлю от себя, что, благодаря разрозненности действий 4 армии г-на Сергеева, г-н Тухачевский, отдавая приказ, не был уверен в возможности достигнуть в короткий срок на своем правом фланге значительного успеха, какового именно там он искал. Таким образом, приказ

об отступлении из-под Варшавы был отдан г-ном Тухачевским под влиянием неожиданного для него наступления пяти польских дивизий. Если же он утверждает, что приказ был отдан уже чересчур поздно, то только потому, что, направляя свою лево-фланговую 16 армию на Ливец и уводя ее, как ему казалось, таким образом из-под удара указанных пяти польских дивизий, он не знал, что армия эта уже была неспособна к оказанию какого бы то ни было сопротивления.

Право-фланговой, следовательно наиболее удаленной на север, дивизией этой армии была упомянутая 27 Советская дивизия, которая своим занятием Радзимина еще несколько дней тому назад вызвала тревогу за участь Варшавы. Из цитированного уже мною описания действий этой дивизии привожу дословно описание состояния 16 армии пополудни 18 августа.

Вот что гласит это описание: „еще 18 августа утром выяснилось, что другие дивизии армии свернули со своих оперативных линии отступления, и их части, за малым исключением, двигались в северо-восточном направлении, как наиболее безопасном. Полевые штабы 2 и 10 дивизий в полдень 18 августа находились: первый—в Паплине, второй—в Судинове, оба на участке 27 дивизии. По шоссе Венгров—Соколов—Дрогичин двигались части 27 дивизии (она была уже передана 3 армии и принимала участие в боях под Радзимином) и тыловые учреждения и обозы 27-й. 2-й, 17-й, 10-й и 8-й (все эти пять дивизий—16 армии, все налицо!). Дорога эта была залита сплошной колонной, медленно двигавшейся в два-три ряда. Полевой штаб 27 дивизии в 21 час 30 мин. 18 августа прибыл в Соколов, где выяснилось, что противник уже на рассвете 18 августа занял Седлец и двигался в направлении Соколова и Дрогичина; около 21 часа поляки заняли уже окрестности Разбитого Камня, отбросив оттуда 50 бригаду (17 дивизии). Бронепоезд противника подошел к Соколову и начал обстреливать артиллерийским огнем шоссе, по которому все еще двигались в несколько рядов обозы всех дивизий 16 армии. Некоторые разрозненные части 8, 10, 17 и 57 (Мозырской группы) дивизий и обозы отходили через Соколов в северо-восточном направлении (следовательно, уже не на Дрогичин!!). Ввиду подобной обстановки и перерыва технической связи с командованием армии дивизией решено было отойти на Буг, о чем было послано сообщение в штабы 2, 10 и 21 дивизий".

Таким образом Ливец, намеченный г-ном Тухачевским в качестве рубежа, на котором должна была задержаться 16 армия еще 18 вечером, под давлением передовых частей нашей 21 дивизии и приданного им бронепоезда, был оставлен всей этой армией. Кроме того, помимо 16 армии в оста-

влении Ливца принимала уже участие и одна дивизия 3 Советской армии. Картинка эта, позаимствованная не из наших боевых донесений, а из собственных описаний противника; свидетельствует о состоянии 16 армии, которая победоносно покрыла огромное пространство от Березины до Варшавы, имея за собой целый ряд успехов. Теперь же армия эта, дав 17 августа бой только всего лишь двум нашим дивизиям (14-й и 15-й), отказалась от всех поставленных ей задач под натиском передовых частей одной лишь только 21 дивизии. Добавлю к этому, что все три наши дивизии—14-я, 15-я и 21-я, которые теперь, 17 и 18 августа, одержали над 16 армией победу, были ее старыми знакомыми, так как, начиная от Березины и вплоть до самой Варшавы, постоянно и непрерывно имели с ней дело. Итак, 16 армия приказ г-на Тухачевского выполнить не могла.

Взглянем теперь на следующую 3 армию. Согласно приказа она должна была задерживать противника. Из предъидущего мы уже знаем, что ее лево-фланговая 21 дивизия, будучи втянута в катастрофу 16 армии, делила с последней ее печальную участь. Остальная ее часть, в составе 3 дивизий, еще недавно атаковавшая Варшаву и окрестности Зегржа, ныне отходила за Буг. Г-н Сергеев констатирует, что положение следующей, более удаленной на север, 15 армии 19 августа стало тяжелым, так как она потеряла на левом фланге связь со спешно отходившей на восток 3 армией.

С своей стороны, цитирую выдержку из упоминавшегося уже письма к генералу Розвадовскому, писанного мною в ночь с 19 на 20. Конец этого письма гласит: „остается неразгаданной для меня загадкой, где находится 3 армия противника, а также та часть 15-й, которая не принимает участия в операциях севернее Новогеоргиевска". Загадку эту я пытался разрешить и значительно позднее, после войны. Я знал, что 3 армия, весьма слабо оборонявшая перед этим Буг, поспешно отходила через Остров, но в этом стремительном и решительном преследовании, которое мною было организовано с утра 19 августа силами нашей 4 армии, 3 Советская армия не сыграла той роли, какую ей предназначал г-н Тухачевский, т.-е. совершенно не задержала противника. Правда, в течение 20 и 21 августа время от времени имели место незначительные стычки с легко распылявшимися мелкими отрядами, но действительного и организованного сопротивления никто не оказывал. На копии последней схемы г-на Сергеева нахожу эту армию 19 числа около Вышкова, 20—за Островом, а уже 22- старательно обходящей Белосток и Ломжу и направляющейся в сторону Осовца. Следовательно, я вновь вынужден констатировать, что и вторая по очереди Советская армия, а именно 3-я, не выполняла приказа г-на Тухачевского и, победоносно покрыв

огромное пространство от „мелкого ручья Ауты“ до могущественной Вислы, отступала быстро и даже очень быстро, уклоняясь от предуказанного ей вступления в бой с двумя наступавшими на нее с юга польскими дивизиями.

Приказ г-на Тухачевского был выполнен единственно только 15 армией. Армия эта приступила к спасению положения. Она имела задачей обеспечить отход авантюристически двинутой далеко на запад 4 армии и в течение 18 и 19 числа старалась выполнить эту задачу. Как это обыкновенно бывает при неудачах, больше всего страдает тот, кто проявляет больше всего активности. 15 армия была атакована тогда, когда другие армии или поспешно отходили в северо-восточном направлении, как это делали 16 и 3 армии, или, как это делала 4 армия, не получившая, впрочем, своевременно приказа, только теперь старались сосредоточить для отступления свои слишком разбросанные дивизии.

Немыслимо представить себе ясно положение 15 и 4 Советских армий без сопоставления его с действиями наших войск к западу от Нарева. Приказ мой от 18 августа, как уже указывалось, был выполнен не всеми нашими войсками. Приказ этот определенно направлял все армии, за исключением наиболее западной, 5-й, к северо-востоку. Так, напр., 4 армия должна была двигаться в общем направлении на Мазовецк с таким расчетом, чтобы возможно ближе подойти к чрезмерно изолированной 2 армии ген. Смиглы, направлявшейся в сторону Белостока. 2 армия имела двойную задачу: прикрыть нас с востока, для чего должна была использовать значительную часть своих сил, и, наряду с этим, пробовать отрезать на линии Бельск—Белосток пути отхода отступавшему на восток противнику. Для выполнения же этой задачи она располагала весьма незначительными силами, что было естественным результатом того бессмысленного исходного положения, которое я положил в основу стратегической группировки сил перед Варшавской операцией.

Зато 1 армия, освободившаяся от какого бы то ни было нажима, благодаря успеху моей контр-атаки со стороны Вепржа, согласно приказа от 18 августа получила направление для дальнейших действий на Ломжу—Остроленку. Движение это, однако, не было выполнено ни 19, ни 20. Уже в приказе на 19 августа действия нашей 1 армии были как бы расчленены пополам. Применяясь к моему приказу от 18 августа, 8, 10 и 7 дивизии и резервная бригада приступили к преследованию противника, сохраняя указанное им направление на Ломжу и Остроленку, но действия остальной части 1 армии фактически слились с действиями 5 армии. Таким образом, когда противник уже, собственно, начинал отступление или даже поспешно его выполнял, наша 1 армия, согласно приказа по армии, все время старалась быть сильнее

на запад от Нарева, а не на восток. Уже 20 числа это направление мысли и действий командования 1 армии на запад выявляется столь ярко и отчетливо, что вся 1 армия, не исключая и тех дивизий, кои действовали к востоку от Нарева, получает приказ об обратном переходе Нарева для действий в западном направлении. Приказ этот, находящийся в резком противоречии с моим приказом от 18 августа, был вызван предположением, что противник сосредоточивается якобы двумя своими армиями, т.-е. 4-й и 15-й, к северу от Цеханова, около Млавы.

Указав выше, что единственной армией, выполнившей приказ г-на Тухачевского, была 15-я, я должен признать, что весьма внушительный вид должна была иметь эта армия в течение 18 и 19 августа, коль скоро вызвала с польской стороны стягивание войск в столь бесполезном для операции в целом западном направлении, отвлекая таким образом всю нашу 1 армию от указанного ей преследования противника! Это направление тем более было бесполезным 20 августа, что 15 Советская армия уже вечером 19 решила отойти через Остроленку именно в направлении на Ломжу, которая, благодаря роковому приказу, в корне, повторяю, противоречившему отданному мною, была освобождена от нажима с нашей, польской, стороны. На стр. 92 своего труда г-н Сергеев в этом отношении не оставляет никакого сомнения. Вот что пишет он по этому поводу: только 19 августа в Серпеце он получил основной приказ г-на Тухачевского об отступлении. Он имел еще возможность через Млаву и Прасныш лично переговорить с находившимся в Минске г-ном Тухачевским о создавшемся положении. Как пишет г-н Сергеев: „только в этом личном разговоре с командующим фронтом я убедился в необходимости отвода своих войск уже не в район Цеханова, а значительно далее на восток. Только 19 августа 4 армия начала свой отход".

Что же касается 15 армии, то г-н Сергеев пишет, что 17, 18, 19 августа она вела бои, „но, не получая поддержки от 4 армии на своем правом фланге и потеряв связь на левом фланге с быстро отходящей на восток 3 армией, 15 армия, согласно, впрочем, директиве фронта, решается на отход и через Остроленку направляется в район Ломжи". На стр. 94 г-н Сергеев говорит, что того же 19 августа, потеряв вновь связь с командованием фронта и пытаясь восстановить ее через 15 армию, он попал в район Цеханова именно в тот самый момент, когда в направлении Остроленки отходили уже арьергарды 15 армии. Рассудив, что при подобных обстоятельствах он является уже отрезанным от своей 15 армии, и не желая попасть в плен, г-н Сергеев быстро уехал на восток в направлении Августово – Гродно. Когда же вечером 19 августа 15 армия быстро отходила на восток,

наша 1 армия предпринимала забавный маневр перехода с трудом Нарева как раз в противоположном направлении— к западу. Этот странный и бессмысленный приказ, который значительно ослабил поражения Советской армии под Варшавой, с моей стороны вызвал решительный протест, но последний—увы!—к сожалению, весьма мало исправил дело. Специальным приказом, посланным в находившуюся под Островом 8 дивизию, я запретил этой дивизии выполнять приказ своей армии и присоединил ее к 4 армии, приказав ей дальнейшую участь делить не с 1, а с 4 армией. Эту же последнюю я вновь направил на оставленное ею направление — на Ломжу, ослабив этим давление на 3 Советскую армию, которая также, по определению г-на Сергеева, удачно вышла из Варшавского поражения. С другой же стороны, этим самым я подвергнул опасности армию ген. Смиглы, и в особенности ее право-фланговую и быстро продвигавшуюся первую дивизию легионеров, обрекая эту армию на полную изоляцию и отсутствие какой бы то ни было поддержки со стороны соседей [1]).

Не раз после окончания войны я останавливался на своих действиях и пробовал анализировать их и действия других в период Варшавского сражения. Мне всегда казалось, что я в недостаточной степени использовал обстановку, созданную атакой 5 наших дивизий из-за линии р. Вепржа. Как уже читателю известно, этой атакой я добился со стороны противника отдачи приказа от 17 августа об отступлении всех Советских войск из-под Варшавы на восток. При анализе, однако, я приходил к заключению, что с моей стороны были использованы не все возможности, благодаря чему поражение, понесенное Советскими войсками под Варшавой, не привело к окончательной катастрофе, из которой воюющее с нами государство не нашло бы выхода. Первым упущением в этом смысле, которое я всегда видел, было недостаточное использование мною дня 18 августа, проведенного в Варшаве. День этот для нашей 4 армии, а главным образом для дальнейшего преследования ею противника, был почти потерян. Без моего непосредственного нажима армия эта весьма немного сделала даже для выяснения обстановки. А могла она, как мне кажется, свободно дойти до Буга и своими передовыми частями еще 18 числа выяснить размеры пора-

[1]) Я не мог отыскать в наших архивах резкой телеграммы, посланной мною из Седлеца по поводу столь неожиданного для меня движения 1 армии. В лежащих же передо мной заметках, писанных в Седлеце, кроме резкого определения словом „идиотизм", называю я это движение еще сосредоточением в направлении Познань. Этим самым я намекал на относительно многочисленные примеры бегства наиболее привычных к вокорности элементов из находившейся тогда под угрозой Варшавы. Бежали в Познань, куда хотели также эвакуировать правительство и центральные учреждения.

жения, понесенного 16 Советской армией, а также войти в соприкосновение с отступавшей уже 3 Советской армией.

Возможность же эта была налицо, если учесть то обстоятельство, что к стремительному движению 4 армии могли быть присоединены усилия всей 1 армии, если бы эта последняя в тот же день двинулась в направлении, указанном ей в приказе, изданном только 18 пополудни. Провел я этот день в Варшаве, где, как уже мною упоминалось, расценивать обстановку столь оптимистически не хотели и где, сверх того, все делали наполовину, а не целиком. Вторым подобным упущением, которое я всегда обнаруживал при анализе, было то, что, заметив упомянутую половинчатость в работе со стороны оставленных мною в Варшаве господ, я сразу же, 19 августа, не взял все в свои руки, устранив этот организационный хаос и беспорядок в командовании, который развивался и усиливался после моего отъезда 12 августа для проведения контр-атаки. Бессмысленность отправных данных Варшавского сражения, явившихся результатом психического влияния поражений и неудач, которые мы терпели в течение месяца, пустила такие прочные корни в Варшаве, что люди с трудом освобождались от ее последствий. Там было заметно как бы постоянное стремление держать на непосредственном фронте в Варшаве возможно большее количество войск, которые бы обеспечивали столицу от тревоги. Быстрый, молниеносный переворот в обстановке, произведенный мною столь незначительными силами, никому не казался прочным, ибо до этого момента в течение почти целых полутора месяцев вся наша армия, как на севере, так и на юге, не могла справиться с противником. Поскольку же столь долго длившийся гнет кошмара был еще достаточно сильным, хватались за самое мелкое проявление активности противника, чтобы допускать еще возможность поражения и не иметь уверенности в победе. Поэтому в умах и сердцах все еще длилось как бы затмение, в то время как я уже 19 и 20 был совершенно свободен от какой бы то ни было тревоги. Я вполне ясно отдавал себе отчет в том, что необходимо как можно скорее покончить с ненужным скоплением лишних войск под Варшавой, явившимся результатом бессмыслицы стратегических данных при начале сражения. Как я уже упоминал, во время моего пребывания 18 августа в Варшаве самые горячие и тревожные разговоры велись по поводу сведений из Плоцка, который в этот именно день был занят советскими силами, по поводу атак на Влацлавск и по поводу советского движения в районе Бродницы и Торна. Гнет поражения и неудач, таким образом, как будто усиливался. Противник все время двигался вперед, занимая все новые города и распространяясь к западу. Поэтому-то, признаться, с известным удивлением читал я у г-на Тухачевского жалобу на свою 4 армию, а у г-на Сер-

геева признание справедливости всей критики, направленной по его адресу по поводу действий 4 армии в период Варшавского сражения. Жалоба же г-на Тухачевского совершенно не имеет оправданий. Отдал ведь он 8 августа выразительный приказ, направляющий 4 и 15 армии не для занятия Варшавы, а для „похода за Вислу".

Поэтому обе армии и пошли прямо на запад, не приходя в соприкосновение с Варшавой и сосредоточенными в ней польскими войсками. До Вислы же, будь то у Плоцка или Влацлавска, дошла лишь одна 4 армия г-на Сергеева, двигаясь все вперед, по своему обыкновению широким фронтом. В отношении самой идеи форсирования Вислы это вовсе не был плохой способ. Поэтому-то, повторяю, чего, собственно, хочет г-н Тухачевский, жалуясь на г-на Сергеева? Полагаю, что оба эти автора подверглись известному внушению, когда критиковали действия 4 Советской армии. Авторитетом, под влияние которого они подпали, судя по содержанию цитат, был весьма поверхностный анализ одного из французских офицеров, издавшего брошюру об этом бое. Остроумное замечание этого француза гласит, что 4 Советская армия, вместо того, чтобы быть под Варшавой, сражалась с Версальским договором скорее, нежели с поляками. Неудачу Советов он даже до известной степени приписывает отсутствию под Варшавой связи и поддержки со стороны 4 армии г-на Сергеева. Это является довольно понятным для меня недоразумением. Оно вызвано навязчивой боязнью за участь Варшавы, поскольку все бессознательно хотели видеть сосредоточенные силы г-на Тухачевского не где-либо в другом месте, а только под Варшавой. Между тем, согласно приказа г-на Тухачевского от 8 августа, не только 4 армия не собиралась сражаться за овладение Варшавой, но также и наиболее сильная, лучше других снабженная 15 армия обходила нашу столицу и была втянута в бои только своим левым флангом, а не целиком. Следует определенно подчеркнуть, что Вислу в „походе за Вислу" увидела только одна северная 4 армия г-на Сергеева. Будучи же наиболее удаленной на запад, она попадала при отходе в самые тяжелые по сравнению с другими армиями условия. Однако, за ней остается та заслуга, что она дольше всех напоминала нам о наших поражениях и неудачах. Благодаря этому, даже когда она не могла или не умела много сделать непосредственно, она весьма серьезно помогла отходу как 3, так и 15 Советских армий.

Возвращаясь вновь к истории отступления Советских армий и наших действий, утверждаю, что вследствие странного приказа, сгруппировавшего 1 армию к западу, наша 4 армия была направлена на Ломжу; 15-я же Советская армия вечером 19 совершала полнейшее отступление к той же

Ломже. Для оказания помощи начинающей еще только отступление 4 армии она оставила одну дивизию севернее Цеханова. Отступление армии велось весьма поспешно. К отступлению этому присоединились и некоторые части 4 Советской армии, успевшие миновать Цеханов. Уже 21 августа большая часть 15 армии совместно с частями 4-й находилась в Ломже, прикрывая дальнейшее свое отступление боковым отрядом в районе Снядова. Наша 4 армия, будучи вынуждена изменить направление, освободила этим самым 3 Советскую армию от непосредственного на нее нажима, сама же не успела достигнуть своей новой цели, покинутой 1 армией вследствие странного отхода к западу. Потому-то 21 августа под Снядовым входят в соприкосновение с отступающей 15 армией только передовые части лево-фланговой 15 дивизии. Правда, части эти заняли Снядово, что одно уже, поскольку мне известно, вызвало среди Советских войск в Ломже настоящую панику. На следующий день, 22 августа, сосредоточивается уже вся наша 15 дивизия и сильным ударом занимает к вечеру Ломжу. При столь усиленном темпе, естественно, не могло быть и речи о строином отступлении. Прибыв на следующий день в Ломжу, я убедился, что весьма многие из подчиненных г-на Тухачевского расспрашивали в Ломже и в ее районе не о чем-либо ином, как о дорогах, ведущих в В. Пруссию. Опять, следовательно, вся армия совершала поспешное отступление под нажимом одной только нашей дивизии.

На западе оставалась еще 4 армия. Она была дальше всех, на самых берегах Вислы, позже всех получила приказ и лишилась своего командующего, переходившего от победы к победе, а теперь пребывавшего в состоянии поспешного и даже весьма спешного отступления к Августову и Гродно. Однако, одерживаемыми ею до сих пор победами и своей моральной силой она приковала к себе столько внимания и вызвала столько тревоги, что все то (за исключением двух дивизий), что до сего времени выставлено было на защиту Варшавы против армий г-на Тухачевского, было направлено на нее с целью окружить ее тесным кольцом и задавить. И вот с востока двигается на нее наша 1 армия. Однако, эта армия, вынужденная совершать указанные ей новые повороты, а также еще раз переходить Нарев частично без переправ, не поспевает никуда—ни в Ломжу, куда она была направлена 18 августа, ни под Млаву, куда ее посылали новые приказы командующих. Ее преследует и теснит с юга значительно более активная, чем наша 1-я—5 армия. Но армия г-на Сергеева и без него защищается, как загнанный лев. 22 августа, когда Ломжа с поспешно оставленным противником мостом была уже в моих руках, 4 Советская армия смело бросается на преграду, в лице передовых отрядов нашей 5 ар-

мии. В сильном бою между Млавой и Цехановым Советская конница прорвала преграду, открывая путь для своей пехоты и обозов. На следующий день быстро сметается незначительное уже препятствие, наспех брошенное в Хоржеле из той же 5 нашей армии, и остальная часть 4 Советской армии двинулась к востоку. Однако, было уже поздно. К северу от Ломжи выдвинулись уже для прегражденния ей дороги две наших дивизии (14 и 15) из нашей 4 армии. После короткого боя и попытки прорыва и этого препятствия 4 Советская армия отказалась от дальнейших усилий и перешла границу Восточной Пруссии, сложив там оружие. Так закончился исторический бой под Варшавой.

Г-н Сергеев прилагает к своему труду схему боя под Варшавой. Схема эта несколько запутана и не совсем точна в отношении наших действий, недостаточно для него известных и понятных. Для характеристики Советских армий воспроизвожу эту схему, опуская все детали, ибо в противном случае не всякий сориентируется в этом хаотическом, плохо руководимом с обеих сторон бое[1]). Откладывая на будущее подробный анализ боя под Варшавой и ограничиваясь только общей стратегической оценкой его, в воспроизводимой схеме я ограничиваюсь тем же самым. Тем яснее выступает тогда работа стратегических единиц г-на Тухачевского—отдельных армий. Кратко обрисую их участь, начиная с юга.

Мозырская группа представлена на схеме пунктиром, соединяющим какой-то стрелкой 58 дивизию во Влодаве с цифрой 57 подле Желихова; добавлением к этому является какой-то таинственный кружок вокруг Лукова. Ввиду того, что ни эта схема, ни действия моих войск не выяснили мне тайны Мозырской группы, одерживавшей с 4 июля победы в двух направлениях и совершенно не оказывавшей никакого сопротивления 16 и 17 августа, ограничусь несколькими словами. 58 дивизия два раза безуспешно пыталась задержать нашу 3 дивизию легионеров и отошла, разбитая, за Буг, оставив Владову и Брест, занятый нами 19 августа. Наша 3 дивизия легионеров задержалась после этого в Бресте, продлив таким образом пассивное прикрытие Буга. Таким образом, дальнейшая активная работа войск ген. Смиглы в северном направлении свелась к действиям 1 дивизии легионеров и одной кавбригады. Работа эта поддерживалась с запада боевыми действиями 21 горной дивизии. Остальную часть мозырской группы с 57 дивизией стало возможно совершенно не принимать в расчет, ибо она действительно была „распылена“ до такой степени, что пленных из 57 дивизии брали все наши войска, начиная от левофланговой 14 дивизии и

[1]) См. схему № 8.

кончая правофланговой 1-й легионеров на протяжении от Вепржа и вплоть до Белостока и Ломжи.

Следующей под удар попала 16 армия. Ее южная 8, 10 и 17 дивизии вечером 17 и утром 18 были атакованы с двух сторон, около Колбеля и Ново-Минска, нашими 14 и 15 дивизиями. Часть Советских дивизий сразу же распылилась и стала отходить в естественном для нее направлении, т.-е. туда, откуда пришли—на восток к Бресту. О них-то я и писал в своем письме ген. Сосновскому. Большая часть этих остатков была выловлена местным населением, устроившим настоящую охоту за ними. На схеме г-на Сергеева видно, как 16 армия 18 числа собирается в Ливце под Венгровым, держа теперь свой путь отступления на Дрогичин. Получив вечером того же дня удар со стороны передовых частей одной только нашей 21 дивизии и зная, что наша конница и передовые части 1 дивизии и легионеров уже перерезывают ей путь отхода в Дрогичин, 16 армия отступает, как это показано на схеме, к северу в сторону Бельска. Попытки сопротивления на Буге были быстро ликвидированы, главным образом обходом 1 дивизии легионеров, и около Бельска только часть обозов и незначительное количество войск ускользает от преследования, убегая в Волковыск. Отступление же главных сил задерживается занятием Бельска 1 дивизией легионеров еще 20 числа; оказав весьма слабое сопротивление, эти силы бросаются к северу, ища выхода через Белосток.

Ввиду того, что на схеме г-на Сергеева история 16 армии обрывается Бельском, и после этого на ней имеется лишь несколько стрелок, разбегающихся в разные стороны, я цитирую г-на Путна, этого историка 27 Советской дивизии. Он пишет, что Бельск пыталась отбить от нашей 1 дивизии легионеров 21 Советская дивизия; когда же это ей не удалось, 16 армия, не имевшая в течение всего времени никакой связи ни со своим командованием, ни с какой-либо другой Советской армией, с трудом переправившись через Нарев у Суража, вышла 22 августа около полудня на 12 версту шоссе Белосток—Мозовецк, в то время как Белосток уже с утра 22 августа занимался передовыми частями 1 дивизии легионеров. Вот как описывает г-н Путна то, что оказалось на этой 12 версте шоссе: „на шоссе в Белосток были сгруппированы многочисленные обозы и отдельные части 3-х армий (407, 408, 409 полки и части 2, 3, 6, 8, 10, 17, 21 и 55 дивизий). Противник прочно занимал Белосток, и попытки частей 2 и 21 дивизий выбить его из города не имели успеха". Вечером начались новые отчаянные атаки на Белосток одних частей и ночные обходные передвижения других. В течение известного времени был даже открыт путь через Белосток, но, в результате, в руках 1 дивизии легионеров было оста-

влено много военного имущества и большое количество пленных. Состояние же армии г-н Сергеев характеризует следующими словами: „всякий порядок окончательно был нарушен, и части 16 армии представляли из себя жалкие остатки столь грозных некогда дивизий". В примечании же он добавляет: „сохраняли еще кое-какой порядок и боеспособность только по одной бригаде 8 и 17 и две бригады 27 дивизии (из 15 бригад, находившихся в армии)".

Следующая, 3, Советская армия вышла из Варшавского сражения счастливее всех. Приказ г-на Тухачевского двинул ее в атаку на Новогеоргиевск; левым флангом она помогала 16 армии, и поэтому-то именно 21-я ее дивизия разделила участь соседней армии. После поражения 16 армии 3 армия отошла за Нарев, пытаясь в течение небольшого промежутка времени задержаться на Буге. Когда же это ей не удалось, она порвала контакт с 15 армией, оставляя ее на произвол судьбы, и, видя поражение 16 армии, спешно начала уходить вдоль шоссе Вышков—Остров—Замбров. На схеме г-на Сергеева 19 числа мы находим ее у Вышкова, а 20 под Островом, где она вообще не пытается оказывать сопротивления и отходит дальше, будучи еще на одной линии с отходившей туда же и находившейся уже около Остроленки 15 армией. Но в дальнейшем она уже отказывается от какого бы то ни было взаимодействия с остальными армиями и спешит использовать время, так как наша 4 армия была повернута к Ломже, а наша 1 армия совершала отход к западу за Нарев. На схеме мы видим, как 22 августа, т.-е. в день поражения 16 армии под Белостоком и 15-й под Ломжей, она, не оказывая никому помощи, спешит, как указано тремя стрелками, на северо-восток к Осовцу и в направлении Гродно. Г-н Сергеев утверждает, что из Варшавского поражения она вышла благополучнее всех; то же могу подтвердить и я, ибо спустя месяц я нашел ее упорно защищавшей Гродно и переправы через Неман.

15 армия направлялась не на Варшаву, а обходила ее, двигаясь по направлению к Висле, к нижнему ее течению за Новогеоргиевском; задев поэтому наш Варшавский гарнизон только своими левофланговыми дивизиями и не дойдя до своей цели, она получила 17 вечером приказ об отходе, ввиду польского наступления со стороны Вепржа. Отступала она с тем, чтобы принять на себя всю тяжесть боев в то время, когда уже ни одна армия не вела их. 19 числа мы видим ее сосредоточенной в Цеханове, Макове и Прасныше и ожидающей еще подхода 4 армии; однако, ввиду окончательного поражения 16 армии и отхода 3-й, 15 армия начинает отступление. На схеме г-на Сергеева 20 августа мы находим ее в районе Остроленки. 22 она находится в Ломже, которую под давлением одной нашей 15 дивизии оставляет того же

числа. Она поспешно отходит дальше уже через Граево, подойдя, таким образом, к границе Восточной Пруссии. В последнем бою она оставила, вследствие быстро организованного преследования, большое количество пленных, при чем немалая ее часть, измученная и лишенная желания вести дальнейшие бои, перешла границу Восточной Пруссии, давая себя там обезоружить.

Наконец, 4 армия показана на схеме у г-на Сергеева в тот момент, когда она в составе 4 дивизий и конного корпуса стягивается отовсюду из-под Влацлавска, Бродницы и из-за реки Вкры. 22 августа она пробивается под Млавой через первое препятствие — нашу 18 дивизию; 23 разбивает 2-е слабое препятствие под Хоржелями (один полк так называемой сибирской бригады) и, наконец, 25 августа, задержанная под Кольно нашими 14 и 15 дивизиями, переходит границу и дает себя обезоружить в Восточной Пруссии.

В истории Варшавского сражения внимание каждого должно остановиться на странной, неожиданной и столь внезапной перемене роли обеих воюющих сторон. В течение каких-нибудь двух дней побежденный становится победителем, победитель — побежденным. Если же сопоставить то необыкновенное гнетущее впечатление, какое производило польское поражение на умы и сердца людей не только у нас в Польше, но и во всем мире, если сопоставить неоспоримый факт морального упадка молодого польского государства, выражением чего была посылка к стопам г-на Тухачевского мирной делегации, если все это сопоставить с внезапным переворотом, который произошел каким-то молниеносным способом,—невольно ищешь каких-то чрезвычайных причин этой внезапной перемены, этого молниеносного переворота. Когда я давал характеристику тому могущественному влиянию, которое произвел г-н Тухачевский своим победоносным походом, то говорил, что у нас было впечатление какого-то калейдоскопа, вызывавшего хаос расчетов, приказов и донесений. Быть может калейдоскоп этот вращался медленным темпом, но все же тогда каждый день настолько был непохож на завтрашний, что словно в какой-то кадрили смешивались все фигуры—маневры дивизий и полков с географическими названиями. Теперь я получил свой реванш и свой триумф.

Не жалкую кадриль, а бешеный галоп играла музыка войны! Не день расходился с днем, а час с часом. Калейдоскоп, заверченный в такт бешеного галопа, не позволял никому из командующих Советской стороны долго задержаться ни на одной из танцуемых фигур. Фигуры эти расстраивались в один миг, и перед изумленными глазами появлялись совершенно новые образы и новые положения, которые совершенно перерастали и превосходили всякие предполо-

жения и строившиеся планы и намерения. Не знаю, отдавали ли в этом галопе событий мои тогдашние подчиненные себе отчет в том, что происходит в действительности. В западной части, наверняка, нет! Самое большое, они участвовали в кадрили, и при этом довольно жалкой. Зато я с удовольствием всегда вспоминаю, что, завертев этот калейдоскоп в такт бешеного галопа и проверяя ежеминутно самого себя, я сохранял хороший „tête froide d'un chef“ [1]), который не теряет головы от победы и не падая духом при поражениях. Поэтому-то, когда Варшава, освободившись от продолжительного психологического воздействия на нее неудач, перешла к торжествам и празднествам, я в Седлеце подготовлял дальнейшую войну и тотчас же после занятия Ломжи, 23 августа, набросал в общих чертах план дальнейших операций. Я сразу же изменил неестественный, обращенный к северу фронт в прямой и естественный восточный, распределив заново войска между новыми же армиями и отметая в сторону, как победитель, весь тот смешной хаос в командовании и его системе, какой был во времена неудач и поражений.

[1]) Хладнокровный разум начальника.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Революция извне

Г-н Тухачевский был выдвинут государством, которому он служил, на столь высокий пост в ведшей войну армии, что не мог быть свободен от расчетов и калькуляций, являющихся уделом высших командных должностей в военное время. На посту подобного рода командующий не может ограничиваться одними лишь техническими задачами, связанными с боевыми действиями армии. Он должен, хотя бы для выработки собственного суждения о возможности реализации задач, которые он ставит своим подчиненным, постоянно взвешивать и учитывать силы и военную мощь как своего государства, так и того, с которым ведет войну. Без этого учета высшее командование будет поневоле слабым, такой командующий легко может спутать все свои строго военные расчеты, если в его работу будут внесены элементы и данные хотя и из чуждой ему области, но тем не менее неизбежно над ним довлеющие. Подобной областью, если применить к ней уже употреблявшееся мною определение, являются внутренние фронты обеих воюющих сторон. Сила и направление внутреннего фронта по отношению к ведущейся войне зачастую имеют гораздо большее значение, нежели сила и ценность самой армии. Поэтому-то нисколько не удивляюсь, что г-н Тухачевский посвятил целую главу рассмотрению этой именно области, связанной с военным искусством. В силу же того, что во время войны я занимал более высокое положение, нежели г-н Тухачевский, ибо не только командовал всей польской армией, но наряду с этим был еще и Начальником государства, я вынужден был эти расчеты делать постоянно и систематически. Поэтому-то теперь, описывая эту войну, я хочу вкратце также в специально посвящаемой этому главе сопоставить расчеты обеих сторон и их влияние на исход войны. Г-н Тухачевский вел свои армии к Висле и за Вислу во имя и с целью нести силой то, что в рассматриваемой им проблеме он называет революцией. Согласно этому и название главы гласит: „Революция извне“. Уже само это определение военной задачи носит на себе ясный отпечаток того факта, что внутренняя революция не существо-

вала, коль скоро ее нужно было приносить извне на остриях штыков. Во всяком случае является неоспоримым фактом, что подтверждает и сам г-н Тухачевский, что Советская Россия вела с нами войну под лозунгом навязывания нам, полякам, такого же, как и у нее, государственного, т.-е. советского, строя, и эту цель она окрестила наименованием революции извне. Тот факт, что такова именно была цель войны, был мне отлично известен, и потому-то я сразу подчеркиваю, что лично я вел войну, преследуя не какую-либо другую цель, как только ту, чтобы эта революция не была принесена к нам извне, на советских штыках. Войну с Советами Польша начала еще в 1918 году, а это был год, в течение которого она едва лишь в последние два месяца начала жить самостоятельной жизнью. До того же времени, что, вероятно, известно и вам, г-н Тухачевский, она была вынуждена также под давлением штыков жить не своей польской жизнью, устроенной по ее собственному усмотрению, а жизнью чужой, связанной с целыми тремя государствами: Россией, Германией и Австрией. Эта неволя оккупантов продолжалась до конца 1918 года, т.-е. слишком 120 лет. Таким образом, в течение более ста лет, при помощи штыков, некогда низвергших Польшу, ее наделяли благами чуждой ей и поэтому столь часто горячо ненавидимой жизни. И вот, в 1918 году, в начале зимы. Польша начинала весенний период своей свободной жизни после вековой неволи. И хотя весна эта в нашей истории будет считаться кратковременной, хотя цветы, которым она одарила людей, не успели покрыть ярким покровом плесень и испарения вековой неволи, все же эта весна была достаточно сильной, чтобы вооружить подъемом достаточное количество людей, не желающих еще раз испробовать, что означает штык г-на Тухачевского, штык, который нес гибель нашей собственной жизни, давая взамен плохую или хорошую,—это было все равно,—но неволю с ее мучительными пытками. Как Начальник польского государства и главнокомандующий его вооруженными силами, я горжусь до сих пор, что был выразителем тех, кто провозглашал эту весну в Польше и собственной грудью защищал ее проявления.

И вот, еще в 1918 году, независимо ни от кого, я поставил себе определенную цель войны с Советами. Я решил напречь все усилия именно к тому, чтобы возможно дальше от мест, где зарождалась и выковывалась эта новая жизнь, пресечь все попытки и покушения еще раз навязать нам чуждую, устроенную не нами самими жизнь. В 1919 году я достиг осуществления этой задачи. Советские попытки были мною отброшены так далеко, что они уже не в состоянии были мутить и препятствовать нашей работе по устроению, будь то хорошей или плохой,—в обсуждение этого я не вхожу,—но собственной жизни. То обширное про-

странство, которым я обеспечил себя от „революции извне", для целей войны имело даже свои отрицательные стороны, ибо наш народ при своем известном легкомыслии, при медленной и зачастую неумелой, к сожалению, работе по строительству новой жизни, забывал о законах, какие тяготеют над народом, ведущим войну. Этой войны близко от себя не видели и поэтому мало обращали на нее внимания. Итак, поставленной пред собою цели я достиг в 1919 году. Следует. однако, спросить, не было ли допущено какой-либо ошибки в расчетах и калькуляциях г-на Тухачевского? Когда под влиянием его побед, одержанных над нами, наше внутреннее строительство замерло, когда он уже протягивал свою руку к центру нашей жизни. столице Варшаве, когда его штыки собственно уже сделали свое дело,—Советская революция осталась. однако, только на штыках. не имея и тогда никакого значения для внутренних отношений в Польше. Между тем все расчеты г-на Тухачевского и его государства строились не на чем-либо другом, как только на предположении. что штыки явятся лишь сигналом и дадут возможность выявления сил Советской революции внутри той страны, куда эти штыки пришли.

И вот г-н Тухачевский напрягает силы, чтобы словами, определениями и стилем сделать то, чего не смог сделать в 1920 году штыком и насилием. Легко противопоставить слова—словам, предоставляя читателям на выбор возможность отдохнуть душой там, где больше всего слова им понравятся. Для примера попробую. Итак, по г-ну Тухачевскому, мы являемся бело-поляками; возможно, это вызовет у некоторых его читателей радостное биение сердца. я же этим определением нисколько не обижен, ибо гербом нашего государства является орел. и не какого-либо иного, а именно белого цвета. И когда, имея, как и каждый орел. искривленный клюв и острые когти. он развернул свои крылья в войне с г-ном Тухачевским в 1920 г., то сумел противопоставить себя двуглавому уроду. хотя этот последний и перекрасился в красный цвет. Поэтому мы останемся бело-поляками, поскольку наш орел является белым, имеет одну натуральную голову и достаточно острые когти для того, чтобы побеждать уродов и защищать свое гнездо. Правда, мы являемся еще также и „панской Польшей". Как это напоминает мне годы моего детства, когда я в Вильне с чувством отвращения и омерзения швырял книги столь известных в русской школьной литературе авторов, как Иловайский. Там тоже учили детей, как великие московские цари дарили своими благодеяниями „панскую Польшу", сколь великие заслуги они имеют перед богом, человечеством и перед самой Польшей, а эта „мятежная" панская Польша в каждом поколении весну своей жизни празднует кровавым восстанием!!! Напоминает мне это очень

красивый анекдот. Один из русских „радикалов" утверждал, что Польша настолько проникнута „панской" культурой и противным „панским" образом мышления, что даже к богу обращается на „пан", а обыкновенный туфель называет „пан-туфель". Г-н Тухачевский в своих расчетах совершенно не принимает во внимание, что именно в тот самый период, когда он совершал поход за Вислу, у нас в сейме самой сильной партией была мужицкая. крестьянская партия, которая тоже обращается к богу на „пан". а о туфле говорит не иначе, как „пан-туфель". Именно, когда г-н Тухачевский стучался в ворота столицы, во главе защищавшего Польшу правительства стояли представители как рабочих, так и крестьян, господа Витос и Дашинский. Но если нет лекарства, как я уже указывал выше, для командующего, который, будучи сломан морально, поддается воле противника, точно так же мир еще не нашел лекарства для головы и глаз доктринера.

Г-н Тухачевский этих фактов не замечает и не хочет понимать. Réalité des choses [1]) для него не существует, не существует поэтому оно и во многих других случаях, когда он говорит о нас.

Так, например, на стр. 33 он пишет: „Еще до начала нашего наступления вся Белоруссия, находившаяся под гнетом польских помещиков и бело-польских армий, бурлила и клокотала крестьянскими восстаниями". Поистине, головы доктринеров бывают замечательны! Г-н Тухачевский совершенно не замечает того, что в течение всей войны, которую вели с нами Советы, на близких тылах, а еще больше на отдаленных от обращенного к нам фронта, другие Советские войска и товарищи г-на Тухачевского были заняты исключительно тем, что с трудом подавляли те или иные антисоветские восстания. Даже большая часть руководимой г-ном Тухачевским армии вступила в бой с нами лишь после того, как подавила где-то внутри Советской России всякого рода восстания. Ничего подобного не было в Польше. И войска, поскольку они были организованы, свободно можно было посылать в бой против тех, кто находился перед фронтом, а не против тех, кто находился позади фронта. Только в два места всего-навсего в продолжение всей войны я вынужден был послать весьма слабые отряды, и то не для того, чтобы воевать, не в бой, а для производства массовых обысков с целью изъятия оружия, которым мне могли угрожать. Помню, как одному из видных представителей одного из западных государств, который привык верить „цареславящему историку" Иловайскому гораздо больше, нежели мне, который так же, как и г-н Тухачевский, ожидал, что что-то должно „бурлить" и „кипеть", я показывал, как работают на моих тылах железные дороги и теле-

[1]) Мир реальных вещей.

граф без всякой охраны. Быть может, г-н Тухачевский захочет усмотреть в этом недоразвитие „революции" и, наоборот, в восстаниях, с которыми сам вел борьбу в тылу польского фронта—переразвитие контр-революции,—для стратегии и для расчетов командующего эти слова ничего не меняют. Факты говорят за то, что г-н Тухачевский ошибался в своих расчетах, я же не ошибся ни сердцем, ни в мыслях. Г-н Тухачевский говорит, что имеет еще „характерный и великолепный пример классового пополнения" в виде 30 тысяч человек, влитых им в состав его армий, которые он вел за Вислу. Если бы это и было так, хотя г-н Тухачевский, как мы видели в начале книги, стыдливо исключил это пополнение из таблиц подсчета своих сил, то все две же наши так-называемые Литовско-Белорусские дивизии в общей сложности дали такое же количество добровольцев, и их можно противопоставить армиям г-на Тухачевского. И тут опять безразлично для стратегии и искусства командующего, как эти цифры будут окрещены, ибо в самом худшем для меня случае они свидетельствуют об одинаковой возможности пополнения войск и той и другой стороною. Что же касается меня, то я утверждаю, что, осуществляя свою цель—отделить Варшаву от Советов возможно большим пространством, я действовал как человек, который настолько хорошо знал театр военных действий, что как на самой местности, так и для каждого живущего на ней человека я был своим, а не чужим, и говорили со мной на совершенно понятном для меня языке. Поэтому я отлично видел, что подавляющее, громадное большинство населения относилось с глубоким недоверием, а зачастую и с явным недоброжелательством к Советам и к их господству, усматривая в них—справедливо или не справедливо, это также для стратегии безразлично,—господство невыносимого террора, получившего название еврейского. Поэтому-то я в течение всей войны никогда не боялся за то, что буду иметь в своем тылу какое-либо восстание.

Что же касается Польши 1920 г., которая также у г-на Тухачевского представлена в таком свете, что никто из переживших войну ее не узнал бы, то в ответ на это я процитирую г-ну Тухачевскому одну выдержку из моих писем, написанных мною под Варшавой. Работая в Седлеце в ночь с 19 на 20 августа, я сопоставлял всякие данные о состоянии армии и населения. На основании этих данных я несколько изменил свой приказ от 18 августа, а к бывшему в то время военным министром ген. Сосновскому я писал, если можно так выразиться, о государственных нуждах: „То, что здесь делается, превосходит всякое человеческое воображение. Нет ни одной надежной дороги, столько здесь повсюду в окрестностях шатается всяких разбитых и рассеянных, но в то же время сплоченных и изолированных отрядов с орудиями и

пулеметами. Пока что с ними справляется местное население и разнообразные тыловые части разных дивизий, которые, однако, должны следовать далее за своими дивизиями, а с их уходом остается невероятная пустота, и я полагаю, что если бы не вооружившиеся мужики, то завтра или послезавтра Седлецкая земля оказалась бы во власти только-что разбитых и рассеянных нами большевиков, а я и всякого рода команды, при помощи вооруженного населения, сидели бы. укрепившись в городах. Передайте это также и Скульскому (тогдашнему министру внутренних дел) и скажите ему, что на третий день после занятия нами Седлеца я не нашел в нем абсолютно никакой гражданской власти и тем более вооруженных полицейских". Эта картинка моего положения, положения Начальника польского государства, который чувствует себя спокойно и беспечно в то время, когда в городе нет полиции, а кругом имеется противник, хотя уже и разбитый, но в гораздо большем количестве, нежели подчиненные ему войска, красноречиво свидетельствует, каковой была тогдашняя Польша и каково было ее отношение к Советским благам, которые несли штыки г-на Тухачевского. И если г-н Тухачевский предпочитает резолюции „массовых митингов" в Белостоке, то я, признаюсь, предпочитаю свое положение в Седлеце.

Г-н Сергеев всегда бывает более правдив, чем г-н Тухачевский. На стр. 82 по этому вопросу он пишет совершенно иначе. Вот его слова: „Ставка на вспышку польской революции могла серьезно приниматься в расчет только в политических канцеляриях, да и то достаточно удаленных от фронта. В войсках в это мало верили, и, казалось бы, опыт формирования польской Красной армии в Белостоке,—крупном фабричном центре, был достаточным доказательством, что источники нашей информации слишком оптимистически смотрели на положение вещей в Польше". Мнение г-на Сергеева свидетельствует о том, сколько надежд и иллюзий должно было рассеяться в Советской армии при столкновении ее с „réalité des choses" [1]). Г-н Тухачевский, впрочем, в те времена не был исключением. Весьма многие иностранцы, которые впервые посещали тогда Польшу и которые, как и г-н Тухачевский, всегда склонны были больше верить школьным историкам Иловайским, нежели „réalité des choses" [1]), в разговоре со мной весьма часто задавали мне вопрос, не опасаюсь ли я, тогдашний Начальник государства, взрыва революции á la Russie [2]) у нас. На это я всегда и неизменно отвечал, что если и суждено будет миру, в чем я, впрочем, сомневаюсь, проделать русский эксперимент, то мы, поляки, будем последними, которые это сделают. При этом я всегда

[1]) Миром реальных вещей.
[2]) На русский лад.

добавлял, что мы являемся слишком близкими соседями России, чтобы легко могли решиться на подражание.

Вся фразеология г-на Тухачевского мне хорошо знакома. Я много лет своей жизни провел в работе для социалистического движения, и боюсь, что г-на Тухачевского еще на свете не было, когда в моих руках уже была литература, слова которой он употребляет. Позаимствованы они из труда великого мыслителя и ученого Карла Маркса. И хотя я никогда в своей жизни не был сторонником того, что называют материалистическим пониманием истории и что всегда клалось в основу всякой марксистской фразеологии, тем не менее я всегда умел отличать величие труда самого Маркса от вульгаризации его всегда глубоких мыслей. Между тем, когда я вижу г-на Тухачевского, шествующего по следам князя Паскевича Варшавского и стучащегося в ворота Варшавы, повторяющим заклинания, почерпнутые из Маркса, я не могу не ответить г-ну Тухачевскому заглавием известной у нас в Польше брошюры того же Карла Маркса — „Soll Europa kosakisch sein?“—Неужели Европа будет казацкой?

Оставляя в стороне вопрос о том, что думал г-н Тухачевский о нас, и задерживаясь исключительно на результатах его работы по высшему командованию, можно констатировать, что г-н Тухачевский ошибся, когда полагал, что найдет для себя в Польше во время войны продуктивную помощь. А так как эта иллюзия, несомненно, влияла на его способ командования и явилась специальным доводом и мотивом, которым он руководствовался, когда принял решение итти „за Вислу“, то на основе беспристрастного анализа нужно признать, что в расчетах и калькуляциях сил своего государства и государства противной стороны он ошибался; ошибка же эта наказала и его и руководимые им войска.

Я хочу закончить главу тем, что поставлю точку над „и“ политического свойства. Г-н Тухачевский, как впрочем и г-н Сергеев, всегда старается усмотреть в моих действиях какую-то зависимость от многих весьма неопределенных учреждений. Этих учреждений они перечисляют немалое количество.

Здесь есть и Антанта, и объединение капиталистов всего мира, и заговор империалистов, здесь имеется, наконец, штаб Антанты и еще точнее—французский штаб. В этом отношении г-н Тухачевский удивительно похож на некоторых моих подчиненных и земляков, которые все наши неудачи приписывают мне, все же победы или себе, или, когда не надеются, что им кто-либо поверит,—французам. Естественно, против горячего желания, чтобы так было, нет ни способов, ни лекарств, и не для того я пишу об этом, чтобы переубедить кого-либо из имеющих столь хорошее о себе мнение; однако, ради исторической точности, добавляю: командование польскими войсками в качестве главнокомандующего армией

создаваемой из ничего, я принял сам, без предоставления мне кем-либо полномочий, я был единогласно избран сеймом. мною же созванным, на пост Начальника польского государства, и думаю, теперь ни для кого не тайна, что оба эти факта произошли не под влиянием, а против желания того, что в то время называлось Антантой. Я не усматриваю, впрочем, в этом ничего предосудительного ни для себя, ни для Антанты. В политических вопросах, как уже указывалось мною, я всегда был представителем тех, кто в нашей—увы!—весьма кратковременной весне новой жизни собственной грудью хотел защищать возрождение Польши, из грязи рабства добывающей обломки своего существования. Зная же, насколько это трудно, я сосредоточил все свои усилия и мысли единственно только на этой цели, в то время как Антанта,—что тоже не является тайной,—искала скорее разрешения русской проблемы, чем того или иного уклада польских дел. В вопросах же войны и ее решениях я не склонен был поддаваться влиянию кого бы то ни было. Поэтому-то представитель военной Франции, каковым в Польше был тогда ген. Анри, если и имел когда-либо в этом отношении иллюзии, то во всяком случае весьма скоро совершенно оставил попытки этого рода. Впрочем, в этом нет ничего странного, и я думаю, что не умалю ничьего достоинства, если повторю весьма мудрое мнение одного из представителей той же Антанты и того же французского штаба—ген. Вейгана, высказанное им как раз в период Варшавского кризиса. Когда я, измученный отсутствием внутренней силы у нас, поляков, которые в самый грозный для них момент хотели покориться и, следуя извне идущему совету, собирались посылать делегацию в штаб-квартиру г-на Тухачевского в Минск, хотел снять с себя часть ответственности и ввиду этого предложил ген. Вейгану принять участие в командовании войсками,—он отказался. Он разумно указывал, что для него является трудным и невозможным командование войсками, столь быстро сформированными, как наши, и столь неизвестными ему ни в отношении боеспособности, ни в отношении командного состава, ни, наконец, в отношении всего того, чего вообще можно требовать от войск. Поэтому-то он удовлетворялся высказыванием теоретических суждений и, по крайней мере в отношении меня, воздерживался от какого бы то ни было давления на те или иные мои постановления и решения. И если я, будучи свободным в выборе, избрал перед Варшавской операцией бессмысленные, на мой взгляд, исходные данные, выделяя для пассивной обороны $^3/_4$ своих войск, а для атаки—$^1/_4$, то этой бессмыслицей я не обременяю ничью совесть, кроме своей собственной.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Действия таранными массами

Ведение войны, это—искусство. Искусство творит произведения, а объектом военного искусства всегда является победа. Поэтому каждый командующий ищет победы, как результата своей работы по командованию, работы своего мозга, нервов и воли. Работа войск, находящихся под командованием военачальника, является в сущности материализацией того, что он продумал, пережил и скомбинировал еще до этой работы.

Г-н Тухачевский, несомненно, был вождем далеко не посредственным. Своим походом за Вислу он материализовал свои предшествовавшие этому соображения, свою предшествовавшую умственную работу. Что он одерживал победы, это является абсолютно неоспоримым. Следовательно, он должен был изыскивать пути и методы, посредством которых одерживал эти победы, одаряя ими как войска, которыми командовал, так и государство, которое он представлял в войне.

Ту же войну с нашей, польской, стороны вел я. Зная отлично свою работу в этой области, я хорошо знаю и понимаю, что работа по командованию войсками с противной, Советской, стороны так же была не легкой, как и с нашей. Поэтому-то, когда я, как уже было сказано мною во вступлении, неоднократно с неудовольствием отбрасывал книжку г-на Тухачевского, полную, как ему казалось, яда и старании уничтожить противника, чего он не сумел добиться в действительности, книжку, полную искажений исторических фактов, книжку с противным для меня привкусом, ибо примешивающую какую-то скверную публицистику к великому делу войны,—меня и мой труд спасала единственно та мысль, что на примере г-на Тухачевского я сумею выявить работу по командованию, выполненную им в невероятных условиях.

Г-н Тухачевский, как командующий, неоднократно сумел одержать победу. Совершенно не входит в обязанности победителя разъяснять, каким образом он это сделал. Не входит также совершенно в обязанности полководцев хотеть или иметь возможность давать своим действиям оболочку

теоретических рассуждений и определений. возводить их в своего рода доктрину. Французская пословица „La critique est aisée, mais l'art est difficile“ [1]) ясно подтверждает права творящих произведения искусства и предоставляющих построение доктрин и теорий этого искусства кому-либо иному. И не каждого полководца великих войн искушало желание облечь свою работу в ризы теории, в ризы как бы законченной во всех подробностях доктрины. Однако, почти каждый из них, работая над своим произведением—победой, пытался впоследствии дать хотя бы очерк. разъясняющий метод его работы и развитие его мысли, которую он проводил в жизнь при помощи действий живой людской силы подчиненных ему войск.

Пытался сделать это и г-н Тухачевский, и—я позволю себе повторить это еще раз,—несколько страничек его труда, которые он посвятил именно этой области своей работы, являются, по моему мнению, украшением его лекций, украшением, которое примиряло меня с работой. предпринятой ныне мною.

Г-н Тухачевский, предпринимая свой поход за Вислу, был удален от объектов своих желаний, от цели, которую себе наметил, на добрых несколько сот километров. Он пробежал, следовательно, перед этим своими мыслями, а затем и работой, пространство, равное половине Европы. Предприятие не малое! В своем труде он описывает методы своей работы, выработанные еще до того. как он начал эту работу на поле боя. Он утверждает, что „при современных широких фронтах“ „сосредоточение таранных масс“ является необходимым следствием характера современных войн. Поэтому в своих суждениях он ищет способа создания военной силы, при прохождении больших пространств, путем сформирования таранных, как он называет, масс. Эти последние, как резерв, находящийся в непосредственном распоряжении главкома, должны поспевать всюду, где выполнение операции задерживается. Этим резервом он хочет сломить сопротивление противника всюду, где таковое им будет оказано. Единственно этим способом, утверждает г-н Тухачевский, могут вестись крупные операции, рассчитанные на далекие цели в условиях, при которых приходится иметь дело с большими, широкими фронтами и большими пространствами.

Я не хочу вдаваться в подробный анализ рассуждений г-на Тухачевского. Я радовался, читая эти рассуждения, ибо они не носят характера доктринерского ослепления. В них видна работа мысли, взвешивающей на весах аргументы за и против, и ищущей, в душевной муке, разрешения тяжелой работы мозга и нервов. Не хочу следить за этими суждениями, хотя я сам прорабатывал их неоднократно, работая над той же

[1]) Искусство трудно, а критика легка.

проблемой, которую поставил себе и г-н Тухачевский. Я мог бы к его аргументам прибавить бесконечное множество новых; повидимому, и сам г-н Тухачевский, размышляя не раз над этой загадкой, признает, что он привел далеко не все из них, которые можно было привести. Я хочу на протяжении всего его похода от Березины и Двины к Висле проследить единственно только действие того, что он называет таранной массой. Я хочу отыскать, где и в какой степени осуществлялась мысль г-на Тухачевского в его боевой работе и работе войск.

Итак, г-н Тухачевский начал со вступительного боя 4 июля на „ничтожном ручье" Ауте. Распределение его сил я назвал в своем анализе ловким, хорошо продуманным и смело выполненным. Три армии он сосредоточил на фронте пространством в сто километров с тем, чтобы разбить стоявшую там нашу 1 армию. Против большинства польских сил на Березине и на Полесьи он выставил слабые силы, добиваясь могущества там, где искал решающего исхода. Однако, тарана я там не вижу. Исследуя организацию сил г-на Тухачевского, я полагал, что таран сосредоточен в лучше всего снабженной 15 армии. Однако, шла она в наступление, не будучи совершенно построенной в глубину, совершенно не в той группировке, при которой могла бы оказать помощь другим, в случае затяжки боя. Более таранный вид имели обе фланговые армии, особенно же северная, 4, армия. Это соответствовало скорее идее Седана и указывало на немедленную, близко стоящую цель—не только нанесения противнику поражения, но и уничтожения его. Итак, тарана я там не замечал. Впрочем, я не ищу необходимости для г-на Тухачевского при этом именно в начале операции быть верным своей идее. Он открывал Смоленские ворота; открывал их с боем, ввиду чего принял группировку для своих войск не такую, как для похода с далеко выдвинутой целью и для преодоления пространства и возможностей, которые имелись у противника.

Итак, согласимся с тем, что 4 июля тарана не было. Однако, немедленно, даже во время боя, отказавшись от доведения его до конца, г-н Тухачевский формирует этот таран. Делает он это путем организации дальнейшего движения к западу двумя армиями: 3-й и 15-й. Тратит он даже для этой цели, как мы уже видели, много времени. Идея ему дорога. Далеко, за несколько сот километров, светят ему колокольни Варшавы, сверкает широкая лента Вислы, а чтобы пройти путь к ним, нужен труд, нужна сила. Итак, питать предстоящие бои, ломать предстоящие препятствия, согласно основной мысли г-на Тухачевского, должны 15 и 3 армия. Он направляет их туда, где ожидает препятствие, туда, где еще не сломаны боями польские силы — на юг. Наша 4 армия, занимающая линию р. Березины, должна испытать на себе

силу проведенной в жизнь мысли г-на Тухачевского — действие тарана. Уже при анализе этого движения я сравнивал спокойно двигавшуюся в направлении на Молодечно 15 армию со старой гвардией Наполеона. Стоит она себе с трубками в зубах, как последний резерв великого императора Франции. Равнодушно присматривается она к ведущемуся на ее глазах бою, зная заранее, что пальма победы, наслаждение преодолеть сопротивление и привести поражение противника к его полнейшей катастрофе выпадет на ее долю, когда глаз императора усмотрит подходящий момент.

Итак, таран двинулся. 3 армия—в Минск, 15—в Молодечно. Противник, однако, в соответствии, впрочем, с предположениями, высказанными г-ном Тухачевским, не хотел пассивно отнестись к этой операции и быть битым тараном; от удара он уклонился. Таран, состоявший из 3 армии и направленный на Минск, ударил впустую. Он сделал, таким образом, именно то, чего собственно и опасался в своих размышлениях г-н Тухачевский. 15 армия, двигавшаяся на Молодечно и имевшая своей задачей оказать помощь всем, задержалась в движении и поэтому прибыла чересчур поздно. Бои г-на Сергеева, который не испытывал наслаждения быть в составе тарана, разрешили над „голубой Вилией", „матерью наших ручьев", вопрос об ожидавшемся сопротивлении противника прежде, чем таран успел что-либо сделать.

Наши войска вновь отступили, но не вследствие тарана и не под давлением совместного удара всех армий г-на Тухачевского, а ввиду обхода фланга, который был сбит в трехдневном бою над Вилией. Заслуга в этом тарана и таранных масс была не велика.

Мы имеем и дальнейшие попытки наметить направление для тарана. И, к великому моему удивлению, дальнейшее направление таранных масс совершенно не диктовалось желанием применить их для преодоления сопротивления противника, желанием отыскать место, где это сопротивление будет наиболее сильным. Наоборот, когда голубая Вилия подвела, на пути г-на Тухачевского встал ее серый возлюбленный Неман, который, защищая родную землю, диктовал г-ну Тухачевскому направление движения его войск. Он заставил его оставить в покое противника и применять продвижение тарана к своему извилистому течению. Построенный подобным образом под влиянием Немана таран мало имел общего с творением войны, с питанием военных сил в том месте, где ослабевают фланги. Фланги двигаются совершенно самостоятельно, абсолютно не связанные с тараном. Вырастает новая преграда, преграда, которую использовывает противник. Преградой этой являются вновь—Неман и Щара.

Сдавленный течением Немана таран суживается и массируется. В этом именно месте он наиболее сдавлен и дви-

гается таким образом, как будто г-н Тухачевский ожидал, что именно его правый фланг, 4 армия, будет задержан в движении и потребует помощи тарана.

Но вот сопротивление на Немане сломлено. Кто же его в конечном итоге форсирует? Опять не таран! Опять-таки 4 армия г-на Сергеева с его конницей! Опять фланговый обход без попытки даже сломить сопротивление тараном! Опять, следовательно, таранные массы без пользы стянуты и сформированы, на этот раз не г-ном Тухачевским, а Неманом!

В дальнейшем вырастает новое препятствие. Не помогла Вилия, не помог Неман. В виде препятствия опять встают две реки—Нарев и Буг. Сжатый уже раз под влиянием Немана таран двигается и далее в тесном стратегическом расположении, не расширяясь к югу и не пытаясь там решить операцию, поскольку уже раз в начале своего движения на юг он ударил впустую.

Что же происходит на этих реках? Вот любопытный приказ г-на Тухачевского, приведенный у г-на Сергеева и помеченный 1 августа 1920 г. Цитирую его дословно: „Противник перед фронтом 15 армии оказывает упорное сопротивление. Дабы окружить и уничтожить неприятеля, командзап приказал нашей армии, продолжая движение в направлении Остроленка, двумя дивизиями нанести противнику удар в общем направлении на Мазовецк". Следовательно, опять 4 армия г-на Сергеева, задержанная в то время под Ломжей этим же самым Наревом, должна помогать тарану, а не таран 4 армии. Так и хочется сказать: „когда тревога, то до бога". Упорное сопротивление должно быть сломлено не тараном, а опять путем обхода не таранной, а преследующей северной армией.

Итак, таран нигде не дал результатов; он или ударял впустую, как это имело место под Минском, или опаздывал, как это было под Вильно, или же не он имел решающее значение, а обходящая преследующая 4 армия, как это имело место на Нареве. Быть может, после этого он сыграл какую-нибудь роль в последней стадии похода, когда Висла была действительно перед глазами если не г-на Тухачевского, то его армии?

Не хочу злорадствовать. Я знаком с трудностями командования, знаю неизбежные зачастую его ошибки. Однако, у меня мелькает мысль, что,—кто знает,—быть может, упорно проводимая идея тарана явилась причиной неудачи г-на Тухачевского под Варшавой. Образуя таран, 15 армия шла решать, согласно его приказа от 8 августа, не бои под Варшавой, так как ее задачей не было принимать в них участие, но географическую задачу перехода широкой Вислы в том месте, где не было противника.

И только последняя задача тарана, задача не победителей, но побежденных, была лучше всего выполнена 15 армией, наиболее по-таранному снабженной и наиболее к этому приспособленной. Когда все остальные армии или отступили в беспорядке (16-я), или бросали товарищей по несчастью (3-я),— 15 армия в течение двух дней, 18 и 19, пробовала сыграть роль старой гвардии, которая умирает, но не сдается.

Делая этот исторический очерк осуществления в жизни мысли г-на Тухачевского, не хочу этим сказать, что г-н Тухачевский непродуктивно работал, что г-н Тухачевский настолько ошибался в своих планах, что заранее эти планы обрекал на неудачу. Нет, это не так. Его идея имеет свою ценность и при этом большую ценность. Есть в ней много такого, над чем советую остановиться всякому работающему в области военного искусства. Это проба, которая могла не дать результатов, которая, наверное, не удовлетворяла даже самого автора.

Когда я хочу анализировать мысль г-на Тухачевского до самой глубины, когда делаю усилия отыскать в его суждениях и планах ложные основы, я нахожу их всегда в одном и том же самом. Ошибка эта не связана с тараном, не связана с методом питания, как я это называю, военной силой продолжительной военной операции, заранее предусматривающей сопротивление противника, но заранее также отказывающейся от мысли диктовать противнику способ действия и сопротивление только там, где этого хочет и воображает себе доктринерская голова.

Ошибку в суждениях, размышлениях и выводах г-на Тухачевского я нахожу всегда в том, что он искал сравнения своей работы с работой германской армии на французском фронте в 1914 г. Уже в ходе анализа, который я производил на предыдущих страницах, я постоянно старался выявить, насколько опасными ловушками являются для командующих слова, определения, геометрические фигуры, географические названия и все то, к чему относится громкий протест великого Наполеона, который из-под сводов башни Инвалидов и по сей день возглашает: „Mais c'est la réalité des choses qui commande, messieurs!“ [1])

Итак, поход немцев на Париж, к Сене и за Сену. Неужели г-ну Тухачевскому не приходила мысль, что этот поход, плод великой мысли и большой работы мозга и нервов Шлиффена, был тесно связан с попыткой разрешения проблемы, которая в те времена вставала перед стратегией и дождалась попытки своего осуществления в 1914 году. Это была попытка решения вопроса стратегии масс. Когда в сказочной погоне за числом, за его силой, за численным перевесом, в со-

[1]) Но решающее влияние, господа, принадлежит миру действительности!

стязании, которое характеризует стратегию после прусских побед 1870 г., армии Европы превысили миллионную цифру.— возникла новая и не известная дотоле проблема: как согласовать движение с массой? Как согласовать движение с множеством необходимых для питания войны оборудований, с огромной артиллерией, неисчислимыми обозами, с целой массой организаций. без которых война при современных средствах боя была бы бессильной. Стратегия масс и их движение для победы! Это была колоссальная работа, которую в тиши проделали образованные офицеры, которая занимала множество умов, мечтающих о новых Каннах, о новых Седанах или же о новых Иенах и Аустерлицах.

Зная, что труд мой будут читать люди, которые не ломали себе голову и не терзали себе нервов над этими вопросами, приведу одно сравнение, которое, быть может, представит воочию всю огромность этой проблемы! Возьмем город с миллионным населением, например, Варшаву, и поставим себе проблему переброски Варшавы сегодня в Собачьи Вульки, а завтра в Собачьи-Кишки, из которых, как говорил Заглоба, вылазить даже неприлично. Вообразим себе Варшаву в ежедневном движении, с массой повседневных запросов и повседневной работы.

А ведь адская погоня за числом смело переходила за миллионы, достигала уже полдесятка их. Следовательно, стратегия масс требовала, чтобы пять Варшав устремлялось к победе, чтобы пять Варшав могло жить ежедневно в другом месте, чтобы пять Варшав, работая ежедневно над делом победы. все отбросы военной продукции выкидывало куда-то в глубокий тыл, давая ежедневно новую пищу Молоху войны, вечно голодным жерлам орудий и стволам винтовок. Стратегию масс связать с движением, путем движения одержать победу! Вот та проблема, которая была связана с походом немцев к Сене и за Сену.

Когда г-н Тухачевский, собрав свою 15 армию в таран, считает ее массой, то позволю себе напомнить ему, что, по его расчету, 15 армия имела в общем 46.883 бойца. Один немецкий корпус, стремившийся к победе, насчитывал больше! И вот, когда он применяет слово „масса“ в отношении 15 армии и замедляет ее движение, загоняя ее в узкий для нее коридор,—пусть бы он проследил марш пяти корпусов 1 немецкой армии Клука через пространство, являющееся действительной теснины для масс, через один город Аквизгран и пусть сравнит это с маршем своего тарана по огромному и обширному пространству от Глубокого до Молодечно! Быть может. тогда не захотел бы он называть так нескромно свою 15 армию „массой“ и искать вдохновения для проблем, которые он должен был разрешить в стратегии масс, коими не располагал.

Стратегия масс в 1914 г. не привела к победе ни одну из воюющих сторон. Одержанные Гинденбургом и Людендорфом крупные победы и их смелые маневры на полях сражений в Польше и в В. Пруссии не относятся к стратегии масс, ибо массами в полном смысле этого слова полководцы эти не располагали. Стратегия масс победы не одержала. Движение масс, о котором стратегия мечтала, быстро выродилось в позиционную войну, если говорить о западе.

В стратегии масс основной задачей было сколотить миллионы, находящиеся в постоянном взаимодействии в единую, солдатскую массу. Все части должны были быть между собой в тесном контакте. Война заселила пространства, по которым проходили миллионы, столь же плотно, как и города, а тактическая связь должна была быть обеспечена взаимной поддержкой или огнем, или же немедленным движением. И пусть г-н Тухачевский не обманывает себя тем, что когда фон-Клук свой правый фланг имел совершенно открытым, то делалось это исключительно для того, чтобы умышленно не занимать военными операциями большого пространства. Для этой цели не хватало масс. Если пожелали бы упереться флангом в море, то рвалась бы тактическая и стратегическая связь. Таким образом, стратегия масс, помимо самих масс, требовала еще спайки, требовала возможности взаимодействия чуть ли не в самом узком понимании слова „тактического".

Таким образом, я утверждаю, что стратегия масс результатов не дала. Замерла она после разных опытов в неподвижности и в бессилии. Движение было побеждено силой окопа, материальными силами и преградами, которые воздвигли противники взаимно друг перед другом. И с той поры начинается борьба с окопом, борьба с преградами для движения, которое столь значительно ослабло. Каждая попытка прорыва окопа и овладения движением оплачивалась столь колоссальными жертвами, что, несмотря на работу самых лучших и самых сильных умов над извлечением из упадка элемента движения, долго не удавалось разрешить эту проблему. А делались большие колоссальные затраты, чтобы движение вновь сделать победным. Я помню, как маршал Петен, указывая мне на окровавленные холмы под Верденом, говорил, что почти миллионы людей лежат на этих изрытых гранатами полях сражений! Миллион до того бесследно погибших людей, что ныне кости обоих противников лежат перемешанными между собою и их не отличат ближайшие родственники! Настолько огромны катакомбы во имя возрождения движения, которое пало побежденным в мрачных окопах!

Хорошо помню те времена. Находясь в глухих пущах волынского Полесья, я тоже работал над окопами. Вековые сосны падали под топором для того, чтобы проложить дороги там, где до того времени ходили только лоси. Тянулись

телеграфные и телефонные провода в местностях, куда некогда заглядывали только волки и тетерева. В покрытых проволокой полях перед окопами, поистине, можно было заблудиться даже при ясном солнышке. Я строил убежища и подземные, из громадных древесных бревен, и надземные из таких же бетонных чурбанов, чтобы в глухих пущах могли поселиться люди. Строились узкоколейки там, где до того времени плохенькая лошаденка, лениво передвигавшаяся по болотистым дорогам, удовлетворяла людские надобности. По железным дорогам и узкоколейкам катились к нам не только продовольственные припасы для выросшего среди пущи нового военного города, не только массы строительного материала, который ежедневно расходовался с криком—еще и еще!; но катились также и эшелоны живого военного материала—людей. Куда? Из одного окопа в другой; из одного военного города в другой—такое же случайно образовавшееся скопище солдат.

Был я в окопах; помню свой тщетный смех, когда в один прекрасный день на Стоходе только одна моя рота, производившая набег, была поддерживаема в своем движении двадцатью с лишним батареями разных калибров, разного вида орудий, развивавших пекло огня. При очаровательном же фейерверке разноцветных сигналов, выбрасываемых в воздух, эти дикие и незаселенные местности давали зрелище какого-то торжественного празднества в богатом, зажиточном городе.

Я думал поэтому в те времена, что война не только вырождается, но что она вообще должна исчезнуть навсегда. Когда погиб главный элемент победы—движение, военная работа сделалась каким-то бессмысленным, диким методом убийства людей. Я не мог себе представить, чтобы человечество в состоянии было предпринять еще раз подобную попытку, чтобы оно еще раз захотело ломать и коверкать жизнь целых стран для питания окопов, а стратегия и военное искусство, закрывши от стыда глаза, считали бы только цифру убитых, цифру уничтоженных существ, для определения победы на основе этого кошмарного подсчета. Радовался я тогда в окопах. Значит, война исчезнет! Наконец-то, покончит сам с собой этот кошмар, висевший надстолькими людскими поколениями! Он выродится настолько, что искусство, не украшая природы войны, одним только своим видом отвратительного машинного истребления людей оттолкнет от себя даже самых закоренелых своих приверженцев. Война исчезнет вместе со всеми ее последствиями! Это,—так думал я,—принесет облегчение и моей родине—жертве войны! Но вместе с тем и жаль было мне этого небесного искусства, которым человечество на протяжении тысячелетий отмечало свое движение вперед. Военное искусство, породившее стольких великих людей,—людей, в которых непонятная сила так заковала

чародейскую мощь, что своим творчеством—победой, они порождали такие новые исторические творения, способные жить целые века. Найдет ли человечество другие методы ускорения своего исторического творчества? Вот вопросы, которыми я, как командир бригады, заброшенный в окопах, задавался, строя свои выводы о будущем.

Когда я вернулся из Магдебурга в Польшу и почти в один момент сосредоточились в моих руках политическая и военная власть, я заранее знал, что иду на новую войну, что ждет меня новая военная буря и бремя обязанностей главнокомандующего, бремя, которое я взвалил на свои плечи. Новая война с новыми, неизвестными проблемами, ибо так бывает в каждой новой войне. Я не был настолько наивным. чтобы, подражая, повторять стратегию масс без самых масс. Бессилие и унижение слабости я чувствовал слишком определенно, чтобы желать разукрашивать свои задачи словами и определениями, почерпнутыми из богатства численной силы, которая была развернута в 1914 г. Разрешать проблему войны, искать путей к победе такими методами можно было только во сне, обманывая себя словами и определениями не имеющими содержания. Вместо корпусов—батальоны, вместо армий—дивизии; где же эти массы, ради которых стратегия масс создавала свой язык и вырабатывала методы? Я всегда ненавидел бессилие, старающееся разукрасить себя пустыми звуками слов без содержания! Г-н Тухачевский избрал другой путь: любит слова, не вкладывая в них содержания. Для него 15 армия является таранной массой; для него ничтожные две тысячи конницы—пол-дивизии в 1914 г.—являются конной массой, названной для большего ошеломления себя и других корпусом.

Я хорошо знаю эти слова. Мною наблюдались усиленные старания украсить и нашу армию пышными словами, позаимствованными из другого контекста, словами, которые когда-то и где-то в другом месте означали силу, которые возникли когда-то в процессе искания победы иными, недосягаемыми для нас путями. Я никогда не поддавался соблазнам, хотя бы они были расписаны на карте самым красивым образом, разными цветами, где кружки и круги, представляющие малые и ничтожные отрядики, были растягиваемы на карте таким образом, чтобы они ошеломляюще показывали могучие по численности *массы* [1]) с пояснениями в так называемых „легендах“, позаимствованными из стратегии *масс*, устремлявшихся к победе.

Однако, пути к победе нужно искать. На то есть война, на то имеются полководцы. Поэтому-то, когда я просматривал труд г-на Тухачевского, я все более и более вчитывался

[1]) Курсив автора.

в его мысли, вникал в следы его работы, стараясь вникнуть, каким образом преодолевал он трудности проблемы, каким образом, когда масс в действительности не было и когда нельзя было связывать войска в одну мощную взаимодействующую тактическую цепь, что̀ было и с нами,—как он справлялся с основной проблемой, над которой мучился и я сам. Проблема эта сразу же встала предо мной во всей своей поражающей наготе. Проблема пространства и заполнение его военными действиями. Пространство же это столь огромно, тысяча километров колоссальнейшего фронта,—вся цивилизованная Европа не знает такого пространства! Войск же и сил для заполнения этого пространства военными действиями, для охвата его военными силами со всякими узлами и связями не хватало, ни мне, ни г-ну Тухачевскому. Все мысленные попытки, которые я делал для того, чтобы связать эту трудную проблему с опытом столь недавно закончившейся войны, никогда мне не удавались. Ни стратегия масс, ни стратегия крепко связывающая войсковые единицы взаимной тактической работой, ни, наконец, стратегия окопов—ничто никогда не давало мне никакого разрешения вопроса. Обманывать же себя словами и определениями, попадать в ловушку пустых звуков без содержания так, как это происходило со многими, я не хотел и не мог.

Повторяю, стратегия масс была основана одинаково как на существовании миллионов, находившихся в движении, так и на гарантии того, что все находящиеся в движении единицы взаимно, почти в тактическом смысле, поддерживают друг друга и тесно связаны между собою. Разбирая эту проблему, я называл такую стратегию stratègie serrée, или же stratègie en cadrante [1]): стесненная стратегия—так как она стесняет движение войск для обеспечения им силы массы, стратегия анкадрирующая (польского слова я не нашел)—так как каждой единице она дает поддержку соседей, находящихся в тесной связи. Стратегия окопов ничего в этом отношении не изменила, напротив—укрепила. Она увеличила массы, ибо не боялась трудной проблемы движения миллионов, зарыв их в окопы, отбросив движение. Самую же связь она усилила разве только материально, сжав массы непрерывным кольцом проволоки и окопов. Оттого такой пыл у последователей этой стратегии у нас, восклицавших громко: „Faites une ligne forte!!“ [2]).

У г-на Тухачевского, повторяю, я не вижу и признаков того, чтобы он пытался разрешить эту основную проблему борьбы с пространством, которое он не мог заполнить воен-

---

[1]) Стратегия сжатого построения или стратегия, стремящаяся иметь прочно обеспеченные фланги.

[2]) Образуйте укрепленную линию.

ными силами и овладеть посредством военной работы. Поэтому возможно, что и вся его идея таранных масс, питающих силой войну на больших пространствах при длительных операциях и растянутых фронтах, не удалась г-ну Тухачевскому потому. что он допустил эту первоначальную и основную ошибку. Он играл словами, не имеющими содержания. Он не имел масс и не мог обеспечить их фактической силой с флангов („Ankadrowaniem").

Заканчивая свою оценку попытки г-на Тухачевского разрешить великую проблему, которая некогда стояла и предо мною, когда я в подобных же условиях вынужден был вести войну,—я не хочу со своей стороны излагать метода моих суждений и хода моих мыслей, когда после долгих зачастую мук я пробовал делать то, что диктует стратегия: дать себе, дать армии и стране, которую я защищал, победу. Я спокойно лишь скажу, что всю двухлетнюю войну отмечал я не чем иным, как только победами. Всякий раз, когда дело войны я творил собственными руками, я одерживал победы, которые в истории этой войны являлись эпохами, ибо они всегда были стратегическими победами, а не достижением только тактического перевеса. Я принуждал противника изменять стратегическую группировку, я заставлял его делать под влиянием моей победы попытки нового построения всей организации войны, так как прежние приготовления гибли в огне сражения под моими победоносными ударами.

Так, например, в начале 1919 г. одним стремительным ударом на Вильно я в пару дней передвинул фронт на двести километров к востоку, преодолевая столь большое пространство сравнительно незначительными силами. Когда же я, испытывая еще раз свой метод на полях Украины, вел войска в наступление, я умышленно стал во главе одной из армий (3-й) с тем, чтобы на личном опыте проверить свои мысли, не обременяя непомерными, как мне казалось, требованиями никого из моих подчиненных. Достаточно было двухдневного боя, чтобы противопоставленная мне 12 Советская армия легла в боях, почти совершенно разгромленная, от чего она уже до конца войны не могла оправиться. Помню ту радостную минуту, когда на своем письменном столе я нашел телеграмму командующего 12 Советской армии, in claro по радио пущенную по свету и взывающую: „Где находятся мои дивизии?" Командующий армией получил на нее ответ только от одного командира дивизии, который из какого-то лесочка, при помощи сохранившейся радиостанции, сообщал: „нахожусь там-то и там-то, но где находятся мои войска—не знаю".

В третий раз я принял командование непосредственно в свои руки в битве под Варшавой. Я с огорчением всегда вспоминаю всю бессмыслицу исходных данных боя, бессмыс-

лицу, которую я не мог преодолеть. Но зато момент триумфа, когда в бешеном галопе боя были разгромлены одна за другой неприятельские армии и спасались паническим бегством, армии, которые еще так недавно праздновали свои триумфы,— навсегда останется победой силы командования и работы во имя победы.

И, наконец, на Немане, сером рыцаре, возлюбленном Вилии, командуя непосредственно половиной наших войск, я победоносную войну победоносно закончил. И, повторяю, не считаю своей обязанностью выяснять методы своей работы, разукрашивать ее словами рассуждений и возводить ее в доктрину. Я знаю только, что, имея в основе бессилие, численное бессилие в отношении пространства, я прикрепил знак победы к знаменам наших войск. Делал же я это всегда не стратегией масс, которыми не располагал, не стратегией связанных действий и связыванием всего в тесных рамках, не при помощи стесненной и тактически все обеспечивающей („ankadrujacei“) стратегии и не при помощи стратегии окопов, которых я не сооружал. Сражался я другим методом, который,—когда хочу облечь его в слова, — всегда называю стратегией, полной воздуха — „stratégie de plain air“, стратегией, где всегда больше воздуха, чем заполнения войной пространства, стратегией, при господстве которой свободно могут двигаться волки и тетерева, лоси и зайцы, нисколько не мешая делу войны и делу победы.

Я хорошо знаю, что многие из ломавших себе голову над той же, что и я, проблемой, в поисках методов, которые могли бы привести нас к победе, не в состоянии справиться с этой проблемой, опускали бессильно руки и давно заявили, что победа действительно имела место, но только потому, что война эта не была настоящей войной. Это была, по их мнению, какая-то полу-война или даже четвертушка ее, какая-то детская возня и драка, перед которыми великая теория войны горделиво закрывает свои страницы.

Не стану спорить. Хочу только прибавить, что эта драка непосредственно встряхнула судьбами двух государств, двух государств, насчитывающих вместе 150 миллионов населения. Хочу только сказать, что эта война или драка едва не встряхнула судьбами всего цивилизованного мира и что ее кризис был кризисом миллионов и миллионов людских существ, а дело победы на долгое, дай бог, время создало уже исторические основы для обоих воюющих государств. Итак, пусть будет драка, если нельзя подыскать для нее ни методов ни доктрин.

Издательство „ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК“.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Зимние занятия.

Сборник статей по проведению занятий в частях на зимний период.

176 стр. Ц. 1 р. 20 к.

В. ЛЕФЕБЮР.

Загадка Рейна.

2-е переработанное издание.

276 стр. Ц. 1 р. 25 к.

А. И. ЕГОРОВ.

Боевая подготовка стрелкового взвода.

102 стр. Ц. 70 к.

А. НИКОНОВ.

КИТАЙ.

Популярный военно-политический очерк.

104 стр. Ц. 1 р.

Н. П. Вишняков и Ф. И. Архипов.

Устройство вооруженных сил СССР.

Второе исправленное и дополненное издание, по данным на 15 ноября 1925 г.

368 стр. большого формата с 34 схемами и картой.

Ц. 3 р. 50 к., в переплете 4 р.

Политическая карта Китая.

В 4 краски. Ц. 60 к.

В. Свенцицкий и П. Бессонов.

Топография в задачах.

132 стр. с 76 чертежами и схемами, 2 картами и 1 планом, 100 саж. в 1 д.

Цена 1 р. 20 к.

Плакат-пособие

Заповеди боевого стрелка.

Цена 60 коп.

Разрезной многокрасочный плакат

Станковый пулемет Максима.

Цена 2 руб. 50 коп.

ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОПИСИ.

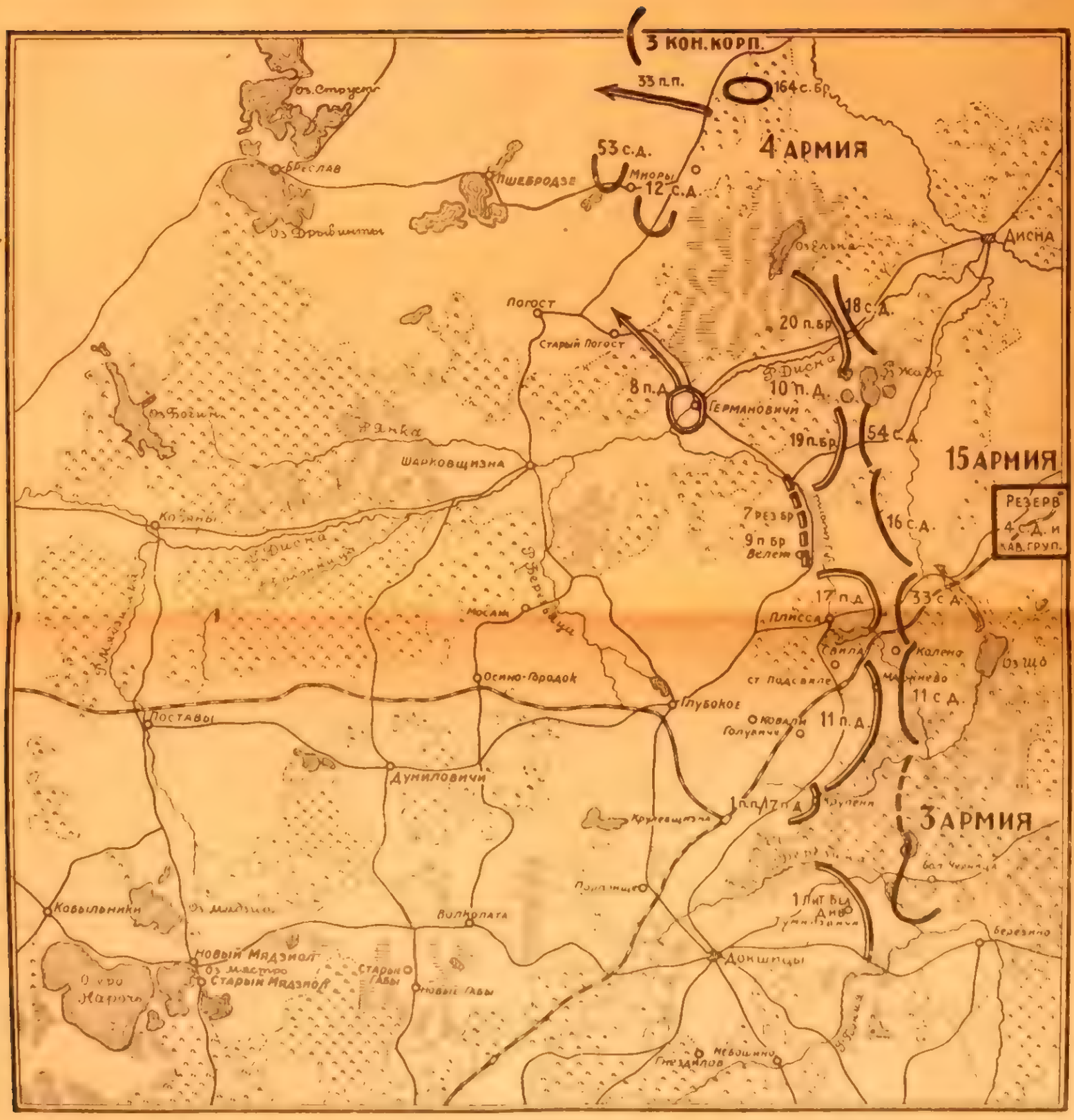
Тетрадь-пособие для практических занятий по черчению топографических условных знаков. 2-е, заново переработанное, издание.

Цена 50 коп.

Схема № 1.

Исходное положение к утру 4/VII.

Схема № 2.



Обстановка к вечеру 4/VII.

Схема № 3.

МАСШТАБ

0 5 10 15 20 25 30 35 км.

Обстановка к вечеру 5/VII и в ночь на 6/VII.

Схема № 4.

Обстановка к утру 6/VII.

Схема № 5.

Положение сторон в ночь с 11 на 12 июля.

Обстановка к вечеру 12/VIII.

Схема № 7.

Обстановка к вечеру 17/VIII.

Сражение на Висле и отход Красной армии.